

БОРЬБА КЛАССОВ

№ 4 АПРЕЛЬ
1935

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

5-й год издания

Ф. Андерсон

БОРЬБА ПАРТИИ С ПРАВЫМИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

В октябре 1917 г. пролетариат России, руководимый большевистской партией, установил свою диктатуру. Октябрьское вооруженное восстание победило вопреки гнусному предательству Каменева и Зиновьева, выдавших врагу план восстания. Партия отшвырнула со своего пути этих подлых шпрейкбрехеров, изолировала правых оппортунистов и тем обеспечила победу социалистической революции. Но правые капитулянты не сложили своего оружия. На другой день после восстания они пытаются свести нанет победу пролетариата: вслед за меньшевиками и эсерами правые выдвигают требование—заменить существующее большевистское правительство правительством из «всех советских партий», сделав его ответственным перед «всей демократией». Это требование означало не что иное, как ликвидацию пролетарской диктатуры и восстановление господства буржуазии. Оно вытекало из отрицания правыми ленинского учения о диктатуре пролетариата, учения о победе социализма в одной стране и социалистического характера Октябрьской революции.

Чтобы осуществить свои планы, правые вступили в соглашение с меньшевиками и эсерами и широко использовали переговоры с Викжелем (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников), активное участие в которых принимал Каменев.

Это было в момент острейшей борьбы, когда рабочие и Красная гвардия героически сражались с отрядами Керенского—Краснова, громили восставших юнкеров в Петрограде и вели ожесточенные бои с отрядами белых в Москве. В этот момент Викжель, руководство которым находилось в руках меньшевиков и эсеров, вмешался в события, чтобы склонить чашу весов на сторону контрреволюции. 11 ноября 1917 г. Викжель выпустил воззвание, в котором заявлялось, что страна идет к гибели, правительство Керенского оказалось не в силах удержать в своих руках власть, образовавшийся же в Петрограде Совет народных комиссаров, как «опирающийся только на одну партию», не может встретить признания и опоры во всей стране. Воззвание призывало создать новое правительство, пользующееся доверием «всей демократии» и способное довести страну до Учредительного собрания. Таким правительством, говорилось в воззвании, может быть только правительство, составленное «из всех социалистических партий—от большевиков до народных социалистов включительно». Исходя из этого, в воззвании предлагалось борющимся сторонам немедленно установить перемирие и прислать своих представителей для переговоров о власти. В случае отказа с чьей-либо стороны Викжель прозил объявить железнодорожную забастовку, обещая предоставить железнодо-

рожный транспорт лишь тем, кто согласится с его предложениями. Для того чтобы парализовать угрозы Викжеля и разоблачить контрреволюционность его политики, ЦК партии изъявил свое согласие на участие в переговорах.

Переговоры начались 11 ноября 1917 г. в присутствии Каменева и Сокольникова от большевиков, Гендельмана и Якоби от правых эсеров, Рязанова от ВЦИК, Дана и Эрлиха от правых меньшевиков, Рыкова от Совнаркома, Мартова, Абрамовича и Мартынова от меньшевиков-интернационалистов и т. д. Присутствовали кроме того и представители комитета спасения и петроградской городской думы.

Меньшевики и правые эсеры взяли на совещании чрезвычайнó воинственный тон: они заявляли об отказе вступить в правительство, в котором будут большевики. Правительство, говорили они, должно быть создано без большевиков. Но эти выступления были, по существу, лишь маневром, рассчитанным на то, чтобы повлиять на представителей большевиков и сделать их более уступчивыми. Совещание, в конечном итоге, согласилось с предложением Викжеля—образовать однородное социалистическое правительство из «всех социалистических партий—от большевиков до народных социалистов включительно». Это правительство предполагалось сделать ответственным перед «народным советом», составленным из представителей советов, армейских комитетов, профсоюзов и городских управлений. Каменев и Рязанов изъявили принципиальное согласие с предложениями большинства совещания. Они целиком солидаризировались с проектом создания правительства «из всех социалистических партий» и одобрили также и идею «народного совета». Разногласия остались у них с меньшевиками и эсерами лишь по вопросу о представительстве различных организаций в «народном совете». Каменев и Рязанов не сочли нужным возражать меньшевикам и эсерам и тогда, когда те предложили заменить Ленина Виктором Черновым или Авксентьевым в качестве главы нового правительства. Добиваясь соглашения с партиями меньшевиков и эсеров, правые не отказались

присоединиться и к резолюции, принятой совещанием 12 ноября и осуждающей репрессивные меры советской власти против контрреволюционных элементов. Этими своими действиями правые в лице Каменева и Рязанова не только преступно нарушили директивы ЦК, но и капитулировали перед контрреволюционной буржуазией. Своим поведением они надеялись вынудить партию сдать власть.

Капитулянтству правых партия дала немедленный отпор. 14 ноября Каменеву было предложено отчитаться в своих действиях перед ЦК партии. Выступая на заседании ЦК, Каменев попытался было найти всяческие оправдания своей капитулянтской политике. «Разрыв соглашения,—заявлял он,—ставит нас под верный удар... В руках Викжеля большая сила... Бороться можно только с Викжелем, но не против него»¹. На поддержку Каменева выступили Рязанов, Рыков и Зиновьев. По словам Рязанова, партия уже сделала ошибку, когда брала в Октябре власть. «Если мы сегодня отказываемся от соглашения,—утверждал он,—то мы останемся без левых эсеров, без всего, останемся перед фактом, что мы обманули массы...»². Рыков заявлял, что если мы переговоры прекратим, «то от нас отшатнутся и те группы, которые нас поддерживают, и мы не в состоянии будем удержаться у власти»³. Но все эти выступления свидетельствовали лишь о том, что правые являются агентурой «демократической контрреволюции». Выступивший в прениях Ленин со всей резкостью обрушился на правых. Он указал, что «переговоры должны были быть как дипломатическое прикрытие военных действий». Из этого вытекало, что правые совершили гнуснейшую измену, войдя в недопустимое соглашение с представителями Викжеля. «Единственное решение, которое правильно,—заявил Ленин,—это уничтожить колебания колеблющихся и самим стать решительными... Ясно, что Викжель стоит на стороне Калединых и Корнило-

¹ Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 г.—февраль 1918 г., стр. 154. Госиздат. 1929.

² Там же, стр. 153.

³ Там же, стр. 152.

вых. Колебаться нельзя. За нами большинство рабочих, крестьян и армии... Никто не доказал, что низы против нас; либо с агентами Каледина, либо с низами...»¹. Слова Ленина нашли всеобщую поддержку не только у подавляющего большинства членов ЦК, но и у представителей местных организаций, приглашенных на заседание Центрального комитета. Представители подтвердили, что массы целиком стоят за большевиков и резко настроены против Викжеля. Кое-где уже состоялись собрания железнодорожников, постановивших избрать новый Викжель; принимались меры к образованию на железных дорогах особого военно-революционного комитета. После целого ряда выступлений, давших отпор правым, ЦК принял резолюцию, в которой указывалось, что соглашательские партии ведут переговоры «не с целью создания объединенной советской власти, а с целью внесения раскола в среду рабочих и солдат, подрыва советской власти и окончательного закрепления левых эсеров за политикой соглашательства с буржуазией». Относительно дальнейшего ведения переговоров ЦК постановил продолжить их с единственной целью—до конца разоблачить всю несостоятельность попытки создания коалиционной власти.

Решение ЦК явилось сильнейшим ударом для правых оппортунистов. Но, потерпев поражение в ЦК, они попытались опереться на большевистскую фракцию ВЦИК. На заседании ВЦИК 15 ноября левые эсеры потребовали от большевиков пересмотреть свое отношение к вопросу о власти. Заявление левых эсеров было использовано правыми оппортунистами как повод для новой вылазки против партии. В ответ на ультиматум левых эсеров выступил Зиновьев с заявлением, что решение ЦК большевиков от 14 ноября фракцией ВЦИК еще не обсуждалось. Воспользовавшись перерывом, Каменев и Зиновьев провели в большевистской фракции ряд «поправок» к резолюции ЦК, означавших срыв линии партии. Это новое предательство правых оппортунистов партия

встретила с величайшим возмущением. 15 ноября Ленин предложил Центральному комитету особую резолюцию, в которой заявлялось, что «сложившаяся внутри ЦК оппозиция целиком отходит от всех основных позиций большевизма и пролетарской классовой борьбы вообще», осуждалась капитулянтская политика правых оппортунистов и еще раз подтверждалась правильность линии ЦК². Не ограничиваясь только этим, Центральный комитет тогда же предъявил правым решительный ультиматум—покончить с колебаниями, подчиниться партийной дисциплине и проводить неуклонно политику партии. «Оппозиция,—говорилось в ультиматуме,—намерена брать партийные учреждения измором, саботируя работу партии в такой момент, когда от ближайшего исхода этой работы зависит судьба партии, судьба революции. За такое положение дел мы не можем и не хотим нести ответственность... Мы требуем категорического ответа в письменной форме на вопрос, обязуется ли меньшинство подчиниться партийной дисциплине и проводить ту политику, которая формулирована в принятой ЦК резолюции т. Ленина»³. ЦК сообщил, что в случае дальнейшего саботажа правыми политики партии представители оппозиции будут исключены из партии.

Но правые и теперь не прекратили своей предательской работы. 17 ноября 1917 г. на заседании ВЦИК выступил Ларин с протестом против закрытия советским правительством ряда буржуазных газет и против политических репрессий вообще. Повторяя меньшевистскую клевету против политического террора, Ларин потребовал отмены декрета о печати и отказа от каких бы то ни было политических репрессий. Выступление Ларина поддержали и другие правые оппортунисты. Когда же их предложение большевистской фракцией было провалено, 11 народных комиссаров во главе с Рыковым, Ногиным, Теодоровичем, Рязановым, Лариным и Шляпниковым подали заявление о выходе из Совета народных комиссаров. В тот же день Зиновьев, Каменев, Рыков, Ногин и

¹ Цит. Протоколы ЦК РСДРП(б), стр. 154.

² Ленин. Т. XXX, стр. 360.

³ Ленин. Т. XXII, стр. 38—39.

Милютин заявили о своем уходе из ЦК партии. Потерпев поражение в ЦК и на фракции ВЦИК, не имея ни малейшей опоры в партийных низах, правые предприняли предательскую попытку свернуть партию с ее ленинского пути позорным дезертирством с ответственных постов.

Меньшевики, эсеры и все вообще враги революции встретили уход правых из ЦК и Совнаркома с величайшей радостью. Они поспешили прокричать на всех углах, что в партии большевиков происходит раскол, политика Ленина терпит провал и т. п. Но своим дезертирством с руководящих постов правые лишь окончательно обнаружили свое полное банкротство. «Ушедшие товарищи поступили как дезертиры,—писал Ленин от имени ЦК в особом обращении «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России»,—мы решительно осуждаем это дезертирство. Мы глубоко убеждены, что все сознательные рабочие, солдаты и крестьяне, принадлежащие к нашей партии или сочувствующие ей, решительно осудят поступок дезертиров... дезертирский поступок нескольких человек из верхушки нашей партии не поколеблет единства м а с с, идущих за нашей партией, и, следовательно, не поколеблет и нашей партии... Пусть же будут спокойны и тверды все трудящиеся! Наша партия, партия советского большинства, стоит дружно и сплоченно на страже их интересов, и за нашей партией попрежнему стоят миллионы рабочих в городах, солдат в окопах, крестьян в деревнях, готовых осуществить во что бы то ни стало победу мира и победу социализма»¹. Ни одна партийная организация не поддержала правых оппортунистов. Вся партия единодушно осудила новое беспримерное предательство Каменева и Зиновьева. Центральный комитет снял Каменева с поста председателя ВЦИК и обратился ко всем вожакам правых оппортунистов с последним и решительным предупреждением. Поставленные перед альтернативой: подчиниться партии или уйти из партийных рядов,—правые решили начать отступление. Предательская, дезорганизаторская

деятельность правых начала постепенно ослабевать. 21 ноября 1917 г. в «Правде» появилось письмо Зиновьева, в котором он заявлял о своем подчинении партийной дисциплине и просил дать ему возможность вернуться обратно на работу. 12 декабря 1917 г. с подобным же заявлением обратились в ЦК партии остальные вожаки правых оппортунистов: Каменев, Рыков, Ногин и Милютин. Но, хотя эти заявления и являлись известного рода сдвигом вперед в смысле признания правыми своих ошибок, ЦК партии все же воздержался от допущения правых к ответственной партийной работе. Это диктовалось тем, что правые далеко еще не отказались от своих оппортунистических взглядов и не полностью капитулировали перед партией. Кое-где они продолжали еще вести свою антипартийную работу.

Так например Рыков в своем выступлении на московской областной партийной конференции 20 декабря 1917 г. снова развернул свои оппортунистические взгляды. Выступивший на той же конференции Ногин полностью солидаризировался с Рыковым. Приблизительно в это же время правые выступили против линии партии и в вопросе об Учредительном собрании. Исходя из отрицания пролетарской диктатуры и боясь за сохранение буржуазно-парламентского строя, они предлагали комбинировать советы с Учредительным собранием, причем в результате всей этой комбинации полнота власти должна была перейти к буржуазной «учредилке». Правым удалось провести в бюро большевистской фракции Учредительного собрания ряд своих сторонников. Окопавшись в бюро фракции, правые сделали попытку противопоставить фракцию Центральному комитету партии, потребовав для разрешения вопроса об Учредительном собрании созыва партийного съезда.

Но партия разгромила правых и в вопросе об Учредительном собрании. 24 декабря 1917 г. состоялось заседание ЦК, посвященное обсуждению положения в большевистской фракции Учредительного собрания, в которой «водворились настроения правого крыла и расхождения с мнением ЦК». На этом заседании Ленин предложил сме-

¹ Ленин. Т. XXII, стр. 58—61.

стить бюро фракции, изложить фракции отношение ЦК к Учредительному собранию в виде тезисов, составить обращение к фракции, в котором напомнить устав партии о подчинении всех представительных учреждений Центральному комитету и назначить члена ЦК для руководства фракцией. В результате решительного вмешательства ЦК правые во фракции были разбиты и вопрос об Учредительном собрании был решен в соответствии с линией партии.

В своей антипартийной борьбе правые не останавливались и перед самой грязной клеветой на Ленина, обвиняя его в нетерпимости, властолюбии и жестокости. Несмотря на явно меньшевистское происхождение этой клеветы правые все же охотно ею воспользовались, объясняя даже свой уход из ЦК и Совнаркома «личным режимом» Ленина.

Ленинский режим в партии был явно не по нутру правым, которые рассматривали партию как конгломерат различных течений и фракций. «Чем больше партия, тем больше в ней течений», — так формулировал Нутин взгляды правых на строительство партии. Для пропаганды своих взглядов правые собирались издавать свою фракционную газету. Они на каждом шагу нарушали партийную дисциплину и устав, срывали и саботировали партийные решения. Стремясь разложить и взорвать нашу партию изнутри, они, по существу, стояли в вопро-

сах партийного строительства на меньшевистских позициях.

Возглавляемая Каменевым и Зиновьевым, правооппортунистическая группировка представляла собой агентуру «демократической контрреволюции»; правые выродки являлись проводниками меньшевистско-эсеровского влияния на партию. Разгромив правых оппортунистов наголову, партия ликвидировала один из каналов, по которому просачивалось влияние мелкобуржуазных элементов на коммунистическую партию. Решительная и беспощадная борьба с «демократическими иллюзиями» правых и их предательской политикой обеспечила сохранение монопольного положения партии в системе диктатуры пролетариата и тем самым обеспечила сохранение и укрепление самой диктатуры пролетариата. Разгром правых обеспечил успешную работу партии по «слому» старой государственной машины и созданию государства нового типа.

Создание и упрочение пролетарского государства против оппортунизма правых и «левых» послужили образцом тактики для всех и имели всемирно-историческое значение. Партия после разгрома правых еще крепче сплотилась вокруг своего великого вождя Ленина и его соратника Сталина. В этом великое историческое значение борьбы партии с правым оппортунизмом Каменева и Зиновьева.

БОРЬБА ПАРТИИ

**С „ЛЕВЫМИ
КОММУНИСТАМИ“
И ТРОЦКИМ**

ПО ВОПРОСУ О БРЕСТСКОМ МИРЕ

Первые 2—3 месяца непосредственно после Октябрьского переворота представляли, как отмечает Ленин, «период победного триумфального шествия диктатуры пролетариата и Советской власти»¹. Это был период, когда социалистическая революция легко преодолевала сопротивление внутренней контрреволюции и необычайно быстро распространялась по всей стране, вплоть до ее самых далеких окраин.

Но, разгромив контрреволюционные очаги внутри страны (калединщина, дутовщина и т. п.), Советская Россия столкнулась уже непосредственно с одним из отрядов международного империализма в лице Германии. И если раньше враг был ничтожным и презренно жалким, то теперь против Советской страны поднялся «гигант культурного, технически первоклассно оборудованного, организационно великолепно налаженного всемирного империализма»².

Период «триумфального шествия» советской власти подошел к концу, наступили тяжелые и критические дни. Во время переговоров в Брест-Литовске германские империалисты предъявили нам целый ряд грабительских требований.

Партия должна была решить, какой

тактики держаться, чтобы отстоять Советскую республику и обеспечить дальнейшее развитие пролетарской революции.

21/1 1918 г. Ленин выступил с тезисами по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира». С проницательностью гениальнейшего стратега и вождя пролетарской революции он указал пути дальнейшей борьбы за мир. Ленин считал, что пока не началась еще пролетарская революция на Западе, основная наша задача состоит в том, чтобы сохранить и укрепить Республику советов как базу и очаг международной революции пролетариата. Всякое определение международных задач советской власти Ленин предлагал поставить в зависимость от «положения дел с социалистической революцией в России»³. Подходя к вопросу с этой точки зрения, Ленин решительно высказался против немедленной войны с империалистической Германией. Он указал, что старая царская армия неудержимо разлагается, являясь «самым большим организмом» в стране. Происходит стихийная демобилизация солдат, которые самовольно расходятся по домам. В то же время создание Красной армии только что еще начиналось (декрет от 28/1 1918 г.), и для ее укрепления требовалось довольно значительное время.

Ленин указал, что против немедленной войны с Германией есть и соображения общеполитического характера. Беднейшие крестьяне—эти ближайшие союзники рабочих—были настолько измучены трехлетней империалистической войной, что пойти немедленно на новую войну они уже были не в состоянии. С другой стороны, борьба международного пролетариата находилась на такой ступени своего развития, когда трудно было заранее учесть, сумеет ли он своевременно прийти нам на помощь и отвести руку германского империализма, когда та протянется для удушения Советской республики. А из всего этого следовал лишь один определенный вывод: немедленная революцион-

¹ Ленин. Т. XXII, стр. 390.

² Там же, стр. 292.

³ Там же, стр. 194.

ная война с Германией привела бы Советскую Россию к неминуемой катастрофе. Война без армии, без основательной подготовки означала бы неизбежный разгром пролетарской революции и уничтожение диктатуры пролетариата в России.

Учитывая неизбежную гибель Советской России в случае войны с империалистической Германией, Ленин предложил заключить с ней мир, хотя бы это стоило тягчайших жертв. Это предложение не означало отказа от революционной войны вообще. Необходимость революционной войны принципиально не подлежала никакому сомнению. Но вести революционную войну можно было, лишь основательно к ней подготовившись, иначе война неизбежно превратилась бы в преступнейшую авантюру. Поэтому Ленин, продолжая отстаивать правильность лозунга революционной войны как лозунга перспективного, в создавшихся условиях выдвигал на первый план заключение мира. Мир — главное, писал в это время Ленин. Миром мы завоюем передышку, а передышкой воспользуемся для того, чтобы додушить буржуазию, развернуть социалистическое строительство в союзе с крестьянством и организовать мощную Красную армию для борьбы с империализмом.

Тактика Ленина состояла в том, чтобы не принимать боя с заведомо сильнейшим противником, отступить, маневрировать, используя противоречия в лагере империалистов для того, чтобы потом, при другом соотношении классовых сил и уже с совершенно другими шансами на успех, дать империализму решительный бой.

Чтобы добиться мира и завоевать передышку, приходилось подписывать договор, по которому немецкий империализм накладывал свою лапу на Польшу, Литву, Курляндию, часть Белоруссии, получал от нас контрибуцию в размере нескольких миллиардов и т. д. Но интересы социалистической революции требовали всех этих жертв, а три миллиарда контрибуции «для спасения социалистической революции не слишком дорогая цена», —

заявлял Ленин¹. Ленинская линия была рассчитана на то, чтобы «выиграть время, разложить противника и накопить силы для перехода потом в наступление»². Это была смелая и чрезвычайно дальновидная тактика, соединяющая необычайную гибкость с величайшей твердостью и верностью революционным принципам. Такая тактика являлась единственно правильной, обеспечивающей дальнейшее укрепление диктатуры пролетариата в России и рост международной социалистической революции.

Вся международная и внутренняя контрреволюция встретила ленинскую линию в вопросе о выходе из империалистической войны с величайшим озлоблением. Клевеща на партию и рабочий класс, буржуазия вопила, что большевики изменяют родине, распродают Россию немцам и т. п. Буржуазия стремилась во что бы то ни стало втянуть Россию в войну, надеясь этим путем добиться гибели пролетарской диктатуры. Буржуазии усердно помогали ее прихвостни — меньшевики и эсеры. Охваченные паникой и безнадежным отчаянием, мелкие буржуа кричали, что «мир — это позор», лучше геройская смерть, чем «похабный» мир с Германией, и т. п., и т. д.

В этот тяжелый момент внутри партии образовалась оппозиция, выступившая под прикрытием «левых» революционных фраз с глубоко оппортунистическими и капитулянтскими лозунгами. В качестве противника ленинской линии выступили Троцкий и группа «левого коммунизма», виднейшими представителями которой являлись Н. Бухарин, К. Радек, Н. Осинский, Г. Ломов, И. Стукков, Е. Преображенский, В. Смирнов, Г. Пятаков и др. Не считаясь ни с угрозой немецкого наступления, ни с требованиями внутривнутрипартийной дисциплины, оппозиция повела против партии самую разнузданную фракционную борьбу. Отрицая ленинскую линию в вопросе о выходе из империалистической войны, «левые коммунисты» выдвинули лозунг немед-

¹ Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Протоколы ЦК РСДРП(б), август 1917 г. — февраль 1918 г., стр. 202.

² Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 56. 10-е изд.

ленной «революционной войны». Эту «революционную войну» они представляли себе как борьбу против империалистических армий небольшими партизанскими отрядами («полевая международная революция», по выражению одного из «левых коммунистов» — Н. Осинского). Создание регулярной и дисциплинированной Красной армии «левые коммунисты» отвергали, считая организацию регулярных частей возвратом к отжившим свой век буржуазным методам военного строительства.

Троцкий стоял принципиально на тех же позициях, что и «левые коммунисты». Но он предпочитал уклониться от прямого и открытого призыва к «революционной войне», добиваясь вовлечения Советской России в войну с Германией более прикрытым и замаскированным путем. С этой целью он выдвинул свой лозунг «Ни мира, ни войны!», что означало: мира с Германией не подписывать, армию демобилизовать, войны не объявлять. Внешне этот лозунг как будто и отличался от лозунга «революционной войны», но отказ от подписания мира все равно должен был вызвать наступление немецких войск, что, как известно, впоследствии и случилось.

В основе платформы оппозиции лежали меньшевистско-троцкистские взгляды по всем основным вопросам революции. Оппозиция отрицала ленинское учение о победе социализма в одной стране. Октябрьскую революцию она рассматривала лишь как сигнал к международной революции пролетариата. Она не верила в силы рабочего класса и в способность его повести за собой крестьянство. Зато оппозиция чрезвычайно переоценивала силы и сплоченность международного империализма, игнорируя раздирающие его внутренние противоречия. Оппозиция утверждала, что между различными империалистическими группировками нет сколько-нибудь значительных разногласий («щели»), позволяющих Советской России маневрировать и уклоняться от боя. Она не хотела видеть, что империалистические группировки, сцепившись в «мертвой схватке», не в состоянии сплотиться для выступления против Советской республики единым фронтом. Это при-

водило оппозицию к выводу о невозможности даже временного «мирного сожительства» Советской России с капиталистическими странами. Оппозиция утверждала, что на такое «сожительство» империалисты никогда не пойдут, причем если даже и удалось бы заключить мир с Германией, то Советская Россия все равно не сумеет избежать катастрофы, так как в одной стране нельзя организовать социалистическое производство—разрешение этой задачи возможно только в международном масштабе.

Из всего этого вытекало отрицание оппозицией важнейшего указания Ленина—руководствоваться при определении наших международных задач необходимостью сохранения и укрепления диктатуры пролетариата в России. Ленинской линией оппозиция противопоставила политику «подталкивания» социалистической революции на Западе посредством «революционной войны», хотя бы это и стоило жизни Советской республике. Это была преступно-авантюристская политика, которую представители оппозиции прикрывали «левой» фразой. Призывая к войне несмотря на явное превосходство немцев, несмотря на разруху, голод и полный развал армии, представители оппозиции утешали себя иллюзиями. Так, они уверяли, что «немец не сможет наступать: ему мешает германская революция», «война все исцелит, всех воодушевит, все победит» и т. п. Но все это было лишь вредным самообманом, попыткой отделаться от действительного положения вещей пустыми и бессодержательными фразами.

Партия во главе с Лениным полностью разоблачила оппортунистическую сущность «левого коммунизма» и троцкизма. Критикуя отрицание оппозицией задачи укрепления диктатуры пролетариата в России, Ленин писал: «...весь мой спор... приходится сосредоточить на выяснении того, что марксизм требует учета объективных условий и их изменения, что надо ставить вопрос конкретно, применительно к этим условиям, что коренная перемена состоит теперь в создании республики Советов России, что выше всего и для нас и с международно-социалистической точ-

ки зрения сохранение этой республики, уже начавшей социалистическую революцию»¹.

Ставя так вопрос, Ленин учитывал величайшее значение Советской России как очага и базиса международной революции. «Пример социалистической Советской России,—писал он,—будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское, революционизирующее действие этого образца будет гигантским. Здесь—буржуазный строй и обнаженная до конца захватная война двух групп хищников. Там—мир и социалистическая республика Советов»².

Ленин не оставил камня на камне от всех аргументов оппозиции, с которыми она выступила против Брестского мира. Он показал полную несостоятельность платформ «левого коммунизма» и троцкизма. Со всей резкостью он заклеил линию оппозиции как авантюристскую, предательскую и капитулянтскую. Указав, что «левые коммунисты» и троцкисты своей авантюристской политикой толкают Советскую республику к гибели, Ленин заявил, что они на деле помогают лишь силам контрреволюции. «Только слепые или опьяненные фразой могут закрывать глаза на то,—писал Ленин,—что политика революционной войны (без армии...) есть вода на мельницу нашей буржуазии... Пусть знает всякий: кто против немедленного, хотя и архитяжкого мира, тот губит Советскую власть»³. Социальным источником «левого коммунизма» Ленин считал мелкого хозяйчика, «взбесившегося» от ужасов войны, разорения и голода. На опасность «левой» революционной фразы Ленин смотрел как на «наибольшую угрозу нашей партии (а следовательно, и революции)» и призывал партию к беспощадной борьбе с «левым коммунизмом» и троцкизмом.

Лучшим помощником Ленина в этот критический момент был товарищ Сталин, отстаивавший с величайшей последовательностью и твердостью ленинскую политику. Троцкому и «левым коммунистам» он давал самый

беспощадный отпор. На заседании ЦК 24/1 1918 г., когда решался вопрос о линии нашей мирной делегации в Бресте, после того как немцы окончательно сформулировали свои грабительские требования, товарищ Сталин заявил, что, «принимая лозунг революционной войны, мы играем на руку империализму»⁴. На этом же заседании, предлагая принять предложения Ленина, он с величайшей беспощадностью заклеил политику Троцкого. Выступая на ЦК 1/II 1918 г., товарищ Сталин указал на всю губительность фракционной борьбы, призывая решительно покончить с ней.

На всех заседаниях Центрального комитета, на которых обсуждался вопрос о мире, он всегда голосовал за ленинскую стратегию и тактику.

В минуты наибольшей опасности, когда положение Советской России казалось почти безвыходным, он все так же стойко продолжал бороться за ленинскую линию, отражая атаки Троцкого и «левых коммунистов». Так, 18/II 1918 г., после того как немцы возобновили военные действия против Советской республики, товарищ Сталин, выступая на заседании ЦК за возобновление переговоров о мире, заявил: «Либо передышка, либо гибель революции — другого выхода нет»⁵.

Ленин по всем важнейшим вопросам советовался с товарищем Сталиным, всегда считаясь с его мнением.

В первой половине января председатель русской мирной делегации Троцкий отправил Ленину письмо, в котором развивал свой план дальнейшего ведения мирных переговоров. 15 января Троцкий запросил Ленина по прямому проводу, согласен ли он с его планом. Ленин ответил: «Я сейчас только получил Ваше особое письмо. Сталина нет и ему не мог еще показать. Ваш план мне представляется дискуссионным... Как только вернется Сталин, покажу письмо и ему». Троцкий настаивал, чтобы Ленин высказал ему свое мнение о плане немедленно, но Ленин на это снова заявил: «Мне бы хотелось посоветоваться сначала со

¹ Ленин. Т. XXX, стр. 369—370.

² Ленин. Т. XXII, стр. 198.

³ Там же, стр. 276.

⁴ Протоколы ЦК РСДРП(б), стр. 204. Госиздат. 1929.

⁵ Протоколы ЦК РСДРП(б), стр. 249.

Сталиным, прежде чем ответить на Ваш вопрос...»

18/1 1918 г.—в момент осложнения переговоров — Троцкий запросил от Ленина указаний, как действовать дальше. В ответ Троцкий получил от Ленина одну за другой две записки: «1. Троцкому. Сейчас приехал Сталин, обсудим с ним и сейчас дадим Вам совместный ответ. 2. Передайте Троцкому: просьба назначить перерыв и выехать в Питер. Ленин, Сталин». За подписями Ленина и Сталина была послана Троцкому и историческая телеграмма от 10/II 1918 г., в которой давалась непосредственная директива — немедленно подписать мир в связи с получением нашей делегацией немецкого ультиматума.

Борьба с «левым коммунизмом» и троцкизмом по вопросу о выходе из империалистической войны продолжалась несколько месяцев и носила весьма ожесточенный характер. В первое время сторонникам оппозиции удалось получить большинство в целом ряде крупнейших партийных комитетов (Петербург, Москва, Иваново-Вознесенск, Уральская область и др.). Для борьбы с партией «левые коммунисты» организовали фракцию со своей особой дисциплиной и фракционным центром. Роль такого центра выполняло московское областное бюро, в котором преобладали «левые коммунисты».

Ленин заявил, что в связи с появлением «левой» оппозиции партия вступила в полосу кризиса, который является «одним из величайших кризисов, переживаемых русской революцией»¹.

Одним из начальных этапов в борьбе с оппозицией было совещание большевиков—участников III съезда советов, на котором Ленин огласил свои «тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира». Большинство совещания высказалось за предложения Троцкого и «левых коммунистов». Противником Ленина выступил на совещании и Каменев, изложивший свою точку зрения еще и в особой статье. Каменев заявил, что осуществление мира на германских условиях «обозначало бы крупнейший удар по мирово-

му пролетарскому движению. Подобный мир, если бы он был заключен, обессилил бы германский пролетариат и вызвал бы недоверие к русской революции со стороны пролетариата Англии, Франции, Италии. Подобное же разочарование вызвал бы во всех малых нациях... Подобный мир неприемлем для пролетарской коммунистической партии и не может оказаться приемлемым и для того правительства, которое держит власть именем и во имя интернационального социализма»². После съезда советов вопрос о нашей мирной политике был поставлен 24/1 на заседании ЦК партии. Выступая против Троцкого и сторонников «революционной войны», Ленин на этом заседании разоблачил и гнилую, капитулянтскую позицию Зиновьева, который, болтая о необходимости подписания мира, в то же время заявлял, что «миром мы усилим шовинизм в Германии и на некоторое время ослабляем движение везде на Западе. А дальше виднеется другая перспектива—это гибель социалистической республики»³. После обмена мнений на заседании ЦК было принято постановление, вынесенное Лениным, — затягивать, пока возможно, мирные переговоры с Германией в целях разоблачения германского империализма. Но при этом Ленин считал, что затягивание переговоров целесообразно только до немецкого ультиматума. Отъезжающему в Брест-Литовск председателю русской мирной делегации Троцкому Ленин дал конкретную директиву: как только ультиматум будет получен, немедленно подписать мир.

После III съезда советов и заседания ЦК 24/1 антипартийная работа оппозиции приняла необычайно широкие размеры. Не удовлетворяясь решениями III съезда советов и ЦК, они потребовали созыва партийной конференции для обсуждения вопроса о мире. Встретив со стороны ЦК отпор, оппозиция стала открыто угрожать расколом.

9/II немцы пред'явили нашей делегации последнее и решительное требование — согласиться на предло-

² Ю. Каменев. «Борьба за мир», стр. 44—45. Петроград. 1918.

³ Протоколы ЦК РСДРП(б), стр. 204—205.

¹ Ленин. Т. XXII, стр. 321.

женные ими условия мира. В развитии переговоров это был решительный, переломный момент. Однако несмотря на полученные от Ленина точные директивы Троцкий огласил 10/II в ответ на немецкий ультиматум декларацию в духе своей формулы: мира не подписываем, армию демобилизуем, войны не ведем. Это было беспрецедентное предательство, которое имело для Советской России самые тяжелые последствия, но опьяненные фразой троцкисты и «левые коммунисты» встретили заявление Троцкого с величайшим восторгом. Нелишне отметить, что гнусное предательство Троцкого вызвало одобрение Зиновьева, заявившего на заседании Петроградского совета, что наша делегация в Бресте нашла «единственный правильный выход» из положения.

18/II 1918 г. немцы возобновили военные действия против Советской России, начав наступление по всему фронту. Они заняли Ровно, Луцк, Оршу, Полоцк, Двинск, Псков, Ревель, очутившись всего в каких-нибудь 80—90 километрах от Петрограда. Не имея сил удержать немецкое наступление, советское правительство сообщило Германии о своем согласии подписать мир. Но теперь уже немецкие империалисты поставили нам гораздо более тяжелые условия, выставив дополнительно к своим прежним требованиям пункты о выводе Красной гвардии из Финляндии и Эстонии, заключении мира с Украинской радой, передаче Турции городов Карса, Батума, демобилизации армии и т. д. Ленин указал, что ответственность за более тяжелые условия мира ложится целиком на Троцкого и «левых коммунистов». Ленин писал: «...Что новые условия хуже, тяжелее, унижительнее худых, тяжелых и унижительных брестских условий, в этом виноваты, по отношению к великой российской Советской республике, наши горе-левые Бухарин, Ломов, Урицкий и К^о... От этого факта никакими увертками не скроешься. Вам давали брестские условия, а вы отвечали фанфаронством и бахвальством, доводя до худших условий. Это факт. И ответственность за это вы с себя не снимете»¹.

¹ Ленин. Т. XXII, стр. 308.

В ответ на немецкое наступление правительство объявило 21/II социалистическое отечество в опасности. Все новые и новые отряды рабочих отправлялись на фронт. Но задержать немецкое наступление все же и теперь не удавалось. Это был момент, когда судьба Советской России повисла, казалось, на волоске. В этой напряженной обстановке продолжение колебаний грозило привести к непоправимой катастрофе. Чтобы добиться, наконец, определенного решения, Ленин заявил на заседании ЦК 23/II, что политика революционной фразы должна быть окончена, «если эта политика будет продолжаться, то он выходит и из правительства и из ЦК»². Троцкий и «левые коммунисты» выступили и теперь против мира с Германией. «Доводы В. И. (Ленина) далеко неубедительны,—заявил Троцкий на заседании ЦК,—мы не были бы в плохой роли, если бы даже принуждены были сдать Питер и Москву. Мы бы держали весь мир в напряжении»³. Один из «левых коммунистов», Г. Ломов, заявил, что «если Ленин грозит отставкой, то напрасно пугаются. Надо брать власть без В. И. (Ленина)»⁴. Но несмотря на все противодействия представителей оппозиции ЦК признал, что дальше оттягивать подписание мира невозможно. За мир голосовали Ленин, Сталин, Свердлов, Стасова и др., против—Бубнов, Урицкий, Бухарин и Ломов, воздержались Троцкий, Иоффе, Крестьянский и Дзержинский. Решение ЦК имело величайшее историческое значение, так как оно спасло диктатуру пролетариата от разгрома и дало «передышку» Советской России.

В ответ на постановление ЦК о подписании мира лидеры «левого коммунизма»: Бухарин, Ломов, Пятаков, Яковлева и В. Смирнов—подали заявление об уходе «со всех ответственных советских и партийных постов, оставляя за собой полную свободу агитации как внутри партии, так и вне ее». В это же время Троцкий подал заявление об уходе с поста наркоминдела. Троцкисты и «левые коммунисты» повели агитацию за прямой срыв решения ЦК о мире. Московское об-

² Протоколы ЦК РСДРП(б), стр. 247.

³ Там же, стр. 248.

⁴ Там же, стр. 250.

ластное бюро — фракционный центр «левых коммунистов» — приняло чудовищную по своему содержанию резолюцию, в которой выразило недоверие Центральному комитету, заявило что оно «находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время» и в интересах международной революции считает «целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся чисто формальной»¹. В марте 1918 г. был созван VII партийный съезд, на котором Ленин выступил с защитой политики Центрального комитета. «Левые коммунисты» выставили своим содокладчиком Бухарина, добиваясь осуждения политики ЦК.

Но съезд разгромил «левых коммунистов» наголову и целиком одобрил борьбу ЦК за мир.

В ответ на это решение съезда «левые коммунисты» отказались войти в состав нового ЦК партии. В своей фракционной борьбе «левые коммунисты» зашли так далеко, что левые эсеры сочли даже возможным обратиться к ним с предложением арестовать Ленина и создать новый Совнарком. Но несмотря на всю эту дезорганизаторскую работу «левых коммунистов» их влияние после заключения мира с Германией начало неудержимо падать. Огромную роль здесь сыграла начавшаяся передышка, которая оказалась фактом, несмотря на то что «левые коммунисты» отрицали ее возможность. Пользуясь передышкой, партия развертывала социалистическое строительство, укрепляла союз пролетариата с крестьянством и энергично взялась за строительство Красной армии. Опыт, таким образом, целиком подтверждал правильность ленинской линии и свидетельствовал о полной несостоятельности позиции «левых коммунистов» и Троцкого. На Московской конференции 4/III «левые коммунисты» получили всего 5 голосов. Подавляющее большинство делегатов высказалось за Ленина. В то время как Московское областное бюро выразило недоверие Центральному комитету, областной пленум партийного комитета стал на

точку зрения ЦК. 21/III «левые коммунисты» потерпели поражение на Петроградской партийной конференции, а несколько позднее они были разбиты и на конференции московской области. Подобная же картина наблюдалась везде, где «левые коммунисты» ранее пользовались влиянием.

Весной 1918 г. «левые коммунисты» выступили против ленинского плана социалистического строительства. Исходя из отрицания переходного периода от капитализма к коммунизму, они выступили против использования пролетарским государством госкапитализма (концессии, аренда, смешанные акционерные общества), против сдельной оплаты, привлечения буржуазных специалистов и т. д. Они ожесточенно боролись против единоначалия и введения твердой труддисциплины. Вся их платформа в вопросах хозяйственной политики являлась отражением влияния мелкобуржуазной стихии и была, по существу, направлена против диктатуры пролетариата! Но партия разгромила «левый коммунизм» и в вопросах хозяйственной политики. К лету 1918 г. влияние «левых коммунистов» сошло окончательно на нет. На фракции большевиков V съезда советов (4—10/VII) против политики партии голосовало всего лишь 5 человек.

Последующие события целиком и полностью подтвердили правильность ленинской политики нашей большевистской партии. Благодаря передышке внутреннее и международное положение Советской России неизмеримо укрепилось. Под руководством партии была создана сильная, боеспособная Красная армия, давняя в последствии сокрушительный отпор всей международной и внутренней контрреволюции. Осенью 1918 г. в Германии вспыхнула революция, которая дала нам возможность аннулировать Брестский мир. «Брестский мир,— писал Ленин,— был уступкой, усилившей нас и раздробившей силы международного империализма»². Величайшие успехи нашей политики были возможны только благодаря последовательно проведенной борьбе против троцкизма и «левого коммунизма».

¹ Ленин. Т. XXII, стр. 207.

² Ленин. Т. XXVII, стр. 7.

БОРЬБА ПАРТИИ

С ТРОЦКИСТСКО- ЗИНОВЬЕВСКИМ ОППОЗИЦИОННЫМ БЛОКОМ

XIV партийный съезд (декабрь 1925 г.) вошел в историю нашей партии как Съезд индустриализации. На этом Съезде вождь партии товарищ Сталин выдвинул перед партией в качестве центральной задачи борьбу за индустриализацию страны.

В резолюции XIV съезда сказано: «обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования»¹.

Оппортунисты встретили генеральную линию партии в штыки. Ленинградская делегация, состоявшая из подобранных Зиновьевым членов его группы, потребовала предоставления Зиновьеву слова для содоклада к отчету ЦК партии, сделанному товарищем Сталиным. Это была неслыханная в нашей партии вылазка. Это был прямой шаг к расколу партии.

В своем «содокладе» Зиновьев клеветнически напал на линию ЦК, обвинял партию в перерождении, отстаивал теорию невозможности построения социализма в стране диктатуры пролетариата, впадая в панику перед кулаком, отстаивал линию разрыва с середняком, объявлял наши социалистические предприятия госкапитали-

стическими, требовал свободы группировок внутри партии — словом, по всем основным вопросам Зиновьев противопоставил генеральной линии партии свои оппортунистические взгляды и «теории».

Съезд единодушно, всеми голосами, за исключением голосов ленинградской делегации, одобрил линию ЦК и решительно осудил линию зиновьевской оппозиции.

Партийные массы Ленинграда, ознакомившись с историческими решениями Съезда, быстро разобрались в антиленинской, капитулянтской политике зиновьевской оппозиции. Подавляющее большинство ленинградских большевиков, введенных в заблуждение двурушнической позицией Зиновьева и других бывших руководителей парторганизаций Ленинграда, голосует за решения XIV партсъезда, за линию партии, против оппортунистической линии «новой оппозиции» Зиновьева — Каменева.

Через месяц после Партсъезда в Ленинграде происходят районные и губернская партконференции, которые безоговорочно солидаризируются с решениями XIV партсъезда. Во главе ленинградских большевиков становится С. М. Киров, избранный секретарем ленинградского губкома. С большевистской последовательностью и несокрушимой энергией он бичует и громит зиновьевскую оппозицию, все теснее и теснее сплачивая ленинградскую организацию вокруг ЦК партии и ее вождя товарища Сталина.

«Новая оппозиция», возглавляемая Зиновьевым и Каменевым, открыла атаку на генеральную линию партии в такой период, который был, как отметил товарищ Сталин, переломным периодом в развитии нашей революции.

Отлив революционной волны на Западе, временная и относительная стабилизация капитализма и одновременно с этим прочное укрепление СССР на социалистической основе, завоевание более или менее длительной передышки, завершение восстановительного процесса в народном хозяйстве — таковы отличительные особенности наступившего периода, которые со всей остротой поставили вопрос о дальнейших перспективах социалисти-

¹ «ВКП(б) в резолюциях», ч. 2-я, стр. 116.

ческого строительства в СССР и всего развития революции. Вопрос о возможности построения полного социалистического общества в нашей стране приобрел в этот период актуально-политическое значение. Вождь партии товарищ Сталин выдвинул этот вопрос на первый план как вопрос непосредственной партийной практики.

В этот новый период, когда партия вплотную решала вопрос о социалистической перестройке народного хозяйства, выступила группа Зиновьева и Каменева со своей ликвидаторской платформой, сея неверие в победу социализма в СССР, пытаясь внести разложение в ряды борющейся ленинской партии.

Это выступление Зиновьева и Каменева напоминало их поведение в октябре 1917 г., когда они капитулировали перед трудностями перехода от буржуазной революции к социалистической и, не веря в возможность победы социалистической революции и социализма в СССР, стали на путь подлого штрейкбрехерства и предательства интересов рабочего класса.

Летом 1926 г. «новая оппозиция» объединилась с группой Троцкого и другими антипартийными группировками, склотив объединенный троцкистско-зиновьевский оппозиционный блок.

Сигнал к объединению всех оппозиционных течений был дан Зиновьевым еще на XIV съезде. В своем выступлении на Съезде он предложил привлечь к партийному руководству все разгромленные оппозиции и, конечно, в первую очередь троцкистов.

«Не может быть никакого сомнения, — говорил товарищ Сталин, — что такой призыв не мог не найти отклика в рядах троцкистов, которые с самого начала придерживались той мысли, что группировки должны быть более или менее свободны, и они должны более или менее объединяться, для того, чтобы вести борьбу против той основной линии партии, которая Троцкого давно уже не удовлетворяет.

Это была, так сказать, подготовительная работа по формированию блока»¹.

¹ Сталин «Об оппозиции», стр. 327.

Уже на апрельском пленуме ЦК 1926 г. был предпринят первый серьезный шаг к сколачиванию блока, но полной договоренности между лидерами оппозиционных групп в это время еще не было. На этом пленуме Зиновьев и Каменев пока еще выступали со своими отдельными «поправочками» к резолюции ЦК о хозяйственном положении, а Троцкий — со своими. Но уже к июльскому пленуму ЦК 1926 г. троцкистско-зиновьевский оппозиционный блок был сколочен. На этом пленуме обсуждался вопрос о фракционной вылазке зиновьевцев. Группа зиновьевцев устроила в лесу, под Москвой, нелегальное собрание, на котором кандидат в члены ЦК Лашевич призывал к борьбе против ЦК. Отдельные оппозиционеры по заданиям своих руководителей ездили в провинцию вербовать сторонников, распространяли клеветнические документы против партии, устанавливали свой шифр для секретных сношений с фракционным центром. Нити всей фракционной деятельности оппозиции вели к аппарату Коминтерна, где в то время работал Зиновьев. Июльский пленум ЦК 1926 г. в своем решении указал, что оппозиция стала на путь фракционной борьбы. Пленум призвал партию усилить борьбу с оппозицией. Лашевич был исключен из кандидатов в члены ЦК, а Зиновьев выведен из состава Политбюро.

На этом июльском пленуме ЦК Зиновьев, Каменев, с одной стороны, и Троцкий — с другой, амнистировали друг друга. Каменев и Зиновьев заявили, что в 1923 — 1924 г. они, выступая против Троцкого, совершили ошибку, ибо Троцкий был тогда «прав», выдвинув обвинение в перерождении партии. Троцкий в свою очередь заявил, что он был неправ, подчеркивая в «Уроках Октября» (1924 г.) штрейкбрехерство Каменева и Зиновьева в октябре 1917 г. Это была взаимная амнистия, для того чтобы создать беспринципный оппозиционный блок для борьбы с ленинским руководством нашей партии.

На какой же платформе был сколочен этот блок, и какие элементы сплотились вокруг него?

В основу оппозиционного блока была положена платформа троцкизма. Троцкизм уже неоднократно выступал против партии, пытаясь подорвать основы ленинизма и свернуть партию с ленинского пути. Троцкизм отрицал возможность победы социализма в одной стране. Не верил в силы и способность пролетариата руководить крестьянством, не верил в союз пролетариата с крестьянством, отрицал большевистскую партийность, ее ленинское единство и монолитность; троцкизм пытался подменить ленинское учение о революции и диктатуре пролетариата меньшевистской схемой «перманентной революции». Правооппортунистическую меньшевистскую сущность своей платформы троцкизм прикрывал самой разнузданной «левой» фразеологией. Из всех оппозиционных течений троцкизм являлся в тот период наиболее законченным оппортунистическим течением. Под идейной гегемонией троцкизма и был сколочен объединенный оппозиционный блок. Группа Зиновьева—Каменева полностью капитулировала перед Троцким: открыто перешла на позицию троцкизма. Оппозиционный блок включал в себя также остатки группы «демократического централизма» (Сапронов, Смирнов и др.). Эти оппозиционеры и при жизни Ленина выступали против руководящей роли партии в советском государстве, боролись против централизма большевистской партии и пролетарской дисциплины. Члены группы «демократического централизма» в 1923 г. были в рядах троцкистской оппозиции. Оппозиционный блок включал в себя также и остатки разбитой «рабочей оппозиции», один из лидеров которой — Шляпников — после победы Октябрьской революции (вместе со штрейкбрехерами Октября) дезертировал из советского правительства. Шляпников и при жизни Ленина говорил о необходимости ликвидации партии рабочего класса и требовал разорвать союз рабочего класса с середняком. Еще X съезд партии (в 1921 г.) признал пропаганду анархосиндикалистских взглядов «рабочей оппозиции» (Медведев, Шляпников) несовместимой с пребыванием в рядах партии.

Участники «рабочей оппозиции» в письме к бакинским рабочим в 1924 г. писали, что нужно сдать в концессию крупные предприятия и ликвидировать Коминтерн и Профинтерн.

Вот из каких элементов и группировок составилась объединенный оппозиционный блок.

Предпосылкой к объединению было то, что все антипартийные группировки, не имея поддержки в рядах партии и рабочего класса, стремились возместить отсутствие этой поддержки взаимной поддержкой, т. е. объединением собственных сил путем создания единого антипартийного блока.

По своей беспринципности и антипартийным задачам, которые этот блок себе ставил, он напоминал пресловутый беспринципный «августовский блок» 1912 г., который также был сколочен Троцким и им возглавлялся.

В конце сентября — начале октября 1926 г. оппозиционный блок принял ряд открытых фракционных вылазок против ЦК, для того чтобы проверить свое влияние в партии. Зиновьев, Каменев и Троцкий сделали вылазки на ряде партийных собраний в Москве (на заводе Авиоприбор, на Рязано-Уральской железной дороге), но рабочие-большевики дали жестокий отпор оппозиционерам и изгнали их с собраний. Ни одна рабочая ячейка не стала на платформу троцкистско-зиновьевской оппозиции. Разбитые и потерпевшие поражение, вожди оппозиции вынуждены были подать 4 октября 1926 г. заявление, в котором они заверяли, что отказываются от подпольной работы. Однако уже 7 октября оппозиционеры организуют в Ленинграде новую вылазку против ЦК партии. Зиновьев, Евдокимов и другие оппозиционеры отправляются в Ленинград, где выступают на партсобраниях Путиловского завода и на других предприятиях. Оппозиция хотела использовать старые связи и повести за собой ленинградскую партийную организацию для борьбы с партией, но эта попытка кончилась позорным крахом: большевики Ленинграда под руководством тов. Кирова дали решительный отпор вождям оппозиции. Испытав в борьбе с партией все способы и методы фракционной

борьбы и будучи битой, оппозиция подает 16 октября 1926 г. покаянное заявление. В этом заявлении вожди оппозиции еще раз уверяют партию в своем отказе от фракционной работы и призывают фракционные группки к самоликвидации. Но это был лишь двурушнический маневр, предпринятый для того, чтобы сохранить оппозиционные кадры в партии и выбрать новый удобный момент для борьбы против партии. На Пленуме ЦК, состоявшемся 22—26 октября 1926 г., было вынесено специальное постановление, в котором было сказано, что партия должна быть мобилизована на то, чтобы окончательно идейно разоблачить и разгромить троцкистско-зиновьевский блок. Пленум ЦК постановил: вывести Троцкого из состава членов Политбюро, Каменева — из кандидатов в Политбюро; а Зиновьева снять с работы в Коминтерне.

Непосредственно после Пленума ЦК (26 октября 1926 г.) открылась XV партийная конференция, на которой товарищ Сталин сделал доклад об оппозиционном блоке в ВКП(б). В этом докладе была дана развернутая характеристика троцкистско-зиновьевской оппозиции и разоблачена капитулянтская, меньшевистская сущность ее платформы. Товарищ Сталин показал, что в основе расхождений оппозиции с партией лежит троцкистское отрицание ленинского учения о возможности победы социализма в СССР.

Оппозиционеры отрицали неравномерное, скачкообразное развитие капитализма в империалистическую эпоху и вытекающую из этого возможность победы социализма в одной стране. Они подменяли вопрос о законе неравномерности развития капитализма вопросом о различии экономического уровня капиталистических стран. Между тем в эпоху империализма имеет место нивелировка в экономическом уровне отдельных стран при о б о с т р е н и и неравномерности развития. «Закон неравномерности развития в период империализма,— говорил товарищ Сталин,— означает скачкообразное развитие одних стран в отношении других, быстрое оттеснение с мирового рынка одних стран

другими, периодические переделы уже поделенного мира в порядке военных столкновений и военных катастроф, углубление и обострение конфликтов в лагере империализма, ослабление фронта мирового капитализма, возможность прорыва этого фронта пролетариями отдельных стран, возможность победы социализма в отдельных странах»¹.

Отрицая возможность победы социализма в СССР, оппозиция тем самым заявляла, что мы не сможем собственными силами преодолеть внутренние противоречия, что мы не сможем побороть «свою», советскую буржуазию, на основе социалистической индустриализации перевести крестьянские хозяйства на рельсы коллективизации и вместе с основной массой крестьянства построить бесклассовое, социалистическое общество.

Троцкий всегда стоял на той точке зрения, что без предварительной победы социалистической революции на Западе, без государственной поддержки победившего западноевропейского пролетариата мы не сможем победоносно построить социализм.

Зиновьев отстаивал тот взгляд, что приступить к строительству социализма мы сможем, но построить социализм внутренними силами, ликвидировать техническую отсталость страны мы не сможем. Это заявление Зиновьева было проникнуто тем же троцкистским неверием в возможность победы социализма. «Строить социализм без возможности построить его, строить, зная, что не построишь,— вот до каких несообразностей договорился Зиновьев»².

Троцкистско-зиновьевский оппозиционный блок имел наглость обвинять нашу партию в национальной ограниченности. Оппозиционеры клеветнически заявляли, что строить социализм в СССР — это значит забыть дело мировой революции. Товарищ Сталин показал, что именно оппозиционеры изменяют интернациональным обязанностям большевиков, что именно они предают дело международной пролетарской революции, ибо,

¹ Сталин «Об оппозиции», стр. 515.

² «Вопросы ленинизма». 10-е изд., стр. 136.

строю победоносно социализм в СССР, наша партия решала задачу мировой социалистической революции, ибо между социалистическим строительством в СССР и развивающейся мировой пролетарской революцией существуют полное взаимодействие и взаимозависимость. Если бы империалисты разгромили СССР, наступила бы полоса черной реакции для пролетариев Запада, Америки и колониальных народов мира. Сочувствие пролетариата капиталистических стран СССР оттягивает сроки интервенции, помогает строительству социализма в СССР. Укрепление социализма в Советском союзе необычайно ослабляет капиталистический мир и укрепляет позиции мирового пролетариата в их борьбе за диктатуру пролетариата. «Строить социализм в СССР, — говорил товарищ Сталин, — это значит делать общее дело пролетариев всех стран, это значит ковать победу над капиталом не только в СССР, но и во всех капиталистических странах, ибо революция в СССР есть часть мировой революции и база ее развертывания»¹.

Отрицая победу социализма в СССР, троцкистско-зиновьевский блок тем самым отрицал социалистический характер Октябрьской революции. Совершенно ясно, что победившая в октябре 1917 г. социалистическая революция обязывала строить социалистическое общество.

В день социалистического переворота — 7 ноября 1917 г. — Ленин, выступая на заседании Петроградского совета, сказал:

«Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма».

Борьба советского государства с белогвардейщиной и интервентами, борьба на фронтах хозяйственного строительства была соподчинена задачам победы социалистического общества.

Для оппозиции Октябрьская революция не являлась сама по себе со-

циалистической: по мнению Троцкого—Зиновьева, Октябрьская революция была лишь сигналом для революционного пролетариата Запада, который, свергнув свою буржуазию, сможет оказать государственную поддержку пролетариату СССР. На деле же Октябрьская революция была не только сигналом, но главным образом опорной базой — очагом для развертывания мировой социалистической революции.

Главным вопросом марксизма-ленинизма является вопрос о диктатуре пролетариата, об условиях ее завоевания и укрепления. Крестьянский вопрос является соподчиненным диктатуре пролетариата. Троцкий и Зиновьев выступили с пересмотром этого основного вопроса в учении Ленина. Зиновьев писал: «Вопрос о роли крестьянства... является основным вопросом большевизма, ленинизма».

Товарищ Сталин разоблачил попытку Зиновьева — свести роль Ленина, величайшего вождя и идеолога пролетариата, к роли «крестьянского философа». Товарищ Сталин писал:

«Одно из двух:

либо крестьянский вопрос является главным в ленинизме, и тогда ленинизм не пригоден, не обязателен для стран, капиталистически развитых, для стран, не являющихся крестьянскими странами;

либо главным в ленинизме является диктатура пролетариата, и тогда ленинизм является интернациональным учением пролетариев всех стран, пригодным и обязательным для всех без исключения стран, в том числе и для капиталистически развитых.

Тут надо выбирать»².

Зиновьев также выступил против Ленина в вопросе о роли партии и рабочего класса в системе диктатуры пролетариата.

Партия руководит диктатурой пролетариата через советы. Партия руководит рабочим классом через различные приводные ремни от партии к массам (профсоюзы, комсомол и т. п.).

Партия является основной направляющей силой в

¹ Сталин «Об оппозиции», стр. 457.

² „Борьба классов“ № 4

² Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 105. 10-е изд.

системе диктатуры пролетариата.

Зиновьев пересматривал эти руководящие ленинские положения, ставя знак равенства между диктатурой пролетариата и «диктатурой партии». Тем самым Зиновьев лил воду на мельницу контрреволюции, утверждавшей, что у нас не диктатура пролетариата, а «диктатура над пролетариатом».

Зиновьев отрицал ленинское положение о необходимости правильных взаимоотношений партии — авангарда рабочего класса — со всем классом. Зиновьев отрицал положение Ленина и Сталина, что партия включает в свои ряды передовых людей рабочего класса. «Ее назначение состоит в том, чтобы об'единять работу всех без исключения массовых организаций пролетариата и направлять их действия к одной цели, к цели освобождения пролетариата... Только партия пролетариата, только партия коммунистов способна выполнить эту роль основного руководителя в системе диктатуры пролетариата»¹.

Троцкистско-зиновьевский оппозиционный блок отрицал социалистический характер советского государства.

Троцкий заявлял, что у нас «далеко не пролетарский характер» государства. Каменев выражал недовольство привлечением крестьянства в советы. Он говорил, что нижние этажи советской власти затопляются крестьянством и поэтому советское государство перестает быть пролетарским государством.

Зиновьев определял государство диктатуры пролетариата как руководство двух классов: рабочих и крестьян. Троцкист Осовский выступил в печати со статьей, в которой писал, что советское государство выражает интересы «всех наличных сил страны, в том числе и капиталистических предпринимателей». Отправляясь от этих клеветнических утверждений, троцкистско-зиновьевский блок заявлял, что советское государство и партия стали на путь

термидорианского перерождения. Этой неслыханной клеветой оппозиционеры прямо и непосредственно смыкались с белогвардейцами.

Не осмеливаясь после XIV с'езда открыто выступить против лозунга социалистической индустриализации, который встретил горячую поддержку широчайших масс трудящихся, оппозиция пыталась под прикрытием «левой» фразы на деле сорвать его осуществление. Она требовала чрезмерных темпов индустриализации («сверхиндустриализации»), в то время явно непосильных для нашего народного хозяйства и ставящих под угрозу союз рабочего класса с трудящимся крестьянством. Впротивовес методу социалистической индустриализации, основанному на росте и укреплении крестьянского хозяйства, на росте благосостояния трудящихся, оппозиция предлагала империалистические методы индустриализации, основанные на эксплуатации крестьянства, исключительно на выкачке средств из крестьянского хозяйства.

Оппозиция считала, что имеются непримиримые противоречия между интересами промышленности и интересами крестьянского хозяйства; она смотрела на крестьянство как на колонию пролетарского государства. Троцкий заявлял, что хороший урожай в нашей стране вреден: он дезорганизует нашу экономику. Троцкий полагал, что «индустриализация должна осуществляться у нас через некоторый, так сказать, «нехороший урожай».

Исходя из этих положений, троцкистско-зиновьевский оппозиционный блок предложил усилить налоговый нажим на середняка и повысить отпускные цены на продукты промышленности. Оппозиция явно держала курс на раз'мычку пролетариата с середняком и тем самым пыталась расстроить план социалистической индустриализации страны, возможной только на основе укрепления экономической смычки рабочего класса с середняком.

Опять-таки в интересах якобы усиления темпов индустриализации оппозиционный блок предложил из'ять из

¹ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 115. 10-е изд.

торгового оборота миллиард рублей и отдать их промышленности. Но изъять государственные средства из торгового оборота означало содействовать приливу в торговлю частного капитала.

И в этом вопросе, следовательно, оппозиция, выступая с якобы «левыми» предложениями, на деле защищала интересы частного капитала.

Троцкистско-зиновьевский блок пытался подменить большевистские организационные принципы меньшевистскими. Ленин и Сталин учили, что диктатурой пролетариата может и должна руководить одна партия — большевистская партия.

Ленин говорил, что «кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата»¹. Троцкистско-зиновьевский оппозиционный блок, нарушая партийную дисциплину, став на путь фракционной борьбы, разрушал единство партии, вызывал сочувствие антипродетарских элементов страны, которые искали спасения от диктатуры пролетариата. Оппозиция подбирала элементы для новой, троцкистской партии. Дискредитируя партийный аппарат, основной костяк партии, пытаясь тем самым ослабить работу партии по руководству государством, оппозиционный блок помогал буржуазии в ее борьбе против советской власти и нашей партии.

Троцкистско-зиновьевская оппозиция выступила против партии также по вопросам международной и коминтерновской политики. В вопросах китайской революции оппозиционный блок, исходя из троцкистской теории «перманентной революции», отрицая антиимпериалистический и антифеодальный характер китайской революции, отрицал допустимость блока китайских коммунистов с Гоминданом в тот период, когда последний еще боролся против империализма и, следовательно, содействовал революционному движению рабочих и крестьян Китая.

Оппозиция «...пыталась «перепрыгнуть» через национальные особенно-

сти китайского революционного движения (Гоминдан), через отсталость китайских народных масс, требуя в апреле 1926 г. немедленного выхода коммунистов из Гоминдана и выставив в апреле 1927 г. лозунг немедленной организации советов в условиях еще незавершенной, неизжитой гоминдановской фазы развития»².

Но когда китайская революция вступила в новый этап и китайская компартия выдвинула лозунг советов, тогда троцкистско-зиновьевский блок выступил против этого лозунга и со своей стороны выдвинул меньшевистский лозунг учредительного собрания. Так под «левыми» фразами оппозиции скрывалось меньшевистское содержание.

Троцкистско-зиновьевский оппозиционный блок выступил также против участия в англо-русском комитете, который был создан в 1925 г. из представителей генерального совета тредюнионов и ВЦСПС. Этот комитет на определенном этапе способствовал укреплению единства советского пролетариата с английским.

Разоблачая требование оппозиции немедленного выхода советских профсоюзов из англо-русского комитета, товарищ Сталин писал, что Троцкий и Зиновьев «пытаются перепрыгнуть через отсталость английских профсоюзов, через их реакционность, добиваясь того, чтобы мы свергли Генсовет из Москвы, без английских профсоюзных масс. А мы утверждаем, что такая политика есть глупость, авантюризм, что реакционные вожди английского профдвижения должны быть свергнуты самими и английскими профсоюзными массами при нашей помощи»³.

Англо-советский комитет был вскоре сорван профбюрократами из генерального совета тредюнионов, но комитет успел сыграть значительную роль в укреплении связи английского и советского пролетариата.

В вопросах международной и коминтерновской политики троцкистско-зиновьевская оппозиция была также полностью разоблачена.

На расширенном, VII пленуме Ис-

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 191.

² Сталин «Об оппозиции», стр. 630.

³ Там же, стр. 301.

полкома Коминтерна, происходившем в конце 1926 г., был заслушан доклад товарища Сталина о социал-демократическом уклоне в ВКП(б) и решениях XV конференции ВКП(б).

Взгляды троцкистско-зиновьевского блока были осуждены Пленумом. Исполком Коминтерна вменил в обязанность всем секциям вести решительную борьбу со всеми отклонениями от генеральной линии партии, с малейшими выступлениями оппозиции. Троцкистско-зиновьевская оппозиция была идейным и организационным центром для всех антикоммунистических элементов в секциях Коминтерна (Корш, Рут Фишер, Маслов — в Германии, Суварин и другие—во Франции, которые заявляли, что в СССР нужна «новая революция»). Поэтому разгром троцкистско-зиновьевского оппозиционного блока в ВКП(б) облегчал братским компартиям разгром оппозиционных групп в их среде.

В начале 1927 г. международное положение СССР было крайне напряженным: английские империалисты, подготавливая поход против СССР, объявили о разрыве дипломатических сношений с Советским союзом; империалисты произвели налет на советское полпредство в Пекине; в Варшаве агенты международного империализма убили советского посла тов. Войкова; на территории СССР интервенты организовали ряд взрывов, поджогов и покушений — создалась непосредственная угроза войны. И этот тяжелый для партии и советской власти момент оппозиционеры используют для того, чтобы нанести партии удар в спину. Оппозиционеры развертывают свою антипартийную деятельность, требуя от ЦК изменения партийной линии в международных и внутренних делах.

В эти дни Троцкий пишет заявление тов. Орджоникидзе (тогда председателю ЦКК), в котором дает понять, что оппозиция в случае войны применит ту же тактику, которую применил в 1914 г. Клемансо (последний, когда немцы приближались к Парижу, заявил, что прежде всего необходимо свергнуть правительство Вивиани—Пенлеве, которое оказалось неспособным справиться с задачами,

возложенными на него империалистической буржуазией Франции).

Это было уже явно антисоветское выступление—выступление классового врага. Между тезисом «о Клемансо» и переговорами подонков троцкистско-зиновьевской оппозиции в 1934 г. (Николаев, Котолынов) с иностранным консулом существуют прямая связь и преемственность.

Став на антисоветский путь борьбы, троцкистско-зиновьевский блок начал распространять свою антипартийную литературу и вести враждебную агитацию не только среди членов партии, но и среди беспартийных.

Зиновьев выступил 9 мая 1927 г. на беспартийном собрании в Доме союзов (Москва), посвященном Дню печати. Это выступление было апелляцией к беспартийным против политики партии и ее руководящих органов. Лидеры оппозиции: Зиновьев и Троцкий — приняли 9 июня 1927 г. участие в демонстрации, организованной на Ярославском вокзале в связи с отъездом Смилги, который в течение нескольких недель саботировал постановление ЦК о выезде для работы в Сибирь. Троцкий выступил с речью перед собравшейся на вокзале публикой, среди которой наряду с оппозиционерами, созданными через фракционный аппарат, были и обыватели.

Собравшийся в конце июля 1927 г. объединенный Пленум ЦК и ЦКК отметил, что всеми этими действиями лидеры оппозиции ставят себя вне рядов партии. Прижатые к стенке лидеры оппозиции: Зиновьев и Троцкий — снова двурушнически осудили свое поведение, отказались от своего заявления о «термидоре» и обязались порвать с антикоммунистическими течениями в Коминтерне.

Однако и это заявление представляло собой двурушнический маневр. В своем заявлении оппозиция снова каялась и снова заявила: «Мы будем выполнять все решения ВКП(б) и ее ЦК. Мы готовы сделать решительно все для уничтожения всех элементов фракционности...» Но все это были опять лишь одни слова. На деле же оппозиция ни на минуту не прекращала своей фракционной подпольной работы. В 1927 г. оппозиция оформилась как подпольная партия—

со своим партийным комитетом, своей партийной кассой, подпольной типографией. Через месяц после «раскаяния» лидеров оппозиции была раскрыта подпольная типография Щербакова и К^о с участием белогвардейцев, замышлявших военный заговор против советского государства.

После раскрытия этой типографии оппозиция организует новую, недалеко от Москвы, и такие же подпольные типографии на Украине, в Ленинграде и других городах.

Накануне десятилетия Октябрьской революции юбилейная сессия ЦИК принимает манифест о введении семичасового рабочего дня на фабриках и заводах, об освобождении от налога 35% крестьянских (в основном бедняцких) хозяйств и об установлении социального страхования для трудящихся деревни.

Лидеры оппозиции на фракции сессии ЦИК голосовали против этого исторического мероприятия партии. Это позорное голосование еще раз показало широким рабочим массам антипролетарскую линию и меньшевистское нутро лидеров оппозиции.

Оппозиция решает использовать 10-ю годовщину Октября для выступления в Москве и Ленинграде.

ЦКК, имея сведения о подготовке оппозиционных демонстраций, вызвала на заседание 5 ноября 1927 г. лидеров оппозиции: Зиновьева, Каменева, Троцкого. Все они заявили, что никакой демонстрации оппозиция не готовит.

Троцкий на заседании выступил с клеветнической речью против руководства партии, заявляя, что его платформа «восторжествует в партии, в Коминтерне уже через год».

Заявляя партии, что сведения о готовящейся демонстрации «неверны», оппозиция в то же время в подполье усиленно готовилась к выступлению. 7 ноября оппозиционеры жалкими кучками появились на демонстрации: со своими антисоветскими лозунгами. Это была предательская попытка сорвать величественное и полное мощи выступление московских пролетариев, демонстрировавших за ЦК, за партию Ленина — Сталина.

10 ноября 1927 г. ЦКК вынесла решение: исключить из ЦК и ЦКК сто-

ронников оппозиции и поставить на XV съезде партии вопрос об исключении их из партии.

14 ноября Троцкий и Зиновьев исключаются из партии. На декабрь 1927 г. был назначен очередной, XV съезд. Оппозиция решает использовать этот Съезд для своих новых выступлений. В подпольной литературе, сфабрикованной оппозицией, распространяется самая дикая белогвардейская клевета на партию.

Партия, готовясь к Съезду, широко обсуждала в ячейках тезисы ЦК к Съезду, и во время этого обсуждения из всего огромного числа членов партии оппозиция не могла собрать и 1% сторонников. Из общего количества 724 тыс. членов партии за оппозицию голосовали 4 тыс., т. е. 0,5% членов партии.

Вся партия была против оппозиции и ее меньшевистской платформы. На стороне оппозиции были международный меньшевизм и международная буржуазия.

В передовой белогвардейской газете «Последние новости», издаваемой злейшим врагом советской власти Милюковым, прямо протягивалась рука дружбы оппозиции:

«Зиновьевская оппозиция не только идеологически, но и организационно является центром тех враждебных пролетариату слоев, которые тяготеют режимом пролетарской диктатуры и активно стремятся к ее свержению».

Так лобызала белогвардейская эмигрантщина зиновьевскую оппозицию.

На XV партийном съезде (декабрь 1927 г.) партия, подводя итоги своей работы по строительству социализма, констатировала большие успехи и победы на всех участках социалистического строительства. Линия партии на индустриализацию страны успешно проводилась в жизнь. В сельском хозяйстве мы также одержали ряд значительных побед. Так, мы уже перешагнули в области сельского хозяйства довоенный уровень: продукция сельского хозяйства составляла в 1926 — 1927 г. 108,3% довоенного. Расширилась площадь посевов, улучшилась обработка благодаря механизации.

Всех этих успехов партия добилась в решительной борьбе с классовыми врагами, в борьбе с оппозицией, срывавшей работу партии, толкавшей ее на путь капитуляции перед классовыми врагами внутри страны и перед мировой буржуазией.

На XV съезде партия наметила грандиозный план величайшего социалистического строительства на целую пятилетку — план реконструкции всего народного хозяйства на основах строительства социалистической индустрии и переустройства сельского хозяйства на началах коллективизации. XV съезд был Съездом коллективизации.

В свете этих исторических величественных решений какими жалкими пигмеями стояли на съезде перед партией лидеры оппозиции, пытавшиеся бесчестной демагогией и злобной клеветой столкнуть партию с ее пути!

Чьи интересы отражала оппозиция?

О социальных корнях оппозиции на XV съезде партии товарищ Сталин говорил так:

«Я думаю, что социальные корни оппозиции таятся в факте разорения мелкобуржуазных слоев города, в обстановке нашего развития, в факте недовольства этих слоев режимом диктатуры пролетариата, в стремлении этих слоев изменить этот режим, «улучшить» его в духе установления буржуазной демократии. Я уже говорил выше, что в результате нашего продвижения вперед, в результате роста нашей промышленности, в результате роста удельного веса социалистических форм хозяйства одна часть мелкой буржуазии, особенно городской буржуазии, разоряется и идет ко дну. Оппозиция отражает ропот и недовольство этих слоев режимом пролетарской революции.

Вот где социальные корни оппозиции»¹.

В резолюции по отчетному докладу ЦК Съезд констатировал, что «...оппозиция идейно разорвала с ленинизмом, переродилась в меньшевистскую группу, стала на путь капитуляции перед силами международной и внутренней буржуазии и превратилась об-

ективно в орудие третьей силы против режима пролетарской диктатуры»².

Одобрив решения ЦК и ЦКК, направленные против раскольнической и предательской деятельности объединенной троцкистско-зиновьевской оппозиции, «XV съезд объявляет принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганду ее взглядов несовместимыми с пребыванием в рядах большевистской партии»³ и постановил исключить 75 активных деятелей оппозиции из партии. Среди исключенных были Троцкий, Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Сафаров, Бакаев, Залуцкий, Вардин, Гертик, Федоров. В числе исключенных были и гнусные убийцы тов. Кирова, предатели дела рабочего класса, молодые отпрыски зиновьевской оппозиции: Котолынов, Румянцев и Левин.

Партия под руководством товарища Сталина шаг за шагом разоблачала антиленинский, антиреволюционный характер троцкистско-зиновьевской оппозиции. Партия в этой борьбе показала широким рабочим массам меньшевистскую сущность оппозиции, которая вела к гибели диктатуру пролетариата и к реставрации капитализма в нашей стране.

Не только партийные массы, но и рабочие, широкие слои трудящихся воочию убедились, что путь оппозиции есть путь контрреволюции, что только генеральная линия партии, последовательно проводимая Центральным комитетом, руководимым вождем партии товарищем Сталиным, является единственно правильной, ведущей нас к победам социализма.

Выброшенные из партии лидеры оппозиции продолжали свою гнусную борьбу. Троцкий, ставший на путь открытой антисоветской борьбы, был в начале 1929 г. выслан за границу. Там он сразу же стал сотрудником буржуазных газет, поставщиком клеветнических измышлений о Советском союзе. Троцкизм стал передовым отрядом международной контрреволюционной буржуазии в борьбе против коммунизма, против советской вла-

¹ Стенографический отчет XV съезда партии, стр. 79.

² «ВКП(б) в резолюциях». Ч. 2-я, стр. 408.

³ Там же.

сти, против строительства социалистического общества.

Товарищ Сталин в статье «О некоторых вопросах истории большевизма» показывает, почему троцкизм стал передовым отрядом контрреволюционной буржуазии:

«Кто дал контрреволюционной буржуазии духовное оружие против большевизма в виде тезиса о невозможности построения социализма в нашей стране, в виде тезиса о неизбежности перерождения большевиков и т. п.? Это оружие дал ей троцкизм. Нельзя считать случайностью тот факт, что все антисоветские группировки в СССР в своих попытках обосновать неизбежность борьбы с Советской властью ссылались на известный тезис троцкизма о невозможности построения социализма в нашей стране, о неизбежности перерождения Советской власти, о вероятности возврата к капитализму.

Кто дал контрреволюционной буржуазии в СССР тактическое оружие в виде попыток открытых выступлений против Советской власти? Это оружие дали ей троцкисты, пытавшиеся устроить антисоветские демонстрации в Москве и Ленинграде 7 ноября 1927 года. Это факт, что антисоветские выступления троцкистов подняли дух у буржуазии и развязали вредительскую работу буржуазных специалистов.

Кто дал контрреволюционной буржуазии организационное оружие в виде попыток устройства подпольных антисоветских организаций? Это оружие дали ей троцкисты, организовавшие свою собственную антибольшевистскую нелегальную группу. Это факт, что подпольная антисоветская работа троцкистов облегчила организационное оформление антисоветских группировок в СССР.

Троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии»¹.

Во всей борьбе с троцкистско-зиновьевским оппозиционным блоком, закончившейся его полным разгромом,

¹ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 476. 10-е изд.

выдающаяся роль принадлежала вождю партии товарищу Сталину.

Учение Маркса—Ленина о диктатуре пролетариата, о победе социализма в СССР, о путях и методах социалистического строительства было развито и обобщено товарищем Сталиным в новых условиях классовой борьбы. Партия, руководимая товарищем Сталиным, разгромила в своих рядах классовых врагов и их агентуру — оппортунистов. Через некоторое время после XV съезда Зиновьев и Каменев еще раз раскаялись и обманым путем вошли в партию. Они выступали в печати с покаянными статьями, с полным признанием своих ошибок. Но это был двурушнический маневр, рассчитанный на обман партии для того, чтобы облегчить себе работу по сколачиванию в подполье немногих своих сторонников для борьбы с партией. Воспитанные и вдохновляемые Зиновьевым и Каменевым, молодые отпрыски троцкистско-зиновьевской оппозиции стали на путь террора против вождей партии. Эта контрреволюционная группировка продалась империалистам, информировала консула иностранного государства по интересующим его вопросам, получая от него субсидию для своей террористической деятельности. Двурушничество зиновьевцев привело к фашистским методам, к контрреволюции и убийству из-за угла руководителя ленинградской организации тов. Кирова. Двурушничество стало основным средством борьбы презренной контрреволюционной группки зиновьевцев. В двурушничестве проявляются вся мерзость, подлость, ложь и лицемерие антисоветской группки зиновьевцев. Двурушник — это предатель, провокатор, опасный враг партии, с которым надо беспощадно расправиться. Завершен круг предательства Зиновьева и Каменева: от штрейкбрехерства в Октябрьской революции, от блока с Троцким на платформе отрицания победы социализма в СССР, подмены ленинизма троцкизмом и попытки создания второй, троцкистской партии — к фашизму, в стан белогвардейщины.

Таков позорный путь Троцкого, Зиновьева и Каменева и других предателей рабочего класса.

А. Шестанов

КРЕСТЬЯНСТВО НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 года

Море слез и крови пролили крестьяне бывшей царской России при господстве феодалов-крепостников, против которых они не раз поднимали восстания. Имена вождей этих восстаний: Ивана Болотникова, Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачева — теперь знают школьники всего СССР. Они должны знать также имена и национальных героев крестьянских восстаний разных народов страны советов, героев, подымавших восстания против угнетателей в феодально-крепостную эпоху. Крестьянские восстания против помещиков продолжались и после отмены крепостничества в России, в 60-х годах XIX в., когда царь и помещики отняли у крестьян огромное количество земли. Оставив им песочки да овраги, помещики заставили крестьян платить за них миллионы золотых рублей в виде «выкупных платежей».

Крестьянские восстания царские палачи жестоко подавляли свинцом, плетью, тюрьмой, каторгой и ссылкой.

Казалось, нет просвета для крестьянина, никогда не скинуть ему с шеи барский хомут кабалы и угнетения. Только марксистско-ленинская теория дала ответ, каким путем может крестьянство освободиться от кабалы и гнета царизма.

«Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими

восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями»¹.

И действительно, только с развитием капитализма и созданием рабочего класса в России, выступившего на борьбу с царизмом и капиталистическим строем под руководством партии большевиков, крестьянские восстания становятся такой силой, которая вместе с рабочим движением приводит массы к революции 1905 года, потрясшей до основания царскую Россию. С момента первых совместных действий рабочего класса и крестьянства явно выступила руководящая роль пролетариата в борьбе с царизмом. Пролетариат в союзе с революционным крестьянством возглавлял борьбу масс против царизма, чтобы, добившись победы над ним, легче и скорее перейти к революции социалистической. Русская буржуазно-демократическая революция 1905 года прежде всего должна была уничтожить крепостнические пережитки в деревне, важнейшим из которых было помещичье землевладение. Борьба крестьян с помещиками за землю, как указывал Ленин, составляла «основу буржуазной революции в России» и обуславливала «собой национальную особенность этой революции»². И поэтому важнейшей задачей пролетариата в революции Ленин считал решительную поддержку крестьянского революционного движения, для того чтобы камня на камне не оставить от «старой, проклятой, крепостнической, самодержавной, рабьей России» и создать новую, свободную страну, в которой «развернется на просторе наша пролетарская борьба за социализм».

1

Царская Россия была огромной страной, которая от Петербурга (ныне Ленинграда) на протяжении почти двух тысяч километров тянулась че-

¹ Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом». «Большевик» № 8. 1932 г.

² Ленин. Т. XI, стр. 492.

рез Сибирь до Владивостока; от Мурманска и Архангельска, на далеком Севере, шли пути через огромные пространства земель Европейской России, через Кавказские горы до Арарата—теперешней советской республики Армении. В восточном углу, за Каспийским морем, были разбросаны хозяйства кочевников и хлопководов Средней Азии, силой оружия прикрепленных к Российской империи. На Западе все побережье Балтийского моря также принадлежало этой империи. Ныне самостоятельные буржуазные республики: Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия—были насильственно присоединены к огромному государству, во главе которого стояло правительство крепостников-помещиков.

В этой огромной империи—тюрьме народов—перед революцией 1905 года сельским хозяйством было занято более 90 миллионов крестьян, что составляло почти три четверти всего населения. Из общего земельного фонда в 230 млн. га земли, пригодной для земледелия и учтенной к 1905 году по размерам владения в 50 губерниях Европейской России, 140 млн. га находилось во владении горстки помещиков, капиталистов и кулачества; 75 млн. га принадлежало 10½ млн. хозяйств мелких крестьян, главным образом общинников, придавленных кабальными отработками, до 15 млн. га принадлежало среднему крестьянству. Совсем безземельных и не имевших скота крестьян, лишенных возможности приложить свой труд к земле, перед 1905 годом насчитывалось около 12 млн. В то же время в центральных губерниях середняк имел не более 3 га на хозяйство. Во владении же царя Николая Романова к 1905 году имелось свыше 1 млн. га земель, а у его близких родичей—великих князей и княгинь—11 млн. га.

Это чудовищное, неравномерное распределение земель было основной причиной борьбы крестьянства за землю как накануне революции 1905 года, так и в период 1905—1907 годов, а также и в 1917 году. Главной отличительной чертой революции 1905—1907 годов было то, что крестьянская борьба с помещиками за землю происходила в эпоху высоко развитого

капитализма во всем мире и сравнительно высоко развитого в России¹.

Чудовищная неравномерность в распределении земли определяла положение и революционные задачи крестьянства. Без уничтожения помещичьего землевладения и феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве крестьянство было обречено на вымирание и гибель. Крепостничеством были проникнуты все экономические и политические отношения между крестьянами, помещиками и государством: помещик в лице земского начальника был царем и богом в деревне; волостные старшины из кулаков являлись помещичьими уполномоченными, выколачивавшими из крестьян налоги в пользу помещичьего государства и разного рода недоимки в пользу того или иного помещика.

Кулацкая эксплуатация еще более подтачивала экономическое благополучие широких крестьянских масс. Средняки из года в год разорялись все быстрее и быстрее. Деревня в массе превращалась в обнищавшую, забитую «чернь». Об ужасающей нищете крестьянских масс можно судить по описанию статистиков, указывавших, что тараканы и клопы в деревне под Воронежем жили только у средних и зажиточных крестьян, у бедняков же не хватало крови для клопов и хлебных крошек для тараканов. Крестьяне в массе одевались в рубище, жили в избе со скотиной, в голодные годы питались лебедой и древесной корой. Неурожаи, доводившие население до ужасных мук голода, повторялись через каждые три года как «средний голод», через каждые пять лет как «большой голод» и через каждые 10 лет как «исключительный» по своим последствиям.

Выход из создавшегося тупика у крестьянства был один—революция. Захват помещичьих земель невозмо-

¹ В России к 1905 году имелось несколько десятков тысяч фабрик и заводов, на которых было занято свыше 2½ млн. рабочих. На железных дорогах, пароходах и в торговле насчитывалось свыше 600 тыс. рабочих. В сельском хозяйстве—до 3 млн. Чернорабочих и домашних работников было больше 3 млн. Безработных в городах насчитывалось до 2½ млн.

ен без уничтожения помещичьего владения. Но добиться этого без борьбы с самодержавием крестьянство не могло. Ленин указывал на эту борьбу крестьянства с помещиками и царем, заявляя, что земля без свержения царского самодержавия получить невозможно. Очень ярко эту связь Ленин показал в брошюре «К деревенской бедноте», написанной им в 1903 году в качестве популярного объяснения крестьянам программы социал-демократов:

«В каждом волостном правлении вы можете найти такую картину: на картине представлен царь (отец нынешнего, Александр III). Царь говорит речь волостным старшинам, прибывшим на его коронацию. Царь приказывает им: «Слушайте ваших предводителей дворянства!» И нынешний царь, Николай II, повторял то же самое. Значит, цари и сами признают, что управлять государством они не могут иначе, как при помощи дворян, через посредство дворян... Надо ясно понять, какую ложь говорят народу те люди, которые стараются выставить царское правление самым лучшим правлением... Такие речи—одно лицемерие...»

И, далее, в той же брошюре Владимир Ильич Ленин указывал:

«Царское самодержавие есть крепостная зависимость народа от чиновников и больше всего от полиции. Царское самодержавие есть самодержавие полиции.

Вот почему рабочие выходят на улицу и пишут на своих знаменах: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!». Вот почему и десятки миллионов деревенской бедноты должны поддержать, подхватить этот боевой клич городских рабочих»¹.

Вскрывая сущность царского самодержавия—этого комитета по делам дворян, помещиков и буржуазии,—Ленин призывал крестьянство на борьбу с царизмом в союзе с рабочим классом под его руководством. Он намечал также и последовательные этапы борьбы за волю и землю. Первый шаг на этом пути—требование уничтожения крепостнической кабалы в деревне и создание крестьянских комитетов. Далее, следующим этапом борьбы должно быть «отнятие всей земли у помещиков и отдача ее свободному

¹ Ленин. Т. V, стр. 268—269.

Продажа соломенных крыш во время голода в России в 1891 г. Рис. из иностр. журнала.

Крестьянское восстание (Россия 1905 г.).

С карт. Г. Горелова.

народному государству»¹ (т. е. национализация земли) и как последний, завершающий этап борьбы бедноты деревни в союзе с городским пролетариатом Ленин намечал следующие мероприятия: «отберем все земли, все фабрики у помещиков и у буржуазии и устроим социалистическое общество»². Попутно он подробно выяснил деревенской бедноте роль кулачества в этой борьбе, указывая, что после первого же шага борьбы деревенской бедноте придется вступить в отчаянную схватку с кулаками-богатеями, подчеркивая, что среднему крестьянину нужно становиться не на сторону собственников и богатеев, а на сторону рабочих и неимущих.

В ряде других статей Ленин еще накануне 1905 года усиленно разоблачал меньшевистские и троцкистские теории о контрреволюционности крестьянства. Вместе с тем Ленину и большевикам приходилось также бороться против попыток либералов-«освобожденцев» подчинить крестьянство влиянию буржуазии и удерживать его от революционных выступлений против помещиков и самодер-

жавия. Многочисленные прокламации и брошюры, издававшиеся партией большевиков и распространяемые в деревне, встречали чрезвычайное сочувствие в широких массах деревенской бедноты. В деревнях устраивались также большевистские кружки пропаганды и агитации, которые и разъясняли крестьянам задачи и цели предстоящей революции. Так как городские рабочие были тесно связаны с крестьянством, то через них партии удавалось организовывать в деревнях не только кружки, но и собрания, митинги и иногда даже демонстрации с красными знаменами и большевистскими лозунгами. Вся эта работа партии большевиков в деревне, пробуждая революционную энергию крестьянства и оформляя его задачи и цели в борьбе, имела огромное значение.

Как нарастало крестьянское движение накануне революции 1905 года, видно из следующих примеров. В августе 1901 года один из помещиков Воронежской губернии писал:

«У нас в воздухе висит что-то зловещее: каждый день на горизонте зарево пожара, по земле стелется кровавый туман; дышится и живет трудно точно перед грозой. Мужик упрямо молчит, а если и заговорит

¹ Ленин. Т. V, стр. 310.

² Там же, стр. 307.

иногда, то так, что мороз по коже пробирает»¹.

В конце марта 1902 года по селам Воронежской губернии появилось много «волшебных бумажек» — прокламаций на тему о борьбе крестьянства с помещиками за землю. И в этом же году движение крестьян против помещиков охватило почти все уезды Воронежской губернии, перекинувшись на соседнюю Тамбовскую. Тогда же один из помещиков сообщал губернатору: «Надо бежать, пока не сожгли или не повесили на воротах; по деревне нельзя пройти, не услышав вслед угрозы...»².

За время с 1900 по 1904 год произошло 670 крестьянских выступлений, главным образом против помещиков, причем почти половина этих выступлений носила характер разгромов и поджогов имений, захватов земли, что вело к решительному подрыву экономической основы помещичьего господства. Чем ближе к 1905 году, тем все больше и больше учащались случаи борьбы против чиновников, полиции и казаков. Крестьянские выступления принимали политический характер.

Наибольший размах крестьянского движения накануне революции падает на 1902 год. Крестьянские волнения этого года охватили Тверскую, Вятскую, Псковскую, Ковенскую, Уфимскую, Астраханскую, Симбирскую, Саратовскую губернии, область Войска Донского и почти всю Украину, особенно Харьковщину и Полтавщину, где в течение двух—трех недель выступило более или менее организованно до 150 тыс. крестьян в 165 селениях. Эти выступления крестьянства были прообразом крестьянской революции 1905 года. В них проявлялись и революционная дисциплина участников движения, и образцы классовой борьбы внутри крестьянства, и пути воздействия на крестьянство со стороны революционного пролетариата. Так, из села Лисичьего, Полтавской губернии, шла усиленная агитация социал-демократов — «искровцев». Среди крестьян распространялись брошюры

и листовки. Особенно чутко к этой пропаганде относились безземельные крестьяне, которых в Полтавщине насчитывалось до 17%. Черниговские жандармы и губернатор доносили царю, что им очень трудно бороться с проникновением в деревню социал-демократической литературы и с агитаторами и требовали усиления полиции³.

События на Украине начались с того, что в марте 1902 года полтавские и харьковские крестьяне двинулись толпами к помещичьим усадьбам, забрали хлеб, картофель, корм для скота и другое барское добро. В четырех уездах Полтавской и Харьковской губерний за короткое время было разгромлено 54 поместья, 25 экономий и подожжены 2 усадьбы. Пострадали также и 2 свеклосахарных завода этого района. Крестьян усмиряли пулями, массовыми порками и арестами. Помещичий суд приговаривал их на годы в тюрьмы и арестантские роты. Кроме того с «бунтовавших» сельских обществ было взыскано сотни тысяч рублей золотом контрибуции в пользу пострадавших помещиков. Об этом восстании украинских крестьян Ленин писал:

«Царское правительство послало против них войско, как против неприятелей, и крестьяне были разбиты, в крестьян стреляли. Многих убили. Крестьян пересекли зверски, засекали до смерти... Царские посланцы, губернаторы, истязали больше всех, как настоящие палачи. Солдаты насиловали крестьянских жен и дочерей. А после всего крестьян же судили судом чиновников, крестьян же заставляли уплатить в пользу помещиков восемьсот тысяч рублей и на суде, на этом позорном, тайном застеночном суде, не позволили защитникам рассказать, как истязали и мучили крестьян царские посланцы, губернатор Оболенский и другие царские слуги»⁴. Крестьянский палач — харьковский губернатор Оболенский — по царскому приказу получил за усмирение «высочайшую благодарность» и был назначен генерал-губернатором

¹ А. Шестаков «Крестьянская революция 1905—1907 гг. в России», стр. 22.

² Там же.

³ Дроздов «Аграрные волнения и карательные экспедиции в Черниговской губернии».

⁴ Ленин. Собр. соч. Т. V, стр. 312.

Крестьяне увозят хлеб из помещичьих амбаров (900-е годы).

Финляндии с повышением в чине (генерал-адъютант). На Екатеринославщине и в Харьковщине крестьяне сожгли много помещичьих имений.

В Поволжье в 1902 году крестьянское движение охватило больше всего Саратовскую губернию, где также распространялось много революционной литературы, устраивались кружки, где велась социал-демократическая пропаганда. Поджоги помещичьих амбаров, стогов сена и даже хлеба на корню сопровождались отдельными нападениями на помещиков, потравками их полей и лугов. Применялся бойкот и стачки: крестьяне не шли на работы по дешевым ценам, выносили общественные приговоры о снижении арендных цен, о запашке помещичьей земли, о косьбе в свою пользу лугов и пр.

В селе Трубетчине крестьяне соорудили из трубы пушку, набили ее порохом и пулями, привязали к яблоне в саду помещицы и выстрелили ночью в окно ее спальни.

Саратовских крестьян усмирять при помощи военной силы губернатор Столыпин, ставший после революции 1905

года премьер-министром. Свирепая порка розгами, массовые аресты, грабительские постои войск и т. д. революционизировали деревню.

В селе Макаровке крестьяне оказали войскам вооруженное сопротивление.

Тамбовский помещик, описывая волнения крестьян в этой губернии в 1902 году, характеризовал их как пугачевщину.

Поджоги и разгром помещичьих имений, происходившие также в Воронежской и других губерниях черноземной полосы, усмирялись также пулями, штыками, розгами. Те же методы расправы применялись в Житомирском уезде, в Черниговской губернии и в других украинских, литовских и белорусских губерниях.

2

Под влиянием рабочего движения в городах накануне революции 1905 года наблюдалось большое число стачек сельскохозяйственных рабочих (7 ок-

тября 1901 года в царском имении «Ливадия» в Крыму, в Херсонской губ., в селе Яновке, где при подавлении было убито 6 забастовщиков).

Бастовали упорно и отхожие, и местные «батраки с наделом», и безземельные.

В 1902 году на Кубани безработные массы косарей—пришлых рабочих, которым вместо просимых 3 руб. поденной платы предлагали 70—80 коп. за день в самую горячую пору сенокоса и уборки хлебов, не выдержали и бросились разбивать дубинами сельскохозяйственные машины и избивать землевладельцев-нанимателей. В некоторых местах все важнейшие уборочные сельскохозяйственные машины были вытащены рабочими из сараев, сняты с полей и брошены в реку Кубань. В это движение батрацких слоев деревенской бедноты было вовлечено до 20 станиц. Всего участников этого выступления насчитывалось до 10 тыс. по охваченному «беспорядками» району. В дальнейшем такого же рода волнения распространились почти по всем станицам, лежащим по железнодорожному пути, от станции Тихорецкой до Екатеринодара и Майкопа. Интересно отметить, что в этом движении сельских рабочих вожаками были шахтеры—рабочие каменноугольных шахт Донбасса, прекративших в то время работу в связи с кризисом.

Следует добавить, что разбивали и уничтожали сельскохозяйственные машины не только в помещичьих имениях, но и в кулацких экономиях. При помощи отряда казаков было задержано 125 рабочих. Очень ценным для историка классового движения в деревне является постановление помещичьих и кулацких кругов Кубани, показывающее, как они реагировали на это движение: «При нападении на экономию одного немедленно скакать на помощь всем; из нападающих «лапотников» (т. е. пришлых батраков) бить нагайками, «пиджаков» (административно ссыльных, шахтеров, фабричных) рубить и стрелять, не ссылаясь ответственностью; «студентов» же, если попадутся, вешать или забивать до смерти, ибо они причина всей смуты. «Лапотников» даже не брать в плен, а если бросят косу в знак то-

го, что сдаются, давши в шею, выпроводить из экономии»¹.

Забастовки батраков—местных и пришлых рабочих—в 1902 году были широко распространены на Украине, в частности в Киевской и Херсонской губерниях. Наряду с требованием повышения заработной платы деревенская беднота—сельскохозяйственные рабочие—требовала от помещиков во время уборки хлеба уплату им каждого 10-го снопа вместо 13—15-го, обычно выплачиваемых до стачки.

В отдельных случаях для ликвидации даже мирных стачек вызывались войска, которые чинили «суд и расправу» над «бунтовщиками».

В последующие годы—1903—1904—стаечное движение деревенской бедноты и пришлых, «бродячих» рабочих продолжается в несколько ослабленных темпах, но в ряде случаев эти забастовки носили весьма упорный характер.

Вот одно из описаний такой стачки в Сквирском уезде, Киевской губернии, напечатанное в нелегальной газете «Искра» № 51 от 22/X 1903 г.: «Дошедшие в наше село слухи о стачках рабочих в Баку, Одессе и Киеве еще более заставили крестьян почувствовать возможность добиться своей цели... Они пред'явили хозяевам требование в виде повышения платы до одного рубля в день. Стачка в селе Кривом оказалась всеобщей. Помещики наняли крестьян из соседнего села Соховьевки, но крестьяне села Кривого, вооружившись дубинами и копьями, не допускали соседей к делу, угрожая немедленно убить первого принявшегося за работу. Никто из пришедших не хотел рисковать своей жизнью, и все ушли. Местная полиция ничем не могла противодействовать стачечникам и... молотилки у хозяев стоят без действия, и хозяева не прибавляют цены, и крестьяне не идут на работу».

В 1904 году, осенью, бастовало около тысячи местных батраков в районе села Грузьского, той же Киевской губ., причем эта стачка вскоре переросла в аграрные беспорядки. В 1903 и 1904 годах в ряде губерний на све-

¹ А. Шестаков «Борьба сельских рабочих в революции 1905 г.», стр. 18.

Порка крестьян (Россия 1905 г.).

С карт. Г. Горелова.

кловичных плантациях местными рабочими—крестьянами—были установлены таксы, ниже которых помещики не могли оплачивать ни местных, ни пришлых рабочих.

3

Но вернемся к массовому крестьянскому движению накануне революции 1905 года. Наиболее революционные формы этого движения, кроме центральных и черноземных губерний и Украины, имели место в Закавказье, особенно в Гурии. Здесь в 1902 году началась ожесточенная борьба крестьянства с помещиками. Руководили движением главным образом рабочие Батума, распропагандированные большевиками. Обязанный помещикам бойкот охватил всю Гурию. При помощи казаков помещики пытались заставить исполщиков-крестьян работать у них на старых условиях, но успеха не имели. В ход был пущен массовый террор: до 300 крестьян-гурийцев было сослано в Сибирь, а на остальных наложена «контрибуция». Несмотря на это в 1903—1904 годах в Гурии снова развернулась настоящая война крестьян с помещиками, причем были созданы крестьянские комитеты, руководившие этой борь-

бой. Крестьянские комитеты возглавлялись социал-демократами. В 1904 году под руководством большевистской партии по деревням Гурии состоялись торжественные первомайские демонстрации. Зимой 1904 года движение приняло не только противопомещичий, но и ярко противоправительственный характер. Гурийские крестьяне объявили решительный бойкот призыву в войска и отказались платить налоги. С оружием в руках крестьянство Гурии вело борьбу против помещиков, князей и защищавшего их правительства в лице приставов, урядников, военных команд. Многие из этих врагов крестьянства были отправлены «на тот свет». О гурийском восстании один из современных авторов пишет: «Между деревней и городом, крестьянином и рабочим благодаря знаменосцу революции — социал - демократическому большевистскому центру (в который входили товарищи Сталин, Миха Цхакая, Богдан Кнуньянц и др.)—существовал тесный союз, и, таким образом объединенные, они вели борьбу с одним общим врагом — монархистским правительством, князьями, помещиками и буржуазией»¹.

¹ Талаквандзе «К истории коммунистической партии Грузии». Ч. I, стр. 130—131.

В 1903—1904 годах аграрные «беспорядки» снова развернулись в Саратовской и Пензенской губерниях. В Воронежском уезде крестьяне захватили монастырские земли, за что губернатор выпорол 23 зачинщика. В Рязанской губернии был ранен в живот вилами помещик, князь Гагарин. В Черниговской губернии крестьяне выпоролы помещика, князя Урусова. В Нежинском уезде из-за арендных цен произошло столкновение крестьян с полицией. В результате войска, порка, аресты и т. п. То же в Киевской губернии.

Упорно боролись за лучшие условия труда «чиншевики»¹ западных губерний, переходя иногда к погромам имений и захвату господского добра. Стачки, бойкот нередко распространялись и на кулачество.

Классовая борьба в деревне перед революцией 1905 года поднималась на более высокую ступень по сравнению с крестьянскими войнами при крепостном праве и выступлениями крестьян против помещиков после реформы 1861 года. Пролетарское движение и героические попытки партии большевиков просветить деревню, внести в нее политическое сознание, организованность, разбудить революционную энергию поднимали крестьянское движение на новую, невиданную раньше высоту.

Так накапливался революционный опыт крестьянских масс накануне 1905 года. Однако крестьянские выступления перед 1905 годом в общем все же были разрозненными и недостаточно политически оформленными. Крестьяне под влиянием поповской и помещичьей агитации еще верили, что царь поможет им выйти из тяжелого положения. Попы и помещики ссылались при этом на царский манифест от 11 августа 1904 года о сужении с крестьян недоимок по выкупным платежам и казенным сборам,

¹ Вечно наследственные арендаторы земель у помещиков, главным образом в западных губерниях царской России.

а также на указ царя об отмене телесных наказаний по приговорам волостных судов. Эта вера в царя значительно мешала борьбе крестьянства, и нашей партии надо было приложить большие усилия, чтобы разбить ее. Что же касается упомянутого манифеста, то дело обстояло так: этим манифестом царь хотел показать свои заботы о крестьянах, но так, чтобы от этого не пострадали ни помещики, ни его царская казна. Наиболее простой выход был найден царем и его министрами в сужении недоимок, которых никак нельзя было получить с обнищавшего, голодного крестьянства. Однако вместе с тем были увеличены косвенные налоги на предметы широкого потребления. В результате получилась двойная выгода для царского правительства: был нажит политический капитал, и не в убытке оказалась и царская казна. Что же касается отмены телесных наказаний, то царский указ являлся определенной «видимостью», так как крестьян и после опубликования этого указа продолжали пороть не менее жестоко и не в меньших размерах чем раньше. Только это теперь делалось по приговорам земских начальников и особенно начальников карательных экспедиций, усмирявших крестьянские бунты, причем крестьян не только поролы, но и истязали и избивали не в одиночку, а целыми партиями, селами и деревнями.

В аванпостных стычках самого крестьянства с помещиками и царизмом накапливался опыт революционной борьбы, стягивались силы, выдвигались вожаки, создавались предпосылки организации.

События «кровавого воскресенья»— 9 января 1905 года—всколыхнули не только пролетариат городов: они нашли свое отражение и в деревне. И не даром весной 1905 года помещичьи усадьбы снова запылали в огне крестьянской революции с еще большей силой, чем это было в предшествующие годы.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕРВОГО СОВЕТА

В ИВАНОВО- ВОЗНЕСЕНСКЕ В 1905 году

Расстрел петербургских рабочих на Дворцовой площади 22 (9) января 1905 г. вызвал взрыв могучего протеста со стороны пролетариев всей России, выразившегося во всеобщих стачках и противоправительственных манифестациях. Революция стала фактом.

10 января началась всеобщая забастовка в Москве.

11—12 (24—25) января в Ярославле, Вильно, Ковно, Риге, Харькове, Саратове и др. городах России. Революционное движение ширилось с каждым днем. 12 января Ленин писал: «Величайшее историческое событие происходит в России. Пролетариат восстал против царизма... Лозунг героического Петербургского пролетариата: «Смерть или свобода» эхом перекачивается теперь по всей России. События развиваются с поразительной быстротой»¹.

Втягивалось в движение и крестьянство. В феврале начались крестьянские волнения в губерниях: Курской, Орловской, Харьковской, Лифляндской и др. 23 (10) марта Ленин писал: «Начинаются крестьянские восстания. Из различных губерний приходят известия о нападении крестьян на помещичьи усадьбы, о конфискации крестьянами помещичьего хлеба, скота... Городское рабочее движение приобретает нового союзника в революционном крестьянстве»².

В цепи развернувшихся весной 1905 г. всеобщих стачек и крестьянских волнений исключительную роль

сыграла майская иванововознесенская забастовка. Опираясь на революционное движение по всей стране, организованный и руководимый партией большевиков, иванововознесенский пролетариат создал в ходе этой забастовки первый совет рабочих депутатов, который был на деле зародышем новой революционной власти. История этой стачки и деятельности первого совета особенно ярко подтверждают значение революции 1905 г. как генеральной репетиции великого Октября 1917 г.

1

Экономической базой Иваново-Вознесенска издавна являлась текстильная промышленность. Ее роль здесь особенно возросла с 1813 г., когда иванововознесенские фабриканты развернули местное текстильное производство, пользуясь отсутствием сильного конкурента в лице московских фабрик, еще не успевших оправиться от занятия Москвы Наполеоном.

С 1860 по 1905 г. число текстильных предприятий в Иваново-Вознесенске значительно сократилось за счет укрупнения сохранившихся при одновременном увеличении количества рабочих на них. Рабочие-текстильщики, в большей своей части окончательно порвавшие связь с землей, составляли главную массу населения Иваново-Вознесенска.

Что касается других социальных групп, то они здесь были крайне немногочисленны.

Характерной чертой Иваново-Вознесенска был на редкость «упрощенный» социальный состав его населения. Здесь резко противопоставлялись друг другу пролетариат и промышленно-торговая буржуазия, население делилось «на два больших враждебных лагеря, на два больших прямо противоположных друг другу класса»³.

Промышленный капитализм в Иваново-Вознесенске был исключительно национального происхождения, и местные текстильные фабриканты были почти сплошь доморощенными. Это

¹ Ленин. Т. VII, стр. 79.

² Там же, стр. 158.

³ Маркс и Энгельс «Коммунистический манифест».

были большей частью «вышедшие в люди» потомки крепостных графа Шереметьева, в наследственном владении которого находилось с. Иваново.

Они унаследовали и перенесли на свои капиталистические предприятия хищнические, полукрепостнические формы и методы эксплуатации, которые переплетались с капиталистической системой выжимания прибыли.

В жутких, совершенно антисанитарных условиях рабочие работали по 12—14 час. в сутки, за грошовую плату в 10—12 руб. в месяц за мужской труд, 5—7 руб. за женский и 3 руб. за детский труд, широко применявшийся на всех текстильных фабриках¹. Но и эта зарплата в значительной своей доле возвращалась хозяину-фабриканту через фабричную лавку и систему штрафов, являвшихся для рабочих настоящим бичом. В расчетной книжке столбцами выписывались причины, по которым рабочие безоговорочно подвергались штрафу. На некоторых фабриках эти столбцы составляли до 40 штрафных пунктов. Даже фабрикант Гарелин вынужден был признать в своей книге «Иваново-Вознесенск», что «большое зло в жизни рабочего составляли штрафы», которые «взыскивались за всякую малость».

В Иваново-Вознесенске даже в конце XIX в. не было ни одной книжной лавки, ни одной народной библиотеки и читальни, но зато в нем было 200 кабаков и 12 церквей. В этом отношении Иваново-Вознесенск отражал подлинную полукрепостническую Русь.

Сведения о борьбе иванововознесенских рабочих с буржуазией имеются уже с 70-х годов прошлого столетия; в 80-х годах борьба стала принимать все более и более широкие размеры. Рабочее движение этого периода еще носило явно стихийный характер, но уже в те годы оно приводило пролетариат к осознанию своих классовых интересов. В 1892 г. в Иваново-Вознесенске был создан социал-демократический кружок, выросший впослед-

ствии в ивановскую большевистскую организацию.

Забастовки, происходившие в Иваново-Вознесенске в 1895 г., особенно всеобщая забастовка 1897 г., проходили уже под руководством местной социал-демократической организации и способствовали еще большему росту классовой сознательности и организованности рабочих.

2

Во время петербургских событий в январе 1905 г. иванововознесенская социал-демократическая группа, входившая в состав Северного комитета РСДРП, обратилась к рабочим с воззванием. «Товарищи,— гласило оно,— петербургские рабочие проливают свою кровь за освобождение рабочего класса. Неужели же вы, товарищи, будете молчать в такое время? Нет, вы пойдете за нами, социал-демократами. Так выставляйте следующие требования...», и далее перечисляется ряд экономических требований. 17 (30) января на двух ивановских фабриках вспыхнули забастовки, нашедшие отклик в Кохме и Шуе. Но дальше и шире этого движение в январе и марте не пошло. Оно было подавлено казаками и полицией.

Настоящие события развернулись в Иваново-Вознесенске лишь в мае. В подготовке их приняли деятельное участие социал-демократы — большевики. Местная социал-демократическая организация располагала к этому времени достаточными партийными силами для руководства классовой борьбой рабочих.

Будучи исключительно рабочей по составу, во время майских событий она пополнилась социал-демократами из интеллигенции. Кроме выходцев из местной интеллигенции: А. С. Бубнова, А. Д. Кумашенского и А. И. Салова, в Иваново-Вознесенск прибыли социал-демократы, направленные сюда центральными партийными органами: М. В. Фрунзе, Мандельштам («Одиссей»), Подвойский и др. 11 (24) мая иванововознесенская группа РСДРП провела нелегальную конференцию представителей социал-демократических кружков всех фабрик и партий-

¹ С 1858 по 1910 г. зарплата текстильщиков здесь повысилась всего на 15%, в то время как цена на ржаную муку возросла на 80%.

ных работников. На эту конференцию явилось 72 чел. Конференция решила выработать требования к фабрикантам и призвать рабочих к всеобщей забастовке, начало которой было назначено на 12 (25) мая.

Первой должна была забастовать, по решению конференции, фабрика Бакулина, на которой положение рабочих было чрезвычайно тяжелым и недовольство было особенно сильным.

В назначенный день, 12 (25) мая, бакулинские рабочие начали стачку. К ним присоединились рабочие соседних фабрик: Дербеневых, Бурылина, Маракушева и др.

С небывалым единодушием ивановские рабочие бросили работу на всех предприятиях, вплоть до мелких ремесленных мастерских. Это единодушие забастовавших было результатом единого руководства со стороны местной социал-демократической организации, в которой не было меньшевиков и не было разногласий, порождающих колебания в массе. Вечером 12 мая руководители стачки — большевики, собравшись в лесу, в окрестностях Иваново-Вознесенска, решили 13 (26) мая вывести бастующих рабочих на площадь, к городской думе, для предъявления требований фабрикантам. 13 (26) мая городская площадь была с утра переполнена бастующими рабочими, перепугавшими полицмейстера Кожеловского, который к вечеру телеграфировал владимирскому губернатору:

«Сорокатысячная толпа подступила к городской управе. Ведет себя она спокойно, рабочие обещают охранять порядок, но среди них ведется и агитация крайних. Разбросаны прокламации. Остановили работу в железнодорожных мастерских. Крайне желателен приезд высшего начальства»¹.

Многотысячная масса рабочих слушала горячие речи своих руководителей, раз'яснявших смысл забастовки и ее причины. Особенно популярными вожаками и ораторами были Евлампий Дунаев и руководитель местной социал-демократической группы, организатор конференции 11 мая «Терентий». Выступали и женщины, сре-

¹ Архив канцелярии владимирского губернатора. Т. I, л. 22.

Тов. А. С. Бубнов. Снимок московского охранного отделения. 1908 г.

ди которых выделялась работница бакулинской фабрики Марта Сакраментова. Руководители стачки потребовали от буржуазии переговоров с рабочими по поводу выставленных требований тут же, на площади, в присутствии всех рабочих. Но ивановские фабриканты 14 (27) мая на своем общем собрании по поводу стачки «единогласно» постановили, что на площадь для переговоров с рабочими они не пойдут, «находя такую форму обсуждения совершенно неудобной и место, назначенное рабочими, не подходящим для обсуждения требований»².

В этот же день к рабочим, снова собравшимся на площади, вышел старший фабричный инспектор Свирский и сообщил об отказе фабрикантов вести тут же переговоры и о предложении выбрать уполномоченных от каждой фабрики, с которыми и будут обсуждаться требования в конторе каждого предприятия в отдельности.

Рабочие, в свою очередь отказавшись от предложения фабрикантов вести переговоры разрозненно, по фабрикам, согласились, однако, выбрать

² Архив канцелярии владимирского губернатора. Т. I, л. 71.

уполномоченных, предварительно потребовав гарантии, что они не будут арестованы. Вышедший на площадь губернатор Леонтьев, прибывший накануне в Иваново-Вознесенск, эту гарантию дал. Заручившись ею, один из руководителей стачки, Дунаев, крикнул с трибуны:

«Товарищи, разбивайтесь по фабрикам и выбирайте уполномоченных депутатов!» Из выбранных уполномоченных было решено создать совет депутатов, который поведет переговоры с фабрикантами от лица всех бастующих.

Выборы производились тут же, на площади, а также на бульваре Садовой улицы. Выбирали по 1 депутату от 100 рабочих. Руководили выборами большевики. Было решено выбирать преимущественно беспартийных из числа сочувствующих РСДРП, социал-демократов же в совет почти не вводить, чтобы в списке депутатов они не бросались в глаза жандармам. Однако рабочие избирали участников конференции 11 мая и тех, кто выводил забастовавших рабочих из фабрик. Таким образом, в составе 150 депутатов было 46 социал-демократов, много им сочувствовавших и несколько эсеров. Среди избранных были также 23 женщины, в том числе 7 членов РСДРП. По социальному составу совет депутатов был исключительно рабочих.

3

Так была создана новая, невиданная в мире рабочая организация — совет рабочих депутатов, послуживший прообразом петербургского и московского советов, прообразом завоеванного Октябрем 1917 г. пролетарского государства.

На первом же собрании совета, в помещении земской управы, были установлены его права и обязанности, которые сводились к следующему:

1) избранному совету рабочих депутатов руководить стачкой;

2) никаких сепаратных действий и переговоров не допускать;

3) всем стачечникам вести себя скромно и организованно;

4) к работе приступить только по решению совета.

С момента создания совета забастовка была введена в еще более организованное русло. Среди рабочих стало популярным слово «депутат». На этом же собрании был избран президиум совета, в который вошли: гравер А. Е. Ноздрин (председатель), электротехники Н. П. Грачев (первый секретарь), Добровольский (второй секретарь), Суховский (третий секретарь) и фотогравер Царский (казначей). В сущности, это был исполнительный комитет совета. Присутствующему на собрании фабричному инспектору Свирскому были переданы для фабрикантов уточненные советом требования рабочих.

Эти требования, экономические и политические, в количестве около 50, были отпечатаны на гектографе местной социал-демократической организацией с надписью сверху «Российская социал-демократическая партия» и с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

«Если присмотреться ко всему тому, что прodelьвается здешними забастовщиками, — писала буржуазная газета «Новое время», — то придется к заключению, что здесь забастовкой руководят умелые головы. Здесь видна система»¹.

17 (30) мая фабриканты ответили, что общие требования, «предъявленные рабочими и мастеровыми ко всем фирмам вместе, заключают в себе и такие требования, исполнение которых вне власти промышленников», что же касается требований частных, «то обсуждение их может быть устно только с выборными... и, разумеется, в помещении конторы фабрики»². Получив этот отрицательный ответ, совет рабочих депутатов стачку решил продолжать, настаивая на удовлетворении экономических требований, политические же требования, поскольку фабриканты заявили, что они не подлежат их обсуждению, были выделены особо и посланы министру внутренних дел.

¹ Смирнов В. С. «Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в 1905 г.», стр. 69.

² Архив канцелярии владимирского губернатора, д. 59, л. 8.

Собрание иванововознесенских рабочих на реке Талке. 1905 г.

В заявлении министру совет от имени иванововознесенских текстильщиков требовал 8-часового рабочего дня, установления невмешательства фабричной инспектуры в действия выборной комиссии, решающей конфликты рабочих с фабрикантами, уничтожения тюрем (кутузок) при фабриках, «невмешательства войск в дела рабочих» во время забастовки, установления праздника 1 Мая, свободы обсуждать нужды рабочего класса, свободы печати и, наконец, созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого и тайного голосования.

17 же мая местная власть, опасаясь политических эксцессов со стороны бастующих рабочих, запретила собираться на площади и устраивать собрания в городе, разрешив, однако, пользоваться для этого просторами берегов реки Талки в окрестностях Иваново-Вознесенска.

Наряду с этим губернатор сообщил командующему военным округом, что «для двух сотен казаков служба непосильна, нужна еще сотня казаков»¹.

С 18 мая (1 июня) собрания бастующих рабочих почти ежедневно происходили на Талке.

Здесь совет рабочих депутатов во всю ширь развернул свою работу, максимально используя свои полномочия. Он не был просто стачечным комитетом. Он, несомненно, имел до-

лю власти в городе, и с ним вынуждены были считаться как с реальной силой.

Буржуазия и представители местной власти не могли, например, напечатать без разрешения совета ни одной бумажки ни в одной типографии, что было равносильно захвату их.

15 (28) мая к совету обратился по этому поводу инспектор Свирский с сообщением, что «в настоящее время, когда все типографии примкнули к забастовке, для напечатания объявления пришлось посылать в Шую...» От имени губернатора инспектор взывал «к благоразумию самих рабочих, что они со своей стороны не будут создавать препятствий к подобной работе, если она понадобится»². Совет фактически отказал в этом, заявив, что это «будет зависеть от тех типографских рабочих, которые будут призваны» к напечатанию срочных бумаг. В совет обращалась и администрация ряда фабрик с просьбой разрешить им воспользоваться рабочей силой в случае необходимости переместить материал на фабрике, чтобы сохранить его от порчи и пожара.

Подобные вопросы совет разрешал немедленно, не нарушая интересов стачечников. На время стачки совет постановил все винные лавки закрыть, потребовав от официальной власти выполнения этого постановления, и последняя вынуждена была требование совета удовлетворить.

¹ Архив канцелярии владимирского губернатора. Т. I, л. 82.

² Архив канцелярии владимирского губернатора. Т. I, л. 86.

«И действительно,— пишет активный участник этой забастовки Ф. Н. Самойлов,— в городе в это время наблюдался порядок, какого еще не было никогда до забастовки: не видно было пьяных, не наблюдалось ни драк, ни скандалов, ни азартных игр, которые совет тоже воспретил»¹.

В целях сохранения порядка в городе и предотвращения провокаций совет решил учредить свою, рабочую милицию. Фактически над городом уже был установлен рабочий контроль. Но рабочей милиции нередко приходилось сталкиваться с полицией, что заставило совет официально «охрану города взять в свои руки».

20 мая совет направил в городскую управу делегацию с заявлением от имени рабочих и мастеровых Иваново-Вознесенска, единогласно постановивших «устроить милицию из среды себя, т. е. охранную стражу из рабочих». «...Действиями этой милиции,— говорилось в заявлении,— руководят депутаты, избранные нами для переговоров с администрацией и фабрикантами»². Владимирский вице-губернатор Сазонов не мог не усмотреть в этом решении совета рабочих депутатов проявление другой власти, действующей параллельно с властью официальной, и на требование совета ответил категорическим отказом.

4

Авторитет совета рос изо дня в день, привлекая внимание всех эксплуатируемых. На Талку стали являться делегаты рабочих от мелких ремесленных мастерских и разных учреждений и даже от домашней прислуги, прося защиты от чрезмерной эксплуатации и произвола со стороны хозяев. Совет пользовался авторитетом и популярностью не только среди рабочих Иваново-Вознесенска, но и далеко за пределами его.

«Идейное и организационное влияние иванововознесенской группы РСДРП не ограничилось этим городом», — писал тов. Фрунзе.— Майская

¹ Самойлов Ф. Н. «По следам минувшего», стр. 102. 1934.

² Архив канцелярии владимирского губернатора, Т. I, л. 134.

стачка остановила промышленную жизнь всего района, и отовсюду, из самых глухих местечек и сел, в Иваново-Вознесенск стекались за советами, инструкциями и указаниями десятки делегаций»³. Были делегации и от крестьян с жалобами на притеснения со стороны помещиков и разного сельского начальства. Делегатов и ходяков этих «приглашали на заседания совета, выслушивали, давали необходимые указания, а иногда посылали с ними на место кого-нибудь из депутатов или партийных работников для организации стачки»⁴.

Собрания на Талке происходили ежедневно, превратившись в систематическую политическую школу.— «социалистический университет». Утром, часов в 9, как правило, собирался пленум совета— члены РСДРП и депутаты совета,— который намечал порядок дня. Здесь устанавливались темы речей, назначались ораторы, зачитывались и утверждались протоколы предыдущих общих собраний бастующих, давались распоряжения об охране города и указывались меры предосторожности в отношении провокаторов, избирались делегаты с разного рода запросами в городскую думу, к фабричному инспектору и губернатору. Словом, разрешались все вопросы по руководству стачкой и так или иначе связанные с классовой борьбой рабочих.

После пленума начиналось общее собрание бастующих, и тут же распространялся ежедневно выходивший бюллетень совета рабочих депутатов, освещавший ход стачки.

Нередко собравшиеся на Талке рабочие разбивались по фабрикам и заслушивали своих депутатов, которые сообщали избирателям, как выполняются их требования, в каком положении переговоры с фабрикантами, и расшифровывали ответы фабрикантов, передавая их массе рабочих в самой доступной для них форме и делая политические выводы.

Здесь, на Талке, под именными красными флагами, указывавшими, к какой фабрике относятся собрав-

³ «Иваново-Вознесенск за 10 лет», стр. 25. Изд. 1927 г.

⁴ Самойлов Ф. Н. «По следам прошлого», стр. 109.

шиеся рабочие, вырабатывались новые наказы совету и учитывалось настроение бастующих. В первые дни стачки бастующие держались все же в рамках экономической борьбы, питая еще надежду добиться удовлетворения своих требований путем мирных переговоров с фабричной администрацией. Это настроение ярко выявило при выступлении одного из ораторов, окончившего свою речь восклицанием «Долой самодержавие!» В ответ раздались крики: «Довольно! Не надо об этом! Мы не хотим политики, наша борьба экономическая!» Но каждое собрание, каждое выступление способствовало политическому просвещению рабочих, открывало им глаза. Особенно большой популярностью пользовались речи «приезжего» — Подвойского — и местных: «Терентия», Е. Дунаева, С. Балашева, М. Лакина и др. Все они были социал-демократы — большевики. Скоро эти руководители стачки стали перемежать митинги с популярными лекциями по политэкономии и истории классовой борьбы. Они рассказывали о женщине и революции, об истории «Марсельезы», о «великих безумцах» — Фурье и Сен-Симоне, и т. п. Благодаря этим лекциям рабочие заинтересовывались политическими вопросами и уже прерывали ораторов репликами: «Нам что Франция-то!.. Вы, товарищ, лучше бы рассказали, давно ли мы у себя дома стали рабами и с коих пор мы начали от этого освобождаться»¹.

Упорство фабрикантов, не желавших идти на уступки рабочим, также делало свое дело. Политика начинала внедряться в сознание масс. Уже к концу мая рабочие слушали политические речи с напряженным вниманием.

30 мая шпик сообщил в департамент полиции, что ежедневные собрания на Талке заканчиваются следующими словами: «Да здравствует стачка!», «Да здравствует социализм!», «Да здравствует российская социал-демократическая рабочая партия!» «После чего ораторами и многими рабочими — мужчинами и женщинами, —

¹ «1905 г. в Иванововознесенском районе», стр. 108, 1925.

Тов. Евлампий Дунаев.

доносил шпик, — пелись противоправительственные песни»².

Так большевики — руководители стачки — умело подводили массу от экономических вопросов к вопросам общеполитическим.

Местная власть была в страхе.

Буржуазия в испуге покидала город: кто в Москву, кто на юг.

5

2 июня вице-губернатор Сазонов опубликовал об'явление: «Ввиду ежедневно доходящих до меня от самих же рабочих сведений, что лица, собирающиеся на р. Талке, не ограничиваясь обсуждением своих чисто фабричных нужд, занялись вопросами государственного значения, причем отдельные лица позволяют себе явно возмутительные речи против правительства, я не нахожу далее возможным допускать многолюдные собрания на р. Талке, а также и в других окрестностях города и предупреждаю, что виновные в нарушении сего распоряжения будут подвергаться законной ответственности»³.

² «1905 г. в Иванововознесенском районе», стр. 77.

³ Архив канцелярии владимирского губернатора. Т. I, л. 187.

В этот же день большевики—депутаты совета, собравшись на конспиративное совещание, решили невзирая на запрещение собрать всех рабочих на Талке 3 июня в обычное время. 3 июня на Талку явилось около трех тысяч рабочих. Еще не успели начать собрание, как со стороны железнодорожной станции появился отряд казаков во главе с полицмейстером Кожеловским.

Казачьи построились густой цепью недалеко от собрания и остановились. «Расходись!»—трижды крикнул Кожеловский. Видя, что собравшиеся продолжают стоять на месте, Кожеловский сксмандовал: «Казачьи, вперед!»

Пришпорив лошадей, с криком и гиканьем казаки ринулись в толпу, начавшую отступать в лес и за железнодорожную линию. Вслед отступавшим было сделано несколько выстрелов. Затем залпы участились. В результате несколько человек убито и много ранено, преимущественно в ноги, как и приказывал Кожеловский.

Расстрел на Талке переполнил чашу терпения рабочих. Ненависть рабочих к классовому врагу прорвалась в неорганизованной форме: в виде поджогов, порчи телеграфа и пр.

Вечером 3 же июня в местечке «Ямы» горели ситцевая фабрика Гандуриных и лесной склад Ивана Гарелина. А в следующие дни были подожжены дачи городского головы Дербенева и его брата, дача фабриканта Фокина и фабриканта Бурылина. «В тот же вечер разгромлено было несколько винных лавок,—рассказывает тов. Самойлов,—много испорчено телефонных и телеграфных столбов и прервано телеграфное и телефонное сообщение. Столбы валялись всюду на улицах. А толпы озлобленных рабочих ходили по улицам и во многих местах избивали попадающихся им полицейских»¹. На другой день часть депутатов совета во главе с председателем его Ноздриным и секретарем Н. П. Грачевым были арестованы².

4 июня большевики нелегально собрали оставшихся на свободе депута-

тов совета и решили несмотря на голод, сильно дававший себя чувствовать, продолжать забастовку, чтобы показать, что воля рабочих бороться до конца не сломлена расстрелом. Весть о расстреле ивановских рабочих распространилась далеко за пределы города, вызвав сочувствие рабочих других промышленных центров России.

Был организован широкий сбор средств среди рабочих, в частности на харьковских заводах, где сборщики ходили с сумкой из красной материи с надписью «В пользу семей иваново-вознесенских рабочих, жертв 3 июня», пропагандируя ивановскую стачку как беспрецедентную по организованности и стойкости. Рабочие делились последними грошами с товарищами. Так проявлялась классовая солидарность пролетариата.

Денежные средства, поступавшие в совет со всех концов России, распределялись между наиболее нуждающимися участниками стачки.

Собрания совета продолжались нелегально в лесу, пока 11 июня местная власть вновь не разрешила собираться на Талке.

События 3 июня явились наглядным уроком, показавшим рабочим, что царские войска и полиция помогают их врагам—хозяевам—и защищают интересы последних. Мирное настроение рабочих сменилось боевым. 3 июня дало возможность социал-демократической организации приступить к созданию боевой дружины и приобретению оружия. Первым организатором такой дружины был преданный делу рабочих большевик Станко.

Несмотря на все возрастающую революционность ивановского пролетариата буржуазия упорно на уступки не шла. 21 июня губернатор, опасаясь революционного взрыва со стороны рабочих, обратился к иваново-вознесенскому комитету торговли и мануфактуры с попыткой воздействовать на фабрикантов. «Сим заявляю,—писал губернатор,—что дальнейшее уклонение господ фабрикантов от непосредственных сношений с рабочими послужит к вредной во всех отношениях затяжке забастовки и может иметь крайне нежелательные последствия, о чем и предлагаю поставить

¹ Самойлов «По следам минувшего», стр. 119.

² Вскоре, по требованию совета, они были освобождены.

Тт. Фрунзе, Мавдельштам, Литвин-Седой среди участников декабрьского восстания 1905 г. в Шуре (Иваново-Вознесенский район). Снимок 1920 г.

в известность всех фабрикантов города Иваново-Вознесенска»¹. В ответ на отношение губернатора от 21 июня председатель комитета торговли и мануфактуры города Иваново-Вознесенска 24 июня сообщил, что довести до сведения всех фабрикантов предложение губернатора не удалось, так как «господа фабриканты из гор. Иваново-Вознесенска выбыли и настоящее местонахождение многих из них неизвестно».

Учитывая растущую с каждым днем нужду рабочих и упорное молчание фабрикантов, большевики решили организовать 23 июня демонстрацию рабочих перед городской думой. На случай вооруженного насилия со стороны казаков над демонстрантами решено было на площади незаметно разместить вооруженную, боевую рабочую дружину.

В назначенный день на площадь явилось около 20 тыс. рабочих. Е. Дунаев с трибуны дал знак собравшимся сесть, и многотысячная масса села на камни мостовой и тротуары. Это была грандиозная картина, оригинальной сидячей демонстрации перед городской думой.

«Мы не можем дальше вести себя спокойно,—обратился по адресу думы Дунаев,—видя, как голодают наши дети, в то время как виновники это-

го голода, наши хозяева, владельцы предприятий, будучи сытыми, не хотят пойти на облегчение наших страданий. Мы больше не можем терпеть этого издевательства».

Вышедший на площадь вице-губернатор Сазонов сообщил, что фабриканты не идут на уступки и что в этом власть не виновата, что он старается влиять на фабрикантов, но пока безуспешно. Предложив немедленно разойтись, Сазонов обещал на другой день все же добиться ответа от фабрикантов и прислать его через инспектора Свирского.

Получив это обещание, рабочие двинулись на Талку и, «выкинув красный флаг...—как доносил полицмейстер губернатору,—пели песню «Воля» с припевом «Пора народу завоевать себе свободу»².

Очистившаяся от демонстрантов площадь оказалась покрытой кучками булыжника, вырытого руками сидевших рабочих на случай необходимости защищаться от казаков. В этот же день, 23 июня, совет заявил губернатору, что озлобление рабочих с каждым днем растет, сдерживать их становится все труднее и что он слагает поэтому с себя ответственность за последствия.

24 июня Свирский, как было обещано губернатором, привез ответ фабрикантов прямо на Талку. Он гла-

¹ Самойлов «По следам минувшего», стр. 122.

² Архив канцелярии владимирского губернатора. Т. II, л. 240.

сил: «Никакой платы за время забастовки, никаких дальнейших уступок и прибавок мы делать не можем. Не можем также соглашаться, чтобы условия договора о найме при поступлении рабочих вновь на фабрики зависели от мнения руководителей забастовки или депутатов бывших рабочих, поэтому считаем какие-либо переговоры с депутатами невозможными»¹. Такой ответ исчерпал терпение рабочих, и, вооружившись топорами и ломом, они двинулись в город, где начали громить продовольственные лавки и магазины. При этом нашлась группа лиц, которая брала с торговцев определенные денежные суммы, давая за это гарантию сохранить лавку или магазин от разгрома. На дверях торговых помещений в этом случае мелом писали: «Взнос получен». И оно действительно оставалось нетронутым. Совет сурово осудил эти действия и предложил немедленно прекратить сбор «контрибуций», вызвав на товарищеский суд инициаторов.

Одновременно с разгромом лавок начались поджоги дач фабрикантов. 26 июня доверенный Н. Гарелина в письме М. Гарелину в Москву пишет:

«В доме и на фабрике все покуда благополучно. Спицыно сгорело все, как есть, осталось чистое поле... начался пожар в 10 час. вечера и продолжался до 3 час. ночи. В это же время загорелась дача Л. М. Гандурина, близ с. Сидоровского, и тоже сгорела вся... Кроме этого в эту же ночь сгорела дача Е. Н. Дербенева, близ дачи Фокина, и Щапова, близ железной дороги, и дача Генералова на озере... Сейчас в той же стороне горит еще какая-то дача...»².

26 июня в забастовке наступил перелом. В этот день фабриканты Грязнов и Щапов, опасаясь дальнейших событий, согласились на удовлетворение ряда требований рабочих. Они заявили о согласии увеличить зарплату рабочим, получающим 8—9 руб. в месяц, на 3 руб.; получающим 9½—10 руб.—на 2½ руб. и получающим 10½—12 руб.—на 2 руб., уменьшить

на 1 час рабочий день и удовлетворить ряд требований, относящихся к внутреннему распорядку на фабрике. Грязнов и Щапов, нарушившие единство фабрикантов, вызвали бурю негодования со стороны остальных предпринимателей. Они потребовали от губернатора «в защиту всей промышленности запретить Грязнову принимать в течение забастовки не согласованные с другими фирмами меры»³.

Вскоре, однако, другие фабрики также пошли на некоторые уступки. Совету рабочих депутатов стало ясно, что добиться удовлетворения всех требований не удастся. Между тем на Талке полным голосом заговорил голод. В кассе совета средства помощи рабочим иссякали. 27 июня совет рабочих депутатов заявил фабрикантам: «Ввиду того, что в город прибыло большое количество войск; ввиду того, что 47 дней забастовки истощили наши силы, что все эти условия мешают нам продолжать стачку,— на основании всего этого мы заявляем, что с 1 июля мы решили стать на работу с тем, чтобы подкрепить свои силы и вновь начать борьбу за свои права и те требования, которые нами предъявлены фабрикантам в начале забастовки, 12 мая»⁴.

2 июля рабочие явились на фабрику, но начавшиеся столкновения с администрацией вновь увлекли их на Талку. В первый же день возобновления работ они покинули свои станки раньше времени. Окончательно все фабрики заработали лишь 27 июля (9 августа). В этот же день совет объявил о своем роспуске. Однако рабочие и в дальнейшем продолжали считать бывших депутатов в совет своими уполномоченными и при всякого рода конфликтах с фабрикантами обращались именно к ним и через них вели переговоры. После роспуска совета революционное движение в Иваново-Вознесенске руководилось организацией большевиков уже через обычные партийные органы, при всемерном использовании популярности и авторитета бывших депутатов совета.

Экономические завоевания ивановских рабочих в майской стачке были

¹ Архив канцелярии владимирского губернатора. Т. II, л. 323.

² Ивановский областной архив. Архив фабриканта Гарелина. Переписка.

³ Архив канцелярии владимирского губернатора. Т. II, л. 233.

⁴ Там же. Т. III, л. 19.

Первый совет рабочих депутатов Иваново-Вознесенска. 1905 г.

малосущественны. Зарплата повысилась на различных фабриках различно, но не свыше 20%; введены квартирные не свыше 2 руб. в месяц и улучшились некоторые санитарно-гигиенические условия, как-то: устройство бань и прачечных при них, благоустройство существовавших бань и др. Даже уступки фабриканта Грязнова, по которым рабочие впоследствии хотели заставить равняться других фабрикантов, в сущности, почти ничего не давали рабочим. Один из приближенных фабриканта Н. Гарелина в письме к нему следующим образом расценивал уступки Грязнова.

«Мне кажется, что прибавки, вывешенные у Грязновых, есть, при тщательном рассмотрении, плутовские, так как много ли найдется на фабрике народу, получающих 7—8 руб., где прибавка существует 3 руб.; по моим расчетам, это выразится так: если прибавки общие в 10%, то прибавки Грязновых—11½—12%. Seriously объявление относительно работы 10½ час., но и это можно привести к нулю, уничтожив завтраки и чай... Так что вся прибавка: 12% жалованья, полчаса убавка во времени и, не считая 1 руб. квартирных,—выразится в сумме самое большее 20 тыс. руб. Вот вы и рассчитывайте»¹.

¹ Иванововознесенский губернский архив. Архив фабриканта Гарелина. Переписка.

Но не этими экономическими победами измерялся успех всеобщей стачки. Он измерялся чрезвычайно выросшей в ходе ее политической сознательностью, организованностью и классовой сплоченностью рабочих. Большевики, развернув в период забастовки широкую агитацию, углубили содержание экономической борьбы, умело используя ее в целях политического воспитания рабочих и развития их революционного классового мировоззрения. Ленинская стратегия соединения экономической борьбы с политической проявилась здесь особенно ярко. В этой забастовке наглядно выразилось умение нашей партии поднимать массу пролетариата от борьбы за экономические требования к требованиям общеполитическим. Здесь проявилось умение большевиков определять те пути, которые подвели массы к пониманию большевистских лозунгов, пути, которые давали возможность убеждаться на опыте в правильности этих лозунгов.

Ивановские текстильщики вышли из стачки перерожденными: они вернулись на фабрики с просветленным классовым сознанием, и в этом был главный успех стачки. «Вернувшись с Талки, — рассказывает председатель первого совета рабочих депутатов тов. Ноздрин, — мы не могли думать об успокоении. Мы думали только о новой борьбе, об использовании в этой

борьбе опыта и знаний, приобретенных на Талке, и забастовка для нас не была конченной».

Именно эта политическая школа, которую прошли бастующие рабочие, необыкновенно ценна для дальнейшей борьбы пролетариата с капитализмом. Это знала и учитывала и власть Иваново-Вознесенска. 26 июня на совещании директоров фабрик и представителей местной власти один из фабрикантов заявил, что требование прибавки «в настоящее время уже не является вопросом экономическим», поскольку существует у рабочих «талочный университет... с ректором Дунаевым». «Надо уничтожить это нелегальное учреждение,—обращалась буржуазия к властям,—вырвав руководителей мирным или насильственным путем... Делать же государство в государстве по меньшей мере есть нетактичность подлежащих властей»¹.

Ивановская стачка была революционной стачкой как по своим требованиям, так и по форме борьбы. В ней рабочие явочным порядком завоевали ряд политических свобод: свободу слова, печати, собраний — и максимально использовали их. И в этом отношении ивановская стачка явилась характерной. «Не даром из нее вышел первый совет рабочих депутатов,—

¹ «1905 г. в Иванововознесенском районе», стр. 32.

говорил М. Н. Покровский,—прошу извинения у несогласных, первый настоящий совет рабочих депутатов»².

За два с половиной месяца своего существования и революционной деятельности совет успел выявить все основные признаки и особенности массового органа рабочего класса и будущей формы пролетарской власти. Он не был просто стачечным комитетом, каким представил его П. Горин в своей книге «1905 год». Это был революционный орган; как и многие другие советы рабочих депутатов, возникшие в 1905 г., они «создавались вне всяких законов и норм,—писал Ленин,—всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа, избавившегося или избавляющегося от старых полицейских пут. Это были, наконец, именно органы власти, несмотря на всю их зачаточность, неоформленность, расплывчатость в составе и в их функционировании»³. По-ленински поняв назначение совета, ивановские рабочие в первые же дни Февральской революции 1917 г. создали по примеру 1905 г. и на той же площади совет рабочих депутатов, который, будучи по составу руководства большевистским, фактически захватил власть в городе месяца за два до Октября.

² Покровский «Роль рабочего класса в революции 1905 г.», стр. 11.

³ Ленин. Т. IX, стр. 116.

Ц У С И М А

(14—15 МАЯ 1905 г.)

1

Конец XIX столетия характерен активизацией внешней политики царизма. Потерпев неудачу на Ближнем Востоке, исчерпав свои возможности в Средней Азии, царская Россия концентрирует свое внимание на Дальнем Востоке.

В итоге уже в конце 90-х годов правительство Николая II захватывает Манчжурию и приступает к созданию второй морской базы на Тихом океане.

Ответом на этот шаг российского военно-феодального империализма явился военно-политический союз Японии и Англии, в особенности близко принимавшей к сердцу укрепление царизма на Востоке.

Вступая, таким образом, в конфликт с двумя крупнейшими империалистическими странами (к которым в известной части впоследствии присоединяются и США), царская Россия оказалась изолированной в своей борьбе за Дальний Восток.

В решающий момент русско-японской войны буржуазная Франция и вильгельмовская Германия предпочли занять места наблюдателей.

У Франции, «союзника» царизма, были особые счеты и планы в Европе, связанные с проблемой реванша по отношению к Германии; Восток, тем более Дальний, ее мало интересовал. Политика же Вильгельма II, рассчитанная на возможность ослабления царизма и уменьшение таким образом угрозы германским восточным границам, носила определенно провокационный характер. Отрицательное отношение США к царской России

было вызвано политикой царизма, в результате которой в Манчжурии были ущемлены интересы американского капитала.

Для господствующих классов России проникновение и укрепление на Дальнем Востоке должны были создать новый объект открытого грабежа. Исходя из этого, игнорируя силы противника и демонстрируя свое исключительное невежество, царизм готовился к войне. Для самодержавия война должна была явиться также громоотводом от революционных настроений, существовавших в стране. Об этом совершенно определенно заявлял министр внутренних дел Плеве.

Подготавливаясь в течение ряда лет к войне на Дальнем Востоке, царизм в конечном счете был застигнут войной врасплох. Японские империалисты, имеющие уже тогда определенные планы в отношении Манчжурии и поддерживаемые британским правительством, разрывают дипломатические отношения и в январе 1904 г. «неожиданно» для царских адмиралов атакуют царскую эскадру в Порт-Артуре. При этом было выведено из строя несколько крупных судов.

С этого фактически и начинаются военные действия.

С первого же дня стал вопрос, кто будет владеть морем. Полная бездарность царского командования привела к тому, что первая Тихоокеанская эскадра оказывается прочно запертой в Порт-Артуре. Успехи японцев на морском театре войны объясняются не только личными качествами японского морского командования, но в особенности свойствами царского морского командования, показавшего с самого начала военных действий свою полную неподготовленность к ведению войны.

В июле 1904 г. японцы кольцом охватывают Порт-Артур. После неудачных, сопровождающихся большими потерями лобовых атак японцы переходят к планомерной осаде. 20 декабря, после 328 дней борьбы, комендантом Порт-Артурской крепости, далеко не исчерпавшей еще всех своих боевых возможностей.

Неудача на море сопровождается рядом поражений царских генералов

на материке: Вафангоу, Ляоян, Шахэ и, наконец, в феврале 1905 г. под Мукденом. Манчжурские действующие армии благодаря руководству царского высшего командования усвоили лишь одну тактику—тактику непрерывного отступления. Стремясь сохранить свои позиции на Дальнем Востоке, чтобы разрешить вопрос о владении морем на Востоке, борясь за сохранение диктатуры помещика-крепостника, царизм мобилизует все свои резервы, в частности и корабли Балтийского флота.

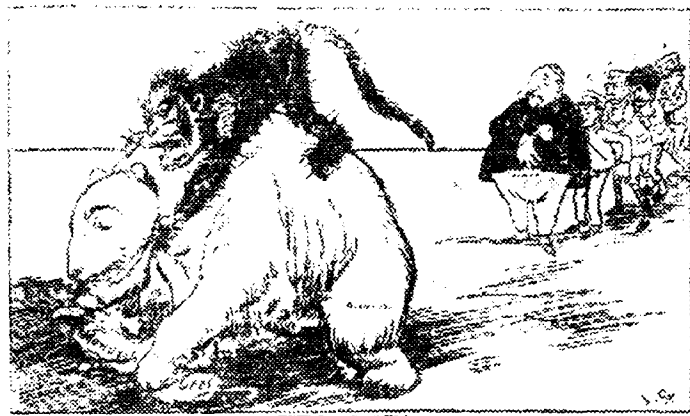
2

Еще в первых числах февраля, после открытия военных действий, принимаются меры к ускорению постройки новых судов, которые, по прежним предположениям о сроках их готовности, в большинстве должны были лишь осенью 1904 г. подвергнуться приемным испытаниям. Для ускорения постройки были ассигнованы особые средства.

Все эти суда по приказу Николая II должны были войти в состав особой эскадры; кроме новых броненосцев: «Князь Суворов», «Орел», крейсеров: «Аврора», «Олег» — входили также и старые суда-броненосцы («Ослябя», «Наварин» и др.).

В половине апреля последовало распоряжение наименовать эту формируемую эскадру 2-й эскадрой флота Тихого океана, и тогда же командующим был назначен контрадмирал Рожественский, оставленный в то же время в должности начальника Главного морского штаба.

Разработка плана предстоящей опе-

Противоречия японских и русских интересов в Манчжурии и Корее. Карикатура из иностранного журнала 1904 г.

рации, снабжение эскадры и, наконец, наблюдение за изготовлением кораблей были поручены лично адмиралу Рожественскому; по словам управляющего морским министерством адмирала Авелана, «командующий эскадрой совместно со своим штабом выработал план операций и держал его в секрете. План этот не обсуждался ни в министерстве, ни на совещании, ни частно. Командующий эскадрой сообщил министерству лишь маршрут эскадры, связанный с направлением в известные пункты угольных пароходов Гамбургско-Американской линии; этими сведениями министерство и пользовалось впоследствии для телеграфных сообщений с эскадрой»¹.

После посещения Николаем II в Кронштадте флагманского броненосца «Князь Суворов» в Петергофе состоялось специальное совещание. На совещании был поставлен еще раз вопрос, следует ли вообще посылать эскадру.

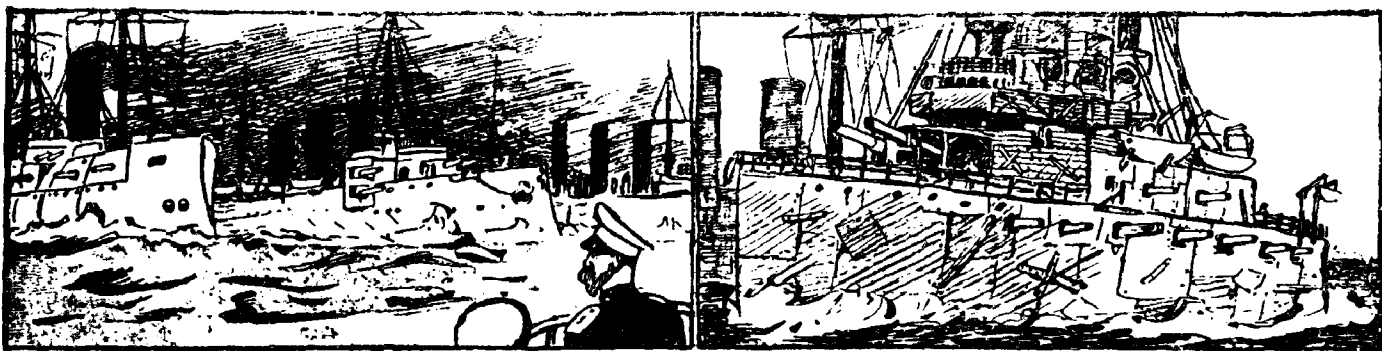
Вопрос был решен в положительном смысле, причем наиболее энергично за отправку выступал Рожественский.

Перед Рожественским была поставлена задача—достигнуть Порт-Артура и соединиться с первой эскадрой для «совместного затем овладения Японским морем». Совещание носило исключительно секретный характер, причем ни журнала, ни протокола составлено не было. Весь состав совещания был ограничен узким кругом лиц: присутствовали два великих князя, Рожественский, министр иностранных дел, министр финансов, военный и морской министры и статс-секретарь граф Сольский.

В итоге создается сборная эскадра. В эскадру включаются различные по своим тактическим данным корабли: с различной скоростью, дальностью орудий—дело доходит до таких курьезов, как проекты использования царских яхт.

В Кронштадте, Ревеле и Либаве в 1904 г. работа «кипела» как никогда. В конце лета в Кронштадте, хотя и спешно, но, как гласит официальный документ, «со всей строгостью», про-

¹ Лоция Миа, фонд «Дневники и заметки по русско-японской войне» дело № 240, л. 60

Русский флот, каким его представляло царское правительство...

...и каким он оказался на самом деле. Карикатура Е. Wilke (München). 1905 г.

изводились приемки намеченных к отправке кораблей. То и дело ходили на пробу броненосцы «Суворов», «Бородино», «Орел» и др. Обнаруживалась масса недостатков и упущений. То не хватало обусловленных «узлов», то оказывалась нехватка в «индикаторных силах», то корабли позорно садились на мель, на самую линию фортов, точно в чужих водах. Все делалось наспех. Состояние кораблей и их готовность к бою представляли что-то исключительное даже для всегда отстающей и опаздывающей царской России. Инженер В. Костенко, уцелевший при разгроме эскадры под Цусимой и попавший затем в плен, пишет в своих воспоминаниях: «Орел» ушел из Балтийского моря прямо из-под топора, многие работы были не кончены, многие механизмы не налажены, судовая жизнь никак не могла войти в нормальную колею после полугодичных противорестественных порядков, установившихся по необходимости во время постройки в порту»¹.

Еще с большей откровенностью высказывается командир броненосца «Император Александр III» капитан 2-го ранга Бухвостов, погибший под Цусимой. В ответ на пожелания счастливого пути и победы Бухвостов на прощальном обеде перед отправлением в поход откровенно заявил: «Постройка этих громад-броненосцев — только разорение казне и нажива строителям, и к добру она никогда не приведет. Вы смотрите и думаете, как тут все хорошо устроено... А я вам скажу, что тут совсем не хорошо. Вы желаете нам победы. Нечего и говорить, как мы ее желаем. Но победы

не будет. Я боюсь, что мы растеряем половину эскадры по пути; а если это не случится, то нас разобьют японцы»².

Между тем Бухвостов считался во флоте одним из лучших офицеров. Старшему офицеру корабля только и осталось, что деликатно замять речь, сведя все к «случайным настроениям».

О положении в эскадре можно судить и по следующему письму Рождественского. Касаясь обстановки на броненосце «Орел», адмирал пишет:

«Там такая адская анархия, такой глубокий беспорядок, что оставлять его одного очень опасно. Команда бунтует.

Уполномоченные французские, русские, доктора военные, статские, начальство судовое друг друга не слушают, и никто не знает, кого должен слушать.

Судовое, лазаретное и крестовское хозяйство не слажено, везде полная чепуха. Вольные санитары, казенные санитары, вольная команда, казенная команда, вольная прислуга, казенные вестовые—все между собою грызутся и все скопом и громко ругают свое начальство и безначалье».

Для полноты картины следует привести еще один характерный факт, о котором рассказывал контрадмирал Небогатов на суде. К его так называемому третьему отряду, посланному вдогонку в помощь Рождественскому, был присоединен старый пароход «Русь», оборудованный под воздухоплавательный парк. Небогатов, естественно, пожелал перед отправлением познакомиться с оборудованием и испытать его.

¹ Лоция Миа, фонд «Дневники русско-японской войны». Заметки В. Костенко. дело № 1.

² «Новое время» № 10506 от 3/VI 1905 г.

«Мне сказали,— рассказывает Небогатов,— что есть два способа добытия газа: химический и электролитический. Прежде чем взять «Русь» с собой, я сказал, что завтра приду, чтобы был наполнен шар и мне было показано его действие. Я отдал этот приказ часов в 5 вечера, а в 8 часов ко мне с этого парохода явился заведующий воздухоплавательным снаряжением, какой-то военный полковник, и говорит: «Мы завтра не можем». «Почему же?» «У нас,— говорит,— неисправно». «Как же вы на войну собираетесь?» «Да вот машина сломалась, электролитическим способом наполнить шар нельзя, потому что у нас динамомашинка не соответствует паровому двигателю». Я говорю: «Ведь есть еще химический способ?» «Химическим способом очень опасно, у нас три дня назад двоим лицо опалило. У нас большие запасы газа, так что мы боялись весь корабль сжечь»¹.

Не обеспечив даже и в минимальной степени боевую готовность кораблей, «преступно пренебрегая элементарными принципами морской стратегии», адмиралы отправились на захват Тихого океана.

Ленин справедливо охарактеризовал «Великую Армаду» Рожественского как такую же громадную, такую же громоздкую, нелепую, бессильную, чудовищную, как вся Российская империя².

Матросы, собранные на эскадре «с бору да с сосенки»³, на одну треть состояли из запасных, принесших на суда свои антивоенные настроения. Значительная часть их, судя по тому количеству дисциплинарных проступков, которые числились за ними, была мало благонадежной. В некоторой степени этот состав призванных запасных был уравновешен новобранцами. Кадровый состав был очень невелик: большая часть кадровых матросов была оставлена в Балтике, вероятно, для борьбы с революцией.

На некоторых кораблях, стоящих в Либавском порту, дело доходило до

того, что, готовясь к походу на Дальний Восток, офицеры держали в полной готовности боевые роты на случай возможного выступления своих команд. Это совершенно открыто признает командир броненосца «Сенявин». «Жить команде пришлось совместно с мастеровыми,— рассказывает уже на суде по делу о сдаче небогатовского отряда капитан 2-го ранга Артшвагер,— брожение среди них отразилось и на команде. В конце концов было несколько очень прискорбных случаев, в которых выразилось это влияние. Если бы мы простояли в Либаве еще дольше, то не знаю, ушли ли бы наши броненосцы. Одним словом, когда мы вышли в море, то все облегченно вздохнули»⁴.

В то же время боевая подготовка матросов равнялась нулю. Ею почти не интересовались. По словам самого командующего второй эскадрой адмирала Рожественского, комендоры обучались стрелять на 25—30 кабельтов⁵, но так, что из 1000 комендоров 50 сами стреляли, остальные смотрели, как другие стреляют.

Перед уходом из России эскадра Рожественского произвела одну только практическую стрельбу в Ревеле. Броненосец «Орел» вообще не участвовал в стрельбе. Стрельба, практиковавшаяся затем во время похода, не могла наверстать и ликвидировать этот решающий недостаток боевой подготовки эскадры. Не лучше была подготовка и командного состава. Офицеров, знающих корабли и отдельные установки на корабле, можно было перечесть по пальцам.

3

Только 2 октября 1904 г. эскадра Рожественского вышла из Либавы в свое кругосветное плавание. Плавание началось рядом приключений. Три миноносца были брошены в Либаве из-за поломок. В письме Рожественского от 3 октября читаем: «Один миноносец, капитана Рихтера, раза три уже стучал в себе подобных и в стен-

¹ Из отчета по делу о сдаче 15 мая 1905 г. судов отряда бывшего адмирала Небогатова, стр. 423. Петербург. 1907.

² Ленин. Соч. Т. VII, стр. 335.

³ Там же.

⁴ Из отчета по делу Небогатова, стр. 411.

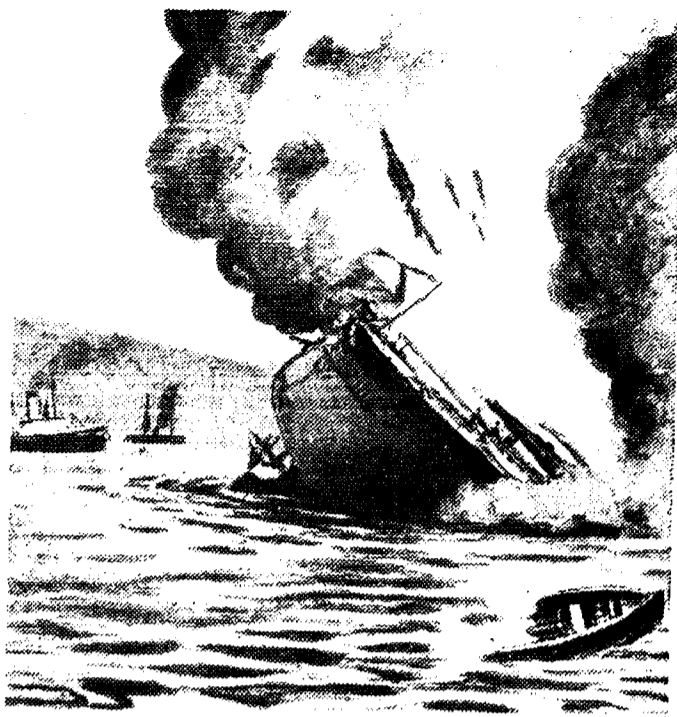
⁵ Т. е. на расстояние 2½—3 морских миль.

ку лбом. Его каждый раз чинили, а теперь сейчас стукнул бортом в броненосец «Ослябя», и сам получил пробоину. Если стукнет еще раз, брошу хоть в океане—так и объявил. Вопрос однако открытый: доплыву ли до океана сам».

Происшедший вслед затем 9 октября расстрел в районе Догер-банки английских рыбацких судов, «принятых» за японские миноносцы, создал крайне обостренные отношения с Англией. Артиллерийским огнем не только были потоплены английские рыбаки, но несколько боевых снарядов угодило в крейсер «Аврору» где был смертельно ранен судовой поп. Так за несколько тысяч километров от японского флота эскадра Рождественского сумела получить первое «боевое крещение». «Бой» заставил Рождественского в связи с возникшим конфликтом с Англией задержаться в испанском порту Виго; только 21 октября эскадра прибыла в африканский порт Танжер. Настроение командного состава, в том числе и адмирала, было подавленное. Это резко бросается в глаза при чтении его письма к вдове адмирала Макарова. «Эскадра ползет черепашим ходом: по нескольку раз в день все корабли останавливаются, чтобы подождать тех, у которых случаются поломки, — пишет Рождественский 27 октября из Танжера,— потому что я не решаюсь никого оставлять назад, упускать из виду,— так сильно боюсь, что отсталый, предоставленный самому себе, забежит в нейтральный порт, где ему сейчас же и предложат разоружиться. А что бы вы сказали, если бы так разоружилась вся моя эскадра? Было ведь близко к тому. Да и будут еще те же обстоятельства, потому что англичане обязаны помогать японцам. Значит, если японцы нас не разобьют самостоятельно, то Англии придется объявить нам войну, и тогда... флаг спустить — единственный возможный исход, если не полное истребление».

В Танжере, по соображениям технического порядка (глубокая осадка новых броненосцев), эскадра разделилась на два отряда: один, в составе новых броненосцев, части крейсеров и транспортов под командой Рождественского двинулся кругом Африки;

Взрыв броненосца «Петропавловск», на котором погибли командующий эскадрой адмирал Макаров и художник Верещагин.

второй — под командой контрадмирала Фелькерзама — пошел Суэцким каналом.

29 октября Рождественский двинулся в обход мыса Доброй Надежды. Весь поход сводился к тренировке по приемке угля, приведению в негодность судовых механизмов, разложению команды и офицеров. В одном из своих рапортов Рождественский дает следующую характеристику своим боевым кораблям: «Четыре броненосца, входящие в состав 2-й эскадры Тихого океана, благодаря прихотям участников постройки их, искалечены как линейные корабли... В ожидании свежих погод при огибании мыса Доброй надежды полубортики 75 мм орудий нижней батареи были приконопачены, так как обыкновенное задраивание их несколько не препятствует воде вливаться по всем пазам, как будто герметичность задраивания и не вошла в задание строителя.

Впрочем, совершенно так же пропускают воду так называемые непроницаемые двери и горловины на кораблях. Через неделю после их официальной пробы стибаются в должном направлении» и т. д.

Только 16 декабря Рождественский добрался до бухты Сант-Мари (на другой день перешли в бухту Носси-бе) на острове Мадагаскаре. Здесь была назначена встреча с отрядом адмира-

ла Фелькерзама. Между тем в Петербурге в конце ноября состоялось новое совещание, на котором было принято решение—усилить эскадру Рождественского старыми береговыми броненосцами и двумя крейсерами.

В итоге создается третья эскадра, под командой контрадмирала Небогатова. Все эти мероприятия вызвали со стороны Рождественского отрицательное отношение. Однако несмотря на его протесты он был вынужден в ожидании отряда крейсеров простоять около Мадагаскара целых два с половиной месяца.

Все попытки адмирала двинуться на Дальний Восток категорически пресекались директивами центра.

В телеграмме Николая II Рождественскому, датированной 12 января 1905 г., читаем: «Возложенная на вас задача состоит не в том, чтобы с некоторыми судами прорваться во Владивосток, а в том, чтобы завладеть Японским морем. Для этого имеющиеся у нас на Мадагаскаре силы недостаточны. Если же к вам присоединятся отряды Добротворского и Небогатова, последнее может осуществиться в конце марта в Индийском океане, то будете иметь шансы на успешное выполнение». Дальше шло

прямое указание ждать. «Чувствую себя очень дурно. Получаю дождь совершенно бесполезных телеграмм,— писал в январском письме 1905 г. Рождественский, — требования ответов и предписания не уходить... Петербургской канцелярии ни тепло, ни холодно от того угнетения, которое овладевает всеми, до самого младшего матроса, от томительного ожидания. Всем кажется: не идем дальше—значит, чего-то боимся, значит, страшно, ну и жмутся сердца и свертываются мозги в одном определенном направлении. Не скажешь всем, что нас никто здесь не держит, а просто не кончили домашних бесед. Как наговоримся, так и пойдем дальше. А на обмен депешами здесь требуется 12 дней, по шести суток в конце. Кабели английские; англичане затягивают передачу дня по три, да по острову носят депеши пешком. Зная, что обыкновенной перепиской меня трудно удержать, и не имея сил отрешиться от канцелярии, делают запросы, злоупотребляя ссылками на повеление свыше».

Крейсерский отряд Добротворского прибыл в Мадагаскар только 2 февраля. Критическое положение, создавшееся к тому времени с углем

Отступление русских войск от Мукдена.

Рис. из иностранного журнала 1905 г.

и продовольствием, заставило уже самого Рождественского задержаться еще на целый месяц у Мадагаскара, и только 3 марта эскадра сумела покинуть остров; 26 марта эскадра прошла мимо английского Сингапура. Царский флот подходил к границам японских территориальных вод.

Весь этот поход всей своей тяжестью ложился на матросов. Настроение матросов становится все более повышенным и приводит, как мы увидим дальше, к резким выступлениям против командного состава.

Под влиянием падения Порт-Артура, о чем становится известно эскадре только на Мадагаскаре, спадает патриотический угар среди командного состава, уступая место более здравой оценке обстановки.

Можно проследить, как с каждым днем, особенно после падения Порт-Артура, все больше и больше падает вера в благополучный исход экспедиции. Все эти настроения достаточно конкретно, еще до разгрома эскадры, в частных офицерских письмах, проникали в Россию, становясь известными не только западноевропейской прессе, но и японской.

Приведем для иллюстрации выдержки из письма старшего флаг-офицера штаба Рождественского лейтенанта Е. Свенторжицкого, близко стоящего к командующему эскадрой и в известной степени отражающего настроение последнего. «Посылаются суда,— писал он в письме за 4 месяца до катастрофы,— заведомо негодные, суда, которые могут быть приняты в состав эскадры только из деликатности... Зачем давать еще призы японцам, они уже довольно их получили... Успех второй эскадры совершенно не обеспечен. Не надо мечтать о победах. Вы о них не услышите. Вы услышите только жалобы и стоны тех страдальцев, которые сознательно, не веря в успех, пошли умирать».

Это полное глубокого пессимизма письмо показывает, насколько упало моральное состояние офицеров и фактически еще на полпути к Цусиме достигло своей кульминационной точки: в победу больше никто не верил. Свои действительные настроения офицеры, как правило, скрывали.

Значительно глубже проникло разложение в матросскую среду. Один из корабельных священников — Зосима — рассказывает: «Мне приходилось слышать по ночам разговоры матросов: тот стонет, что оставил жену, детей, как-то проживут; другой рассказывал, что, уходя в плавание, продал последнюю корову, лошадь, чтобы обеспечить на несколько месяцев свою семью».

Настроение запасных, среди которых имелось несколько распропагандированных матросов, передавалось всей команде. Режим, установленный на кораблях, встречает сопротивление со стороны матросов. Значительно возрастает количество дисциплинарных проступков. На матросов возбуждающе действовала вся обстановка, в первую очередь отношение офицеров к ним. Поход эскадры Рождественского показывает, что офицеры ничему не научились. На судах эскадры в самой уродливой форме проявляется дикий произвол. В этом отношении выделялся сам командующий, человек болезненно раздражительный и вспыльчивый до крайности, самодур, типичный представитель царского флота.

Для Рождественского матросы были не людьми, а какими-то одушевленными «механизмами». На флагманском корабле «Князь Суворов» все пряталось, когда адмирал выходил наверх. Сигнальщики начинали дрожать от страха и терять всякое соображение, когда адмирал появлялся на мостике. Каждый из них хорошо знал, что за малейшую оплошность адмирал не задумается сломать сигнальную трубу о голову виновного. Один из корреспондентов «Нового времени» рассказывает о следующей дикой сцене: «По спардеку «Суворова» идет Рождественский и видит, что матрос «лопатит» палубу не вдоль досок, но кривящих ее, а поперек. Внезапный припадок гнева охватывает адмирала; с искаженным лицом бросается он к матросу, вырывает у него из рук лопату и начинает колотить его ею».

Адмиралу подражали остальные офицеры. Действия последних копировал младший командный состав: кондуктора, боцмана, унтер-офицеры. Все это толкало матросов к выступлению. Недовольство усугублялось и

Панорама Порт-Артура.

их экономическим положением. Часто кормили тухлятиной, на ряде кораблей вместо хлеба месяцами давали сухари. Объяснялось это не отсутствием продовольствия или какой-то особой политикой экономии, а существующими на эскадре хищениями и злоупотреблениями офицеров, заведующих хозяйством. Да не только их одних: как правило, ко всему этому прикладывалась и рука командира корабля.

На крейсере «Аврора» матросы два месяца не получали жалованья, а офицеры кутили и проигрывали сотни. За все время плавания от Кронштадта до Цусимы команда на берег не увольнялась, исключение делалось только для больных. Это не касалось офицеров. Мичманы и лейтенанты пьянствовали круглые сутки во время всех без исключения стоянок эскадры. Тяжелые условия похода приводили к развитию ряда болезней тропического характера. Матросы не выдерживали: было несколько случаев самоубийств; были и случаи бегства с эскадры. В первых числах января 1905 г. происходит первое выступление матросов на броненосном крейсере «Адмирал Нахимов». Матросы организованно выстроились во фронт и, потребовав к себе командира и ревизора, стали требовать хлеба.

Попытка вахтенного офицера вызвать наверх караул окончилась неудачей: караул отказался выполнить распоряжение. Среди возбужденно на-

строенных матросов раздались угрожающие голоса: «За борт командира, ревизора!» Офицеры растерялись. По приказу Рожественского, были арестованы все ротные командиры, а четыре фельдфебеля перемещены на оклад матросов второй статьи. Дело остальных участников выступления было передано особой комиссией. 2 марта на броненосце «Орел», куда были перевезены 5 арестованных матросов с крейсера «Адмирал Нахимов», открылось первое заседание суда особой комиссией. Дело было обставлено очень торжественно.

Основное обвинение в невыполнении распоряжения офицеров было построено на свидетельском показании только одного человека — корабельного боцмана, узнавшего, как он говорил на суде, обвиняемых по «голосу». В итоге — два каторжных приговора по 4 года каждый. Кроме выступления на крейсере «Адмирал Нахимов» был ряд выступлений на других кораблях эскадры.

Ночью 8 января происходит выступление на транспорте «Малаец», на котором матросы избили командира и ранили его помощника. По приказу Рожественского, арестованные матросы развозятся по всем кораблям. На броненосце «Наварин» при подходе к Носси-бе, где соединилась эскадра Рожественского с кораблями контрадмирала Фелькерзема, произошло выступление против офицеров.

Панорама Порт-Артура.

В конце марта состоялось выступление матросов на «Тереке», на котором команда потребовала немедленной смены старшего офицера. Наиболее серьезным было выступление на броненосце «Орел». Здесь в составе команды было несколько распропагандированных матросов во главе с баталером Новиковым — в настоящее время известным писателем. Новиков (Новиков-Прибой), будучи участником всего похода 2-й Тихоокеанской эскадры, описывая его, дал высокохудожественное, имеющее большую историческую ценность произведение под названием «Цусима». Антагонизм на «Орле» между матросами и офицерами принял крайне обостренную форму. Известен факт, когда один из матросов избил офицера; опасаясь за свою жизнь и возможность восстания на корабле, офицеры не расставались с оружием.

В борьбе с нарастающим революционным движением офицеры ведут провокационную политику: сталкивают машинную и строевую команды. Офицеры пытаются использовать новобранцев, сплошь состоящих из крестьянства, составлявших строевую команду, против машинной команды, состоявшей в значительной части из рабочих и наиболее революционно настроенной. Внешней причиной первого выступления, совпавшего с первым днем «пасхи», послужило порченное мясо, приготовленное для матросов. По приказанию командира арестовы-

вается матрос, открыто об этом заявивший своим товарищам.

В ответ на это приказание командира корабля матросы потребовали немедленного освобождения арестованного. Выстроенная во фронт команда не расходилась. Офицеры стали записывать всех, кто проявлял наибольшую деятельность, но здесь получилась буквально игра в прятки. «Идешь по фронту,— читаем в одном из офицерских воспоминаний,— молчат, за спиной же кричат «кровопийца», «за борт его надо» и т. д. Обернешься — молчание».

Опасаясь открытого восстания, старший артиллерийский офицер распорядился приготовить пулеметы. Но команда на этот раз оказалась более организованной, чем предполагали офицеры. Продолжая настаивать на своих требованиях, матросы добились освобождения арестованного товарища. Организованность матросских выступлений заставила командование пойти на уступки. Это, естественно, вызвало бурю со стороны Рождественского.

20 апреля адмирал лично прибывает на «Орел» и требует выдачи «зачинщиков». Указанные офицерами «зачинщики» были арестованы. В самой резкой и грубой форме Рождественский заявил собранным матросам «Орла», что во Владивостоке их всех предадут суду и повесят.

Боязнь чем-либо вызвать недоволь-

ство матросов и голкнуть их на массовые выступления привела к тому, что командующий эскадрой целый ряд дел откладывал до прихода во Владивосток.

Усиление революционных выступлений на эскадре Рождественского находится в тесной связи с попыткой царизма довести до конца выполнение своего авантюрного плана. Не случайно поэтому, что наиболее активные и массовые выступления антивоенно настроенных матросов падают на время пребывания у Мадагаскара и проявляются с особой силой во время похода от Мадагаскара к Цусиме.

1 апреля 1905 г. эскадра пришла в бухту Камран (на Аннамском берегу), где корабли вновь были перегружены доотказа углем. Эскадра простояла здесь почти целый месяц и дождалась прихода отряда старых броненосцев под командой Небогатова.

Между тем движение эскадры Рождественского так же, как и небогатовского отряда, было великолепно известно японцам, которые уже с января 1905 г. ждали прихода царского флота. Японцами было организовано специальное наблюдение как при помощи повсюду разбросанной агентуры, так и специальными судами.

Наконец, 7 мая Рождественский обогнул остров Формозу. Погрузив 10 мая в последний раз уголь, Рождественский без разведки и охраны двинулся к Корейскому проливу. Никакого единого плана не было. Командиры кораблей были предоставлены самим себе. К этому времени умер контрадмирал Фелькерзам; по распоряжению Рождественского, смерть адмирала была скрыта.

10 мая командующим была организована проверка действий дальномеров и готовность кораблей к бою. Оказалось, что ни одного исправного дальномеров нет: все дальномеров дали самые различные показания. 14 мая царский флот вошел в непосредственное соприкосновение с отдельными кораблями японского флота. Днем начался бой. Для иллюстрации цусимского боя, приведшего к полному разгрому царского флота, остановимся только на описании, составленном старшим лейтенантом Назиковым, дающим исключительно яркую характе-

ристику командному составу царского флота.

«В 8 часов утра 11 мая,— рассказывает лейтенант,— после сигнала адмирала «тревога», на крейсере «Владимир Мономах» пробили боевую тревогу и зарядили орудия боевыми снарядами и зарядами. Вскоре после первой перестрелки с японскими крейсерами командир наш капитан 1-го ранга Попов с радостным видом обратился ко мне и сказал: «Кажется, прогнали японцев, больше нас не потревожат! А кстати скажите, наши 6-дюймовые орудия не заряжены?» «Нет, заряжены, так как в 8 часов пробили боевую тревогу, после которой все орудия полагается заряжать боевыми снарядами. В начале 9-го часа вам докладывал о полной готовности артиллерии к боевой стрельбе»,— ответил я. «Как досадно,— продолжал командир,— как же мы их теперь разрядим? Крейсера японские более не посмеют к нам подойти, стрелять не придется, ваши 6-дюймовые пушки заржавеют, и вы будете в том виноваты». «Разрядить их всегда можно, хотя бы выстрелив в крейсер «Идзуми», который теперь идет в расстоянии 45—48 кабельтовых от нас, и мы прекрасно можем бить его 6-дюймовыми и 120-мм снарядами»,— говорю я. «Можно-то можно, да лучше не стрелять. Вы лучше чем-нибудь на ночь закройте дуло орудий, чтобы они не ржавели»¹.

Это полное непонимание обстановки и отсутствие всякой инициативы имели место не только на этом крейсере. Как только вышел из строя флагманский броненосец «Князь Суворов», корабли, потеряв всякое руководство, утратили какое бы то ни было боевое значение.

Тактика японского флота сводилась к тому, чтобы не пропустить Рождественского во Владивосток. Поэтому каждый раз, как Рождественский поворачивал на север, японцы, пользуясь преимуществом хода, заходили в голову колонны броненосцев и выбивали головной корабль из строя.

¹ Лоция Миа, фонд «Дневники русско-японской войны», дело 47, л. 1.

Через 50 минут после начала боя перевертывается и тонет броненосец «Ослябя». При заходе солнца с броненосца «Бородино», ставшего на место флагманского корабля, производится последний выстрел, корабль ложится на борт и перевертывается. Один за другим погибли броненосцы «Суворов», «Наварин», «Александр III». На этих кораблях, где имелось до 600—900 матросов, спаслось по 5—18 человек. В общей сложности погибло около 5 тыс. чел.

Еще 14 мая часть кораблей — по инициативе своих командиров — покидает место боя и укрывается в нейтральных водах. Попытка части флота выйти из боя и продолжить путь во Владивосток кончается полной неудачей: 15 мая адмирал Небогатов сдается с оставшимися кораблями. Во Владивосток прорвались только три корабля, в том числе крейсер «Алмаз» и два миноносца.

Так постыдно для царизма и трагично для нескольких тысяч человеческих жизней окончился эпизод из борьбы царизма за овладение Японским морем. Самодержавие получило жестокий удар за свою авантюрную и преступную политику.

Цусимский разгром оказал значительное влияние на развитие политических событий в стране и заставил царизм отказаться от продолжения войны. Уже 24 мая, когда полностью было осознано все значение поражения эскадры Рожественского, в Царском селе под председательством Николая II состоялось совещание узкого круга лиц. Здесь наряду с великими князьями присутствовали военный министр, управляющий морским министерством, министр двора и ряд генералов.

Совещание выдвинуло две диаметрально противоположные точки зрения, где общим являлся аргумент — «внутреннее положение». «Из двух бед,— говорил великий князь Владимир Александрович,— надо выбирать меньшую. Мы живем в ненормальном состоянии, необходимо вернуть покой России»¹.

Цусимский бой. Гибель флагманского броненосца «Князь Суворов».

Великий князь отражал настроения помещиков-крепостников, опасющихся роста революционной борьбы и готовых в целях спасения самодержавия поступиться даже победой.

Иная точка зрения была высказана военным министром: «Внутренний разлад не умаляется, он не может улечься, если кончить войну без победы».

Обе эти точки зрения достаточно отчетливо отражают боязнь перед развивавшейся революцией. В итоге принимается первая точка зрения — приступить к мировым переговорам.

Полный разгром морских сил на Дальнем Востоке заставил самодержавие временно отказаться от своей политики колониального захвата на Дальнем Востоке, показал уязвимые места царизма, после чего наступил момент, как пишет Ленин, когда «все ополчается против самодержавия — и оскорбленное национальное самолюбие крупной и мелкой буржуазии, и возмущенная гордость армии, и горечь утраты десятков и сотен тысяч молодых жизней в бессмысленной военной авантюре»².

¹ Ленин. Соч. Т. VII, стр. 336.

² «Красный архив». Т. XXVIII, стр. 20.

М. Захарова

К СТАТЬЕ
С. М. КИРОВА

„Д Е Н И К И Н НА КАВКАЗЕ“

Печатаемая статья С. М. Кирова — яркая, героическая страница истории гражданской войны на Тереке в наиболее трагический ее момент — декинское нашествие в 1919 г.

С жизнью и борьбой С. М. Кирова неразрывно связаны важнейшие этапы пролетарской революции на Северном Кавказе. Руководитель большевиков Владикавказа в момент Октябрьской революции, тов. Киров явился первым организатором советской власти в Терской области.

В 1917 г. в области горских народов, недавней царской колонии, наряду с пережитками родового строя и феодализма имелись уже элементы развитого капитализма. Общественная жизнь края представляла собой сложный клубок борьбы социальной, национальной и религиозной, разжигаемой искусственно контрреволюционными силами.

К моменту Октябрьской революции в городах и рабочих поселках Терека большинство трудящихся уже шло за большевиками, но в сельских местностях не было большевистских организаций. В Осетии насчитывалось всего 2—3 большевика. Перед партией стояла задача распространения своего влияния среди сельского населения, стоял вопрос, как, в каких формах можно приобщить горца к большевистской работе. В своих воспоминани-

ях¹ тов. Орахелашвили указывает, что политическая гибкость тов. Кирова сказалась в его умении в сложных условиях многонациональной горской деревни найти «приводной ремень» от партии к крестьянским массам.

При ближайшем участии С. М. Кирова летом 1917 г. в Осетии образовалась крестьянская революционно-демократическая партия «Кермен». Она была названа именем легендарного осетинского героя Кермена, погибшего от рук родовой осетинской знати в борьбе за землю. В момент организации керменисты еще не были большевиками. Принятая ими 1 октября 1917 г. программа требовала уничтожения частной собственности на землю и толковала неопределенно, в духе эсеровской программы, о следовании «великим началам русской революции» и идеям «народовластия». Тов. Орахелашвили указывает, что С. М. Киров хорошо представлял себе расплывчатость этой программы, но ясно предвидел неминуемый ход развития и говорил про керменистов: «Все равно они придут к коммунизму». Ход революции скоро оправдал это предсказание.

Провозглашение советской власти на Тереке произошло 17(4) марта 1918 г., после доклада С. М. Кирова на II сессии трудовых народов Терской области. К этому времени в горской деревне разгорелась жестокая классовая борьба; на опыте этой борьбы беднота приходит к выводу, что землю она может получить только из рук советской власти, что только эта власть рабочих и крестьян несет с собой социальное и национальное освобождение трудящегося горского населения. Земля становится в центре борьбы, и по этому основному вопросу происходит перегруппировка классовых сил, которая получает отражение на следующей сессии народов Терской области, 22 мая 1918 г. Меньшевики и правые эсеры объеди-

¹ С. М. Киров «Материалы к биографии», стр. 41.

няются с кулацкой частью казачества и с феодальной знатью. Русский пролетариат, в лице большевистской партии, заключает союз с бедной Осетией, Ингушетией, Кабардой. Съезд раскалывается, большинство его идет за большевиками, опирающимися на крестьянскую организацию «Кермен».

Летом 1918 г. движение на Тереке, носившее вначале черты национальной борьбы, приобретает резко выраженный классовый характер. Об этом времени тов. Киров писал: «Глубокая дифференциация в деревне Осетии широко содействует классовой борьбе и усвоению деревенской беднотой лозунгов революции»¹. Партия «Кермен» встает во главе борьбы за советскую власть на Тереке и добивается огромного распространения своего влияния. Интересно отметить, что уже в этот момент керменисты не удовлетворялись разгромом своей национальной осетинской контрреволюции. Они сражались с белыми отрядами в Кабарде, Ингушетии, Пятигорске, Владикавказе. Летом 1918 г. партия «Кермен» организационно слилась с большевиками и переименовалась в коммунистическую партию «Кермен».

В это же время под руководством С. М. Кирова происходит создание регулярной Кавказской Красной армии. Для информации Ленина, получения снаряжения и припасов тов. Киров командирован в Москву. Но тов. Кирову не удается пробраться обратно на Северный Кавказ; он задерживается в Царицыне, так как волна гражданской войны заливают уже Кубань и Северный Кавказ.

Деникин подготавливает широко задуманный план удушения Советской республики. Чтобы овладеть богатствами Кавказа, обеспечить свой тыл, связаться с союзниками через Персию и Турцию, Деникин предпринимает наступление на Кубань и Северный Кавказ. 18 июля 1918 г. Добровольческая армия овладевает ст. Тихорецкой. 17 августа пал Екатеринодар, 26-го — Новороссийск. 15 ноября добровольцы прочно овладевают Ставрополем. XI Красная армия оказывает героическое сопротивление белому наступлению,

¹ Статья Кирова. «Правда» от 2 июля 1918 г.

но ряды бойцов косит сыпной тиф; не получив снаряжения и припасов, армия страдает от холода, голода, от отсутствия патронов. Армия получает приказ Реввоенсовета об отступлении на Астрахань, где в течение 1919 г. героически ведет ее оборону под руководством тов. Кирова.

Добровольческая армия продвигается на Терек и далее, в Дагестан. 19 января 1919 г. происходит падение советской власти в Пятигорске, 4 февраля — в Грозном. 11 февраля, после десятидневной осады, пал Владикавказ.

К этому трагическому моменту борьбы относится статья тов. Кирова. Село Христиановское, «последний оплот советской власти в Осетии», было важнейшим форпостом на пути к Владикавказу, овладеть которым деникинцы могли только после падения с. Христиановского.

В его обороне принимало участие все население, без исключения. Лучшие «волчьи сотни» Шкуро, около 4 дней брали штурмом это село. Они захватили его в последних числах января 1919 г. Началась кровавая расправа над побежденными. Для Терека вновь вернулись времена царского гнета. Как и при покорении Кавказа десятки и сотни ингушских и чеченских аулов стирались с лица земли. Следуя

своей программе восстановления «Единой и неделимой России», Деникин топил в крови всякое движение за социальное и национальное освобождение.

Но борьба не была окончена. Исполнилось предсказание тов. Кирова: «Цепь гордых кавказских скал явилась могучей преградой, которую должны разбиться все темные силы контрреволюции»². Зверства деникинцев вызвали необычайно сильное сопротивление. Трудящиеся горцы как один встали на защиту родного края. В конце августа 1919 г. вся Терская область оказалась охваченной пламенем восстания. Партизанскую войну начали отступившие в горы отряды керменистов, красноармейцев, партизанские отряды грозненских ра-

² С. М. Киров. Заключительное слово на II сессии горских народов Терской области. Сб. «Революционное движение» № 1, стр. 200.

бочих во главе с тов. Гикало. Сила и мощь этой армии возрастают с каждым днем. Армии Деникина с тыла наносятся серьезные удары. Борьба с восстанием требует отозвания деникинских частей с советского фронта.

Партизанские отряды Гикало через фронт устанавливают связь с тов. Кировым, Реввоенсоветом XI армии в Астрахани. Через тов. Гикало Киров руководит военными действиями, развертываемыми партизанской армией. Окончательно отстояв Астрахань и разгромив белое астраханское казачество, Киров спешит навстречу героическим партизанам для освобождения Терской области и всего Северного Кавказа от деникинских банд. 1 декабря 1919 г. Киров телеграфирует Ленину о полной ликвидации белого астраханского казачества и направлении XI армии на Северный Кавказ для разгрома Деникина.

«Передовые части N армии стоят уже на рубеже Терской области и скоро подадут мощную братскую руку горящему революционным пламенем Северному Кавказу»¹.

Советская республика в осенние месяцы 1919 г. переживала тяжелый момент. Отдав свой «знаменитый» приказ о наступлении на Москву, Деникин захватил Харьков, Воронеж, Курск, Орел, угрожая самой столице советской России. В это же время Красный Петроград героически оборонялся от наступления Юденича. На полях Южного фронта решался вопрос о жизни и смерти советской власти.

Но этот момент наибольших успехов деникинской армии был началом ее конца. Пролетарии Москвы, Питера, Тулы и других городов как один встали на защиту завоеваний революции. На борьбу с Деникиным большевистская партия посылает Сталина и многих лучших своих сынов. Следуя гениальному стратегическому плану Сталина о разгрома Деникина через Харьков и Донбасс, Красная армия быстро добивается перелома: белые отступают по всему фронту. 8 января 1920 г. Красная конница Буденного берет сердце Донбасса — Ростов.

¹ «Известия» № 270 от 2/XII 1919 г. Из телеграммы тов. Кирова Ленину.

9 января деникинцы выбиты со ст. Тихорецкой и беспорядочными бандами расползаются по Северному Кавказу в направлениях: Новороссийск—Туапсе—Владикавказ. В ночь с 26 на 27 марта Деникин с его штабом был сброшен в Черное море. Красная армия заняла Новороссийск, захватив при этом 22 тыс. пленных. Со стороны Туапсе, по берегу Черного моря, успешно наступала повстанческая красно-зеленая армия. На Тереке и в Дагестане стойко держались партизанские отряды. Навстречу им наступала победоносная XI армия во главе с тов. Кировым.

15 января 1920 г. экспедиционный корпус XI армии, руководимый тов. Кировым, занял Кизляр и направился на соединение с партизанскими отрядами, ведущими наступление на Владикавказ, где сосредоточились главные силы белых войск генерала Эрдели. В начале марта 1920 г. отряды керменистов и партизан заняли Алагирское и Дарьяльское ущелья. 20 марта эти отряды ворвались во Владикавказ. Белые по Военно-Грузинской дороге бежали в меньшевистскую Грузию.

30 марта части XI Красной армии во главе с тов. Кировым вошли во Владикавказ. Советская власть в Терской области была восстановлена. Тов. Киров как член образовавшегося Северокавказского ревкома приветствовал горцев, героических сынов рабоче-крестьянской России:

«Братья, горцы! От имени победоносной Красной армии и Центральной Советской власти приветствуем вас, горцы. Ныне все, живущие в пределах Северного Кавказа вновь увидели себя сынами Великой Рабоче-Крестьянской Советской России. Добровольческая армия уничтожена, и жалкие остатки ее ищут спасения, кто где может.

Умолк свист добровольческих нагаек, не слышно больше в ваших ущельях и долинах варварских расправ врагов трудящихся и угнетенных племен, истерзанные народы Северного Кавказа освободились от жестоких палачей».

(Из воззвания Северокавказского ревкома и командующего фронтом тов. Тухачевского).

ДЕНИКИН НА КАВКАЗЕ*

Всем достаточно хорошо известны приемы ген. Деникина, коими он и его агенты восстанавливают «единую Россию». Харьков, Екатеринослав, Царицын и многие, многие другие пункты, где деникинцы успели показать себя, — все это яркие иллюстрации борьбы за уничтожение рабочих. О жестокостях, творимых деникинскими бандитами над рабочими, писалось так много, что едва ли есть необходимость что-либо добавлять. Каждый рабочий, крестьянин и красноармеец, соприкасавшийся с деникинскими полчищами, хорошо знает приемы этих варваров. Но то, что творит Деникин в занятых им областях Кавказа, едва ли знают широкие слои населения. А там творится действительно нечто неопишемое, и можно без всякого преувеличения сказать, что по всем областям Кавказа, «покоренным» Деникиным, непрерывно разносится стон и плач десятков и сотен тысяч людей, лишенных в буквальном смысле слова всего, загнанных в глубокие горные ущелья, умирающих там от жестокой голодной смерти.

Как только советские войска оставили пределы Сев. Кавказа, деникинские полчища обрушились на горские племена, часть которых оказала открытое гостеприимство нескольким тысячам красноармейцев, отступившим в горы.

Жестокая борьба началась между горцами и добровольческими бандами. Вначале эта борьба велась с переменным успехом, но мало-помалу горцы истощили совершенно свои скудные боевые запасы, а добровольцы факти-

чески имели перед собою уже почти невооруженного врага. Здесь-то и началась вакханалия. Горские аулы, особенно ингушские и чеченские, сносились добровольцами с лица земли; скот и все добро грабилось, сакли разрушались и сжигались; население, не успевшее бежать, вырезалось. Эта расправа продолжается и по сей день и уже не только в Терской области, но и в Дагестане.

Казачьи погромы ведутся под предлогом поисков большевиков. Вот один из многочисленных примеров расправы над горцами.

Деникинские отряды были направлены в Осетию в поисках «керженистов» (партия большевиков в Осетии). Наибольшим влиянием керженисты пользовались в сел. Христиановском (Терской области). Естественно, что гнев деникинских бандитов обрушился, главным образом, на это селение. Деникинцы окружили село Христиановское и предъявили требование в 3-часовой срок выдать: 1 миллион пудов хлеба, 500 лошадей с седлами, 500 бурок, 5000 винтовок и 2 миллиона патронов. Кроме того жители от 20 до 30 лет должны немедленно мобилизоваться, а главное, выдать 400 керженистов.

Ген. Вадбольский, руководивший бандитами, заявил, что если указанные требования не будут выполнены, то он имеет приказ от ген. Деникина «снести село Христиановское и не оставить камня на камне».

В это время оставшиеся в селе керженисты в количестве до 200 человек прорвали цепь в конном строю и ускакали, кто в горы, кто в соседний Ардонский лес. В ответ селение было обстреляно с двух сторон из орудий; было выпущено до 50 снарядов.

Потом добровольцы дали приказ: «все, кто не против нас, выходи из селения».

Жители были выведены все до единого, от стариков до грудных детей, в количестве около 12 тысяч. Их всех расставили по шеренгам в поле между Ардоном и Христиановским, и вот тут-то и началась грабительская вакханалия деникинцев. Они обирали всех; под видом обыска залезали в карманы и за пазухи, брали деньги,

* «Правда» № 199. Вторник, 9 сентября 1919 г.

ценности, золото, кинжалы, пояса в серебряной оправе — весь тот незначительный багаж, который несчастные матери, сестры и отцы захватили с собой второпях; брали шапки, шубы, куски материи, скот. Казаки садились на глазах у владельца единственной лошади на эту лошадь и уезжали.

Несчастных жертв продержали ровно двое суток на открытом поле под дождем, больных, голодных и раздетых. Кругом плач, стон, смерть...

Наконец стоны через 2 дня «тронули» ген. Вадбольского, и он разрешил христиановцам ехать или идти в Ардон и другие селения.

Христиановское же было разделено по речке, протекающей по середине, на восточную и западную части. Восточную часть Вадбольский отдал на разграбление казачье-осетинским бандам, а западную — кабардинцам.

Христиановское — самое крупное селение в Осетии и даже по всей области. Энергичные и трудолюбивые христиановцы, благодаря своему неустанному труду, сделали его самым богатым и промышленным селением в Осетии.

Не имея земли, арендуя ее ежегодно у казаков, христиановцы имели всегда большие запасы хлеба.

Все это имущество подверглось теперь разграблению и разгрому. Тысячи голов домашнего скота, лошадей, тысячи арб и бричек, сельскохозяйственный инвентарь, мебель, постель, белье, кухонные принадлежности — все расхищено, все увезено. Тысячи арб и бричек, мобилизованных из окрестных сел и станиц, обязаны были вывозить в течение 20 дней хлеб и имущество с двух тысяч дворов-усадоб.

Пшеницы и кукурузы было вывезено миллионы пудов.

Черные стаи добровольческой армии Деникина выворачивали дома наизнанку, выколачивали стены, снимали полы и т. д.

Были пойманы 6 керменистов, которых повесили «в назидание живым». Нашли председателя ЦК партии «Кермен» Георгия Цагалова, который был весь исколот штыками: у него было 18 штыковых ран. Помимо этого он был так разбит, что с трудом можно

было в трупе узнать человека. Так трагически погиб молодой борец за идеалы горской бедноты от руки черных убийц.

Одного кермениста — Борова — вешали в Ардоне пять раз в течение 2 часов, потом был приказ не снимать трупа, а на спине его был большой аншлаг с надписью: «Я—керменист».

Но всего этого им было мало.

В Ардоне был созван полковниками сход сел. Христиановского. И вот тут началась пытка. Всех по одиночке вызывали в особый кабинет и тут выпытывали:

— Скажи, кто в селе у вас керменист...

Если отпирается, ему грозят виселицей, которая, кстати, гідна из окна...

Так добивались признания под страхом расстрела, разгрома и сожжения остатков домов; были выданы имена и фамилии 300 керменистов, членов партии и лучших работников.

Дома и уцелевшее имущество керменистов были конфискованы. На домах и на воротах, не подвергшихся еще сожжению и разгрому, были начертаны черные кресты и буква «К» (керменист). С каждого «некерменистского» дома один человек должен был по приказу идти на разбор и сожжение этих 300 домов. Частью дома были разобраны, частью сожжены. Наконец, выдумали другой способ, более выгодный для карманов. Было объявлено приказом, что дома керменистов будут продаваться с торгов, причем, преимущественное право купить дом имеет семья самого кермениста, т. е. заставляли выкупать свои дома, чтобы тем самым выудить последние гроши от несчастных жертв; далее, право имеют родственники, затем односельчане и, наконец, посторонние.

Кроме этого было объявлено по всем селениям всей Осетии, что если будет где-либо обнаружен керменист, дом, в котором его найдут, будет разрушен, имущество конфисковано, а селение должно будет уплатить по 10 000 руб. Вот «законы», которые пишут лакеи Ляхова, разные Хабаевы, Гуттевы и Икаевы.

Разгромив Христиановское, добровольцы главное внимание сосредоточили

Группа членов РВС XI армии: тт. Раскольников, Киров и Орджоникидзе. 1920 г.

на горной Дигории, куда ушли керменисты и прочие не подчинившиеся добровольцам элементы. Горцы-дигорцы мобилизовались и решили вместе с керменистами защищать ущелье до последней возможности.

Они минировали вход в ущелье, отрядили специальные каменнометные команды, которые за отсутствием вооружения и патронов оказывали громадную услугу в борьбе.

Вместе с двумя ротами солдат, которые сдались им с 4 пулеметами, керменисты надеялись продержаться до прихода подкрепления. Но единственный тыл, который они имели — Грузия, конечно, должна была от оказания помощи этим героям, которые жизнь, имущество, родных принесли в жертву интересам бедноты, отказаться.

Между тем добровольческие палачи готовились к последнему штурму красной Дигории. Был задуман план окружения и наступления по всем перевалам в Дигорское ущелье.

План этот деникинцам удалось скоро привести в исполнение. Отчаянно

сопротивлялись дигорцы, но, наконец, иссякли их последние силы, и озверелые деникинцы, к которым примкнули горские кулаки, офицерство и пр., продолжали то, что было ими начато в селе Христиановском.

Хватали каждого, на кого падало хотя какое-нибудь подозрение в сочувствии керменистам, и ставили в очередь к виселицам, которые воздвигали по всем селениям и аулам.

Так пал последний оплот советской власти в Осетии. Дигория разорена, разбита, унижена, стерта почти с лица земли. Бедноту, которая еле-еле сводила концы с концами, в тяжелом и непосильном труде добывая кусок кукурузного чурека, раздели, разбили разбойничьи шайки золотопогонных хулиганов.

Забудет ли горская беднота все это?

Нет, никогда. Горцы, глубоко затаили свой гнев против своих насильников, и первые же звуки марша Красной армии, которые услышат скрывавшиеся в ущельях горцы, разбудят их гнев...

ВОЛОЧАЕВСКИЙ БОЙ

«По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед, чтобы с боем взять Приморье—белой армии оплот...

Этих дней не смолкнет слава, не померкнет никогда...

...Разгромили атаманов, разогнали воевод и на Тихом океане свой закончили поход».

1918—1922 годы—годы непрестанной героической борьбы трудящихся масс Дальнего Востока с кровавой интервенцией и белогвардейщиной.

В этой ожесточенной борьбе рабочие и крестьяне под руководством партии большевиков дали яркие примеры подлинного революционного героизма. Незабываемая страница в истории гражданской войны—бой под Волочаевкой, завершающий этап борьбы с интервенцией на Дальнем Востоке.

В тяжелых условиях, при 40° морозе, противник, превосходивший численностью и вооружением, был выбит из хорошо укрепленных и господствующих над окружающей местностью позиций. Эти волочаевские позиции в условиях Дальнего Востока являлись приморским Перекопом: и там и здесь белогвардейщина была сброшена в море.

В этом очерке на основании личных воспоминаний и документов дается краткое описание наиболее ярких и основных моментов последнего этапа борьбы за освобождение Приморья.

1

В декабре 1920 г. между приморским народным собранием и японским

военным командованием заключено было соглашение, разрешавшее переброску в Приморье остатков бывших белых армий при условии их разоружения. Соглашение это японцами было нарушено, как нарушено было ими и соглашение от 29 апреля 1920 г. о нейтральной зоне, в районе которой, за исключением некоторого количества милиции приморского правительства, не разрешалось пребывание вооруженных сил народно-революционной армии и белых.

26 мая 1921 г. во Владивостоке белые при содействии японцев свергли власть приморского областного управления правительства Дальневосточной республики и создали белогвардейское «правительство» во главе с коммерсантами братьями Меркуловыми.

Таким образом в Приморье был создан японской военщиной черный буфер для осуществления захватнических целей в противовес красному буферу—ДВР, стремившемуся к воссоединению с Советской Россией.

Это правительство, собрав и вооружив при содействии японского военного командования все имевшиеся на его территории остатки белых банд, предприняло поход против Дальневосточной республики для «беспощадного уничтожения коммунизма».

В план белых входило захватить Приморскую и Амурскую области в течение зимнего периода 1921—1922 г. и по закреплении за собой Амурской области при предполагавшемся содействии амурского казачества двинуться дальше, «на Москву».

По предположениям нашего командования белые должны были начать наступление со стороны Китайско-Восточной железной дороги и выйти на Читу. Менее вероятным считалось движение белых на Хабаровск по линии Уссурийской железной дороги и по тракту Цицикар—Благовещенск, через Манчжурию. В связи с этими предположениями была проведена и дислокация войск народно-революционной армии. По этой дислокации в 1921 г. в Амурской области и Приморье имелись у нас следующие вооруженные силы: в Благовещенске—4-й отдельный пехотный полк,

на станции Бочкарево — бронепоезда №№ 2 и 9, в Хабаровске — 5-й пехотный полк, 4-й кавалерийский полк, бронепоезда №№ 7 и 8 и артиллерия, в области — отдельный 6-й пехотный полк и в южном Приморье — тысячи две партизан, силы которых к концу 1921 г. распределились так: в Сучанском районе — 600, в Яковлевском — 400, в Ольгинском — 500 и в Анучинском — 500 бойцов.

Но вследствие демобилизации старых годов службы регулярные части народно-революционной армии укомплектованы были только на 40% против штатного состава. Боевая подготовка частей ее в общей оценке была неудовлетворительной. В материальном отношении части народно-революционной армии и партизанские отряды обеспечены были плохо, особенно для ведения зимней кампании. Однако моральное и политическое настроение наших бойцов было хорошим¹.

Против таких незначительных сил народно-революционной армии и партизан белыми была выставлена 12-тысячная, хорошо вооруженная и снаряженная армия.

2

Белые поставили себе целью в первую очередь вытеснить партизан из южного Приморья в глубь тайги для обеспечения своего тыла и правого фланга.

Для этого меркуловское правительство в первых числах ноября 1921 г. бросило против партизан около 5000 войск с артиллерией и пулеметами. С моря в бухту «Ольга» и на Сучан высажены были десанты. В Сучанской долине партизанские отряды после упорных боев были отеснены в верховья реки Сучана. На Анучинский и Спасский районы белые повели наступление со стороны Никольск-Уссурийска и Спасска.

После неудачных боев партизанские отряды этих районов под натиском превосходных сил белых отступили по долине реки Эльдагоу, а за-

тем таежной тропой, через хребты Сихота-Алина, — в Иманскую и Улахинскую долины.

Это отступление партизан на протяжении 600 километров происходило по глухим таежным тропам, занесенным глубоким снегом. Тяжесть отступления усугублялась большим количеством раненых, больных и обмороженных.

Многие партизаны в этом тяжелом пути погибли от истощения и холода, многие рассеялись по тайге и встречавшимся по пути селениям. Выбравшиеся же в Иманскую и Улахинскую долины, распыленные отряды партизан были сильно истощены и, за некоторым исключением, были почти небоеспособны.

Выполнив первую свою задачу, белые эшелонами двинулись по линии железной дороги в Хабаровском направлении.

30 ноября они прошли через нейтральную зону и пункты, занятые японскими гарнизонами. Продвижению белых японцы оказывали прямое содействие, так например пропущены были три броневика белых, замаскированные сеном, а военное снаряжение с боеприпасами провозилось под охраной японских солдат.

Сосредоточившись на станции Шмаковка, белые бросили все свои силы в наступление на Хабаровск, отеснив на север наши небольшие разрозненные гарнизоны, оказывавшие упорное сопротивление врагу.

К половине декабря белые были уже у станции Вяземская. Выделив колонну в 950 сабель кавалерии и 650 человек пехоты при 2 орудиях и пулеметах, они направились по реке Усури, через поселок Невельский, в тыл Хабаровска и наших частей, одновременно наступая по линии железной дороги.

Чтобы задержать эту колонну, хабаровской и благовещенской организациями был послан отряд из коммунистов в 120 бойцов.

19 декабря этот отряд принял неравный бой с кавалерией белых в поселке Казакевичи (в бою было около 100 бойцов отряда, остальные были отрезаны, находясь в заставах и разведке). Только 12 бойцам (в том числе и автору очерка) удалось про-

¹ Я. Покус «Борьба за Приморье». Стр. 16—19. М. и Л. Военгиз. 1926.

биться из объёма кавалерии и уйти в прилегающие к поселку сопки, остальные частью погибли в бою, часть же, захваченная в плен (28 человек), была зверски замучена бело-бандитами.

Создалась уже непосредственная угроза Хабаровску со стороны реки Усури и линии железной дороги.

Днем 21 декабря командующим войсками фронта тов. Серышевым и комиссаром фронта тов. Постышевым был издан приказ нашим войскам оставить Хабаровск и перейти на левый берег Амура.

Ночью штаб нашего фронта организованно перебрался из Хабаровска на станцию Волочаевка, а затем на станцию Бира (120 километров к западу от Хабаровска).

22 декабря белые заняли Хабаровск. Целью их было, не приостанавливая наступления, захватить Амурскую область и продвинуться дальше.

Первый период борьбы с белыми в конце 1921 г. закончился для нас неудачей. Основная причина этого — наша неподготовленность к отражению нападения белых, состоявшая в неудачном плане обороны ДВР, бессистемном выбрасывании частей на фронт, халатном отношении командного состава к вопросам разведки, оторванности штаба от фронта¹.

Отступлением от Хабаровска основная масса наших войск была сильно деморализована и дезорганизована, но командование народно-революционной армии приняло срочные меры, и 25 декабря отступившие к Волочаевке наши части были приведены уже в полный порядок и планомерно отведены к станции Ин.

На рассвете 28 декабря белые предприняли было стремительную атаку на наши инские позиции, но получили неожиданный для них сильный контрудар, которым были отброшены к разъезду Ольгохта и станции Волочаевка, потеряв 1200 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен.

Эта первая победа со времени ноябрьского наступления белых из Владивостока вызвала огромный ре-

волюционный подъем в наших частях и волю к наступлению.

С этого момента инициатива перешла к нашим войскам.

4 января 1922 г. особый амурский и 5-й советский полки при 2 батареях, имея в резерве 6-й полк, сбили заставы противника у полуказармы и, выбив его с разъезда Сльгохта и с укрепленных сопок Луньку Корани, почти на плечах противника ворвались на станцию Волочаевка и на сопку Юнь-Корань, но силы наши были еще слабы, чтобы удержать захваченные в этом бою позиции.

Белые безрезультатно пытались вырвать из наших рук инициативу: 11 января они предприняли наступление вдоль линии железной дороги отборными офицерскими частями. Между полуказармой и разъездом Ольгохта произошел встречный ожесточенный бой, но и здесь белые потерпели поражение и под пулеметным нашим огнем, усеивая путь трупами, в беспорядке отошли на свои волочаевские позиции², после чего стали укрепляться у Волочаевки, чтобы создать надежный опорный пункт для развития дальнейших операций.

Одновременно в тылу противника стали развивать усиленную деятельность наши партизанские отряды.

В ночь на 12 января 1922 г. ударный партизанский отряд в количестве около 600 человек пехоты, 120 кавалеристов, при 4 пулеметах под общим командованием тов. Бойко-Павлова произвел с незначительными для себя потерями внезапный налет на Хабаровск, при котором было уничтожено свыше 200 офицеров и около 300 солдат.

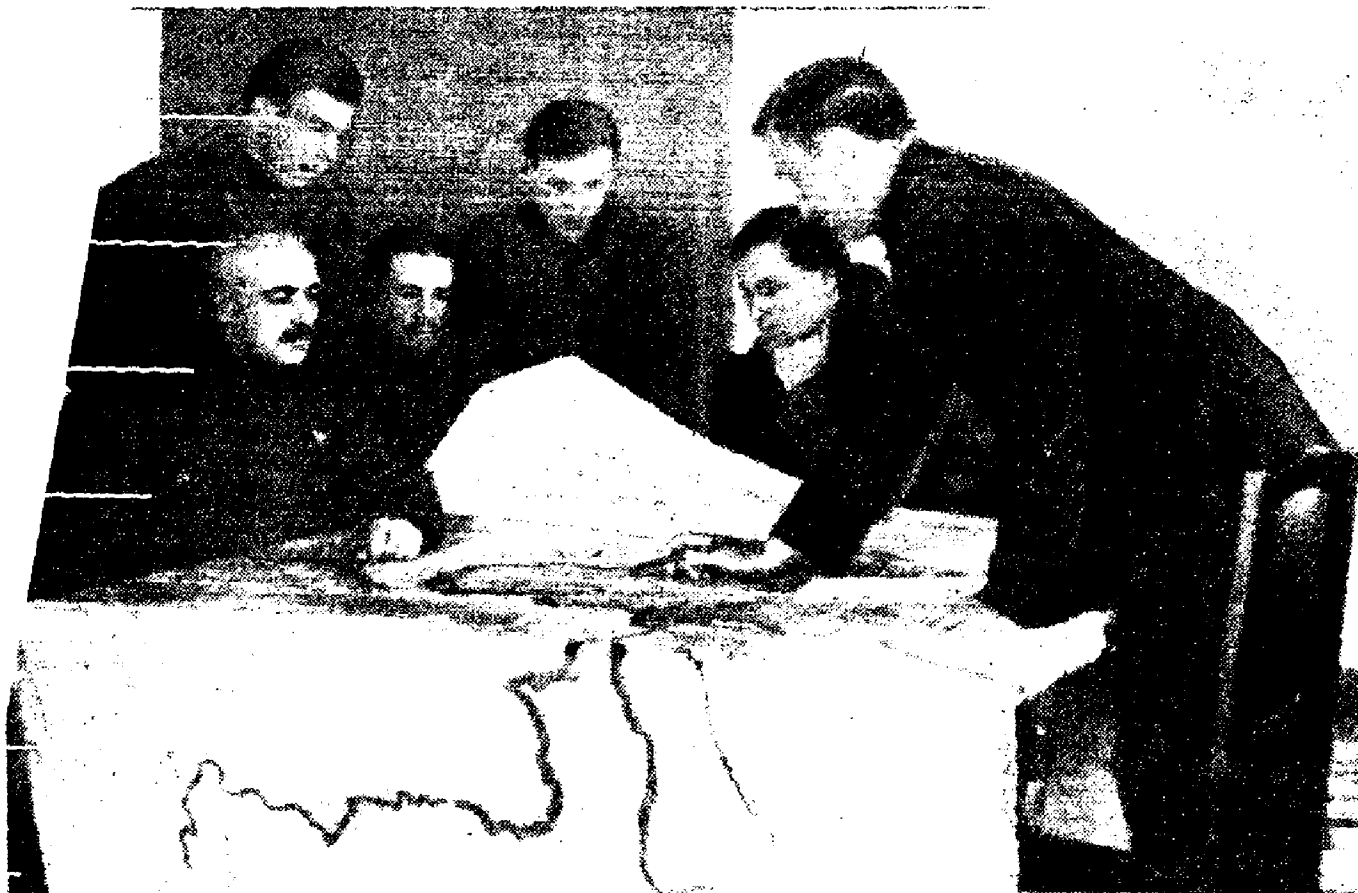
16 января три батальона партизан под командой тов. Бойко-Павлова, окружив деревню Князе-Волконку под Хабаровском, в течение часового боя уничтожили почти весь находившийся там гарнизон белых.

24 января кавалерийский отряд партизан под командой старого партизана Приморья тов. Шевченко произвел налет на станцию Губерово около Имана, сжег эшелон белых с артил-

¹ Я. Покус «Борьба за Приморье», стр. 39—40. М. и Л. Военгиз. 1926.

² П. Еремин «Как ковалась победа». «Тихоокеанская звезда» от 12 февраля 1930 г. Хабаровск.

Разработка плана наступления на Хабаровск в штабе ИРА. Слева (сидит) тов. Блюхер, второй справа (сидит) тов. Губельман.

лерийскими снарядами и уничтожил весь конвой эшелона в количестве 50 солдат.

3

Быстрое восстановление боеспособности партизанских отрядов южного Приморья после ноябрьского их разгрома было обусловлено мерами, принятыми в этом направлении Дальбюро ЦК РКП(б).

Для непосредственного руководства на местах партийными организациями и партизанским движением в южном Приморье Дальбюро было послано партийное бюро Приморья, являвшееся в то же время и военным советом партотрядов Приморья; оно состояло из председателя партбюро и военсовета тов. К. Пшеницына, комвойсками партотрядов Приморья тов. Флегонтова (в дальнейшем эти обязанности были возложены на тов. Вольского и члена партбюро и военсовета тов. Никитенко). Эти товарищи, снабженные соответствующими мандатами, выехав 13 декабря 1921 г. из Хабаровска, вследствие занятия линии

Уссурийской железной дороги белыми свернули с раз'езда Котикова в тайгу, через Иманскую долину, и таежными тропами пробрались в южное Приморье.

Партбюро и военсовет останавливали встречавшиеся в пути усталые и деморализованные, отступавшие партизанские части и реорганизовывали их, назначали им командиров и направляли к линии железной дороги для диверсионных действий против фланга и тыла белых. В боевых столкновениях с белыми партбюро и военсовет, находясь впереди наступавших частей, личным примером поднимали боевой дух партизан, вызвали снова активность и волю к победе над белыми.

Для ликвидации создавшейся со стороны белого Приморья опасности Дальбюро ЦК РКП(б) и правительством ДВР были приняты срочные меры.

Непосредственным руководителем боевыми операциями против белых на Хабаровский фронт был послан из Читы главком ИРА и военмин ДВР тов. Блюхер.

Для политического руководства был создан военный совет ИРА и флота ДВР в составе: главкома тов. Блюхе-

ра (председатель) и членов гг. Губельмана и Серышева.

18 января тов. Блюхер прибыл на фронт и разработал план, по которому решено было бросить на Хабаровский фронт все наличные вооруженные силы ДВР, за исключением Каратаевской дивизии. В основном силы эти состояли из первой читинской пехотной бригады, Троицкосавского кавалерийского полка и отдельной сводной пехотной бригады, сформированной из частей НРА, отступивших из Приморья на левый берег Амура и имевшихся в Амурской области, пополненных путем произведенной во время этих событий частичной мобилизации несколькими возрастными трудящегося населения Амурской области. Подсобными силами были надежинско-побережная группа (по Амуру) тов. Бороздина и партизанские отряды.

В конце января 1922 г. через перевал Сихота-Алинь в село Беневское прибыло партбюро. Здесь им был создан штаб партизанских отрядов Приморья (беневский штаб). Область была разделена на районы: Сучанский, Ольгинский, Анучинский, Никольск-Уссурийский, Спасский, Яковлевский, Ханкайский, Иманский и Посыетский. В каждом районе был назначен командующий партизанскими отрядами и при нем военком, одновременно бывший и секретарем данной партийной организации. При военном совете были созданы политотдел, трибунал и хозяйственное управление.

Помимо проводившихся мер военного характера партбюро устанавливало регулярно информацию, разъясняющую партизанской массе и населению сущность происходящих событий, и восстанавливало органы гражданской власти правительства ДВР в лице уполномоченных и ревкомов.

В уездах Ольгинском, Спасском, и Никольск-Уссурийском были созданы уездные партийные комитеты (укомы) из трех лиц по назначению из партбюро.

Партбюро было фактически приморским областным подпольным комитетом РКП и принимало меры к организации партийной работы во Владивостоке в условиях жестокого белогвардейского террора и частых

провалов владивостокской организации.

Общее руководство в своей работе партбюро получало от Дальбюро ЦК РКП(б) из Читы; связь поддерживалась через специальных курьеров.

Во главе с тов. Пшеницыным оно руководило партийными организациями и партизанским движением Приморья на протяжении 1922 г., вплоть до освобождения Приморья от интервенции и белогвардейщины.

В результате проведенной партбюро работы к концу января 1922 г. сколочены были уже вполне боеспособные партизанские отряды численностью около 1000 пеших и 200 конных.

Из сконцентрированных на восточном фронте регулярных наших войск были созданы две группы: забайкальская и инская.

В состав забайкальской группы входили первая отдельная читинская бригада и троицкосавский кавалерийский полк под командой тов. Томина.

Инская группа состояла из отдельной сводной стрелковой бригады, 4-го кавалерийского полка, 2 партизанских отрядов гг. Шевчука и Петрова-Тетерина под общей командой тов. Покуса¹.

4

Устроенный тов. Блюхером в первых числах февраля 1922 г. парад главных наших сил показал, что боевое и моральное состояние наших бойцов внушает полную уверенность в победе над белым противником. Войска наши состояли из рабочих и крестьян, в значительной части принимавших уже участие в вооруженной борьбе с белогвардейщиной и интервентами на различных фронтах.

Угроза со стороны приморской белогвардейщины, укрепившейся на волочаевских позициях, вызвала у наших бойцов особенную внимательность, сознание серьезности момента и боевую решимость во что бы то ни стало «раздавить гадов», пытающихся установить режим нагаек, шомполов, виселиц и расстрелов.

¹ Я. Покус «Борьба за Приморье», стр. 43.

Между тем обстановка предстоящего боя была исключительно тяжелой для нас. В зиму 1921—1922 г. на Дальнем Востоке свирепствовали жестокие морозы, доходившие до 40 градусов. Бойцы наши были плохо обмундированы, скудно питались соленой рыбой и мороженым хлебом. Несмотря на это революционный подъем их был так велик, что внушал командному составу полную уверенность в победе над противником.

Белые занимали выгодную и сильно укрепленную у Волочаевки позицию. Она тянулась фронтом с севера на юг, обращена была на запад и правым флангом упиралась в реку Тунгуску (приток реки Амура). Эта позиция белых пролегла через ряд сопков с господствующей возвышенностью Юнь-Корань, деревню Волочаевку и далее вплоть до реки Амура, заканчиваясь в деревне Нижнеспаской, общим протяжением по фронту около 20 километров. Командующей точкой на позиции была сопка Юнь-Корань высотой более 100 метров. Позиция была обнесена проволочными заграждениями от 3 до 6 рядов, со стрелковыми окопами и пулеметными гнездами. Проволокой опутаны были не только колья, но и кустарник.

Соотношение вооруженных сил НРА и белых к моменту волочаевского боя было неравное:

	У нас	У противника
штыков	2 400	3 360
сабель	563	1 380
орудий	8	15
бронепоездов	2	2
пулеметов.	78	50 ¹

По данным командира сводной стрелковой бригады тов. Покуса, силы противника ко дню волочаевского боя были несколько больше, а именно: 3500 штыков, 1300 сабель, 11 орудий, 99 пулеметов, 3 бронепоезда («Волжанин», «Генерал Каппель» и «Дмитрий Донской») ².

¹ Бескин «Ольгохта—Волочаевка» в сборнике «... И на Тихом океане свой закончили поход». Хабаровск и Москва. Дальгиз. 1933.

² Я. Покус «Борьба за Приморье», стр. 60, 64.

Как видим, противник занимал господствующие и сильно укрепленные позиции, имел значительное превосходство над войсками НРА и количеством, и вооружением, и качеством, и квалификацией своих войск, имевших большое количество офицерских кадров.

Большая же часть наших войск состояла из только что мобилизованных, еще не прошедших настоящей военной подготовки народоармейцев.

При наличии таких благоприятных данных белые перешли к обороне, и это еще больше увеличивало их стратегические преимущества. Кроме того войска белых, занимая деревню, имели возможность отдыхать, обогреваться и готовить горячую пищу, наши же бойцы этих возможностей не имели.

Избегая жертв и кровопролития, главнокомандующий тов. Блюхер перед началом наступления послал военному командованию белых письмо, составленное в захватывающем по глубине и красоте содержания тоне; письмо в известной степени рассчитано было и на национальное чувство русского офицерства; обещано было и полное помилование всех офицеров и солдат в случае их сдачи. Иначе, гласило письмо, занимаемые ими позиции станут их могилами.

Белое командование оставило письмо это без ответа. Противник, видимо, был слишком уверен в неприступности своих позиций, недооценив боевое значение революционного энтузиазма наших бойцов.

5

9 февраля был отдан приказ главнокома тов. Блюхера о переходе наших войск в общее наступление. С этого же дня начались упорные подготовительные к решительной атаке бои за овладение подступами, окружавшими главные позиции противника.

9 февраля забайкальская группа наших войск с раз'езда Ольгохта, отбитого у противника еще 5 февраля, двинулась по глубокому снегу на поселок Забеловский.

10 февраля утром 5-й полк выбил противника у водокачки, на раз'езде Поперечная.

В это же время остальные части инской группы войск повели энергичное наступление при поддержке сильного огня нашей артиллерии. Весь день 10 февраля шел упорный кровопролитный бой под Волочаевкой. Две роты 6-го полка, бросившись в атаку, запутались в проволочных заграждениях и под губительным огнем противника понесли тяжелые потери. Для резки проволоки у нас не было ни ножниц, ни даже топоров. Это чрезвычайно затрудняло взятие проволочных заграждений и увеличивало наши потери. Не преодолев проволочных заграждений, наши части залегли в глубоком снегу, на расстоянии 600—1000 шагов от проволоки противника, в ожидании новой атаки.

10 и 11 февраля в упорных боях противник был выбит забайкальской группой из селений Верхнеспасского и Нижнеспасского. Весь день 11 февраля велась интенсивная перестрелка с противником в подготовке к решительной атаке.

Появление в ночь с 11 на 12 февраля наших бронепоездов на боевом участке фронта вызвало огромное воодушевление у наших бойцов и страстное стремление поскорее овладеть Волочаевкой, чтобы прежде всего обогреться.

«Еще день не возьмем Волочаевки — все замерзнем», — рассуждали бойцы, находившиеся несколько суток в открытом поле при 40-градусном морозе.

12 февраля на рассвете тов. Блюхер отдал приказ:

«Взять во что бы то ни стало Волочаевку!»

В 7 часов утра по орудийному сигналу с бронепоезда наша армия, уже изнуренная происходившими боями, голодом и холодом, легко одетая, в трескучий мороз, по глубокому снегу, связывавшему движение, но с революционным энтузиазмом ринулась в наступление на врага, засевшего в окопах и блиндажах, за сетью проволочных заграждений.

Жуткую, захватывающую по силе революционного под'ема наших бойцов картину волочаевского боя дают под свежим впечатлением участники его.

Один из них в «Бюллетене хабаровского гарнизона» пишет: «Наступило раннее утро 12 февраля. Наши войска заняли исходное положение для наступления на Волочаевку, оборона которой была противником доведена до совершенства.

Весь боевой участок противника, занявшего станцию Волочаевку, разделялся на две самостоятельные позиции, из коих одна на высоте Юнь-Корани и другая в поселке и на станции Волочаевка.

Все скаты означенной высоты были усеяны отдельными стрелковыми окопами в два—три яруса, устроенными из 4-вершковых брусьев, замаскированными снегом и совершенно незаметными для наших красных орлов, но в свою очередь расположенными с таким расчетом, чтобы ни одна пядь земли не оставалась без обстрела.

В такое же оборонительное состояние был приведен и самый поселок Волочаевка, где сторожевые железнодорожные будки служили пулеметными гнездами.

Целая система окопов, расположенных впереди поселка с перекрестным обстрелом, опутанных в три ряда проволочными заграждениями и усиленных бронепоездами, превратила волочаевскую позицию, в связи с сильными морозами и глубоким снегом, в неприступный редут. Но что являлось в глазах белобандитов невозможным, рухнуло перед революционной армией!

В 7 часов все наши части, поддерживаемые бронепоездами, переходят в наступление и, шаг за шагом преодолевая все естественные препятствия, по глубокому снегу, непрерывной волной, воодушевленные одной мыслью о победе, катятся вперед, к Волочаевке.

Несмотря на усиливающийся артиллерийский и оружейно-пулеметный огонь противника красные герои-орлы быстро достигают проволочных заграждений, быстро разбираются рогадки. Рвется и уничтожается проволока, опутавшая опушку леса, и несмотря на увеличивающиеся потери наши части как ураган стремительно бросаются в атаку...»¹.

¹ «Победа». Бюллетень Хабаровского гарнизона от 17 февраля 1922 г.

Бой под Волочаевкой.

С картины Матшевича.

В воспоминаниях другого участника мы читаем:

«Бой за Волочаевку длился, почти не перемежаясь, 48 часов. Но в это последнее утро он достиг небывалого напряжения. Снег дымился от ударов снарядов, люди, коченея от холода, бежали вперед на проволоку заграждений и свисали на ней, изрешетенные пулями. Пулеметный огонь противника достиг необыкновенной силы: люди падали, снег багровел, расцветал кроваво рдеющими цветами.

Первые цепи были сбиты противником, не достигнув заграждений, но сзади надвигались новые; они ползли на четвереньках, перебежали и просто бежали вперед. Бессвязный клич то затихал, то вновь раздавался по цепям, переходя в «ура».

Вторые цепи достигли уже заграждений и в смертной судороге стыли на проволоке, а сзади неудержимой волной, все сильнее и гуще надвигались новые цепи. Они рвали проволоку руками, прикладами, раскачивали стойки и лезли через заграждения по трупам товарищей, и тогда несколькими меткими ударами красная артиллерия прорвала цепь проволочных заграждений, которые тянулись в 13 рядов.

Пламенея от боевого азарта, бойцы лавиной устремились в прорыв. Противник дрогнул. Теснимый красной артиллерией, бронепоезд белых, бивший с фланга, начал отходить.

Враг сломлен. Командная высота Юнь-Корань в руках красных»¹.

Спустя полчаса по занятии Волочаевки оперативная сводка штаба НРА от 12 февраля 1922 г. в 12 часов дает основные моменты волочаевского боя.

Тов. Блюхер в своих воспоминаниях о волочаевском бое пишет: «... По занятии Волочаевки из осмотра проволочных заграждений, окружавших деревню, выяснилось, что действительно нужны были крайняя доблесть и беспримерное мужество для того, чтобы прорваться через них, и те трупы наших бойцов, что повисли на проволоке, наглядно говорили о том, чего нам это стоило.

Без ножниц, без каких бы то ни было приспособлений для резки проволоки наши бойцы собственными телами наваливались на проволоку и перекидывались через нее; комсостав под бешеным огнем противника пробивал себе дорогу среди заграждений, разрубая проволоку и колья шашками...»².

Этим беззаветным героизмом революционных бойцов враг был сломлен физически и морально. Даже противник должен был признать боевой под-

¹ «Волочаевские костры», «Красное знамя» от 26 февраля 1928 г.

² Блюхер «О Волочаевском бое» в сборнике «... И на Тихом океане свой закончили поход», стр. 140. Дальгиз, 1933.

виг наших бойцов. «Я бы дал каждому из красных солдат, штурмующих Волочаевку, по георгиевскому кресту...»¹ — заявил командующий Волочаевской группой белых полковник Аргунов.

Казавшиеся для белого командования неприступными, твердыни волочаевских укреплений были взяты героически дравшимися за дело революции красными войсками. Последняя, жалкая контрреволюционная авантюра «похода на Москву» не продвинулась дальше Ина и Волочаевки, найдя там себе могилу.

Потери наши в боях под Волочаевкой за 10, 11 и 12 февраля выразились в количестве 128 убитых, до 800 раненых и 200 обмороженных. Командный состав понес убыль до 58⁰/о.

Потери противника: убитых и зарубленных до 400, раненых 700. Пленных, за одиночными исключениями, ни та ни другая сторона не брала.

К вечеру 13 февраля войсками НРА левый берег Амура был совершенно очищен от белых, а 14 февраля группа наших войск заняла Хабаровск, торжественно встреченная трудящимися города. Главные же наши силы продолжали преследовать разбитого и деморализованного противника.

13 февраля 1922 г., на другой день по взятии волочаевских позиций, главком тов. Блюхер дал приказ по войскам Восточного фронта (за № 350/пох.); в приказе подведены итоги волочаевских боев и дана оценка исторического значения нашей победы под Волочаевкой:

«На наглое посягательство забывших честь и совесть добровольных наймитов капитала, объединившихся в белые банды с целью наложить цепи

рабства на свободу трудящихся Дальневосточной республики, народно-революционная армия ответила беспримерным боевым мужеством, действительной гражданской сознательностью своего долга перед трудовым народом и целым рядом поистине славных побед, отбросила белых насильников, столь сильно зарвавшихся в их позорном посягательстве на наши интересы.

Бои в районе Нижнеспасского и Волочаевки ясно показали, что бойцы Востфронта могут разрешить даже самые трудные боевые задачи.

Наша боевая победа еще раз доказала, что только в тесном единении всех трудящихся скрывается действительно непобедимая мощь, которая дает нам силу выдерживать целые недели под открытым небом на 40-градусных морозах, голодным, нуждающимся во всем, дает нам мужество побеждать врага несмотря на все его укрепления и целые леса проволочных заграждений. Непрерывных подвигов доблестных бойцов Востфронта я был свидетелем за все время пребывания с вами. Я видел ваше редкое геройство и ваши победы.

Железной волей трудового народа даются нам наши победы, с такой же волей мы должны изгонять все то, что может омрачить нашу победу. Я настойчиво требую, чтобы войска Востфронта, показавшие свою беспримерную доблесть и героизм в последних боях и еще гуще окрасившие свои красные знамена кровью погибших героев боев Волочаевка — Спасская, не запятнали этих священных для революции красных знамен, помня, что этими знаменами будет гордиться потомство»².

¹ Я. Покус «Борьба за Приморье», стр. 80.

² «Амурская правда» от 23 февраля 1922 г. Благовещенск.

В. Серебряков

К ГОДОВЩИНЕ МАРТОВСКОГО ВОССТАНИЯ В КОРЕЕ В 1919 г.

1

Корея — полуостровная страна, расположенная на стыке между Китаем, Манчжурией, Японией и Советским союзом, имеет около 20 миллионов населения.

Корея, являющаяся как бы мостом, соединяющим Японию с азиатским материком и ближайшим рынком для развивающейся японской промышленности, издавна служила предметом вожделения японских империалистов.

В течение ряда столетий Корея находилась в вассальной зависимости от Китая. В конце XIX века Корея превратилась в арену острой борьбы империалистических держав, в первую очередь Японии и царской России, борющихся за захват ее. В результате войны с Китаем в 1894 г. Япония наряду с другими уступками добилась от царского правительства признания так называемой независимости Кореи, что развязало руки японским империалистам для полного ее захвата.

После русско-японской войны (1904—1905 гг.) Япония устранила со своего пути наиболее могущественного конкурента в Корее, царскую Россию, и превратилась в фактического хозяина этой страны. В 1910 г. Япония официально присоединяет к себе Корею.

Аннексировав Корею, японский империализм стал осуществлять беспрецедентное по своей жестокости владычество над этой страной. Как известно, Япония, поздно вступившая на путь капиталистического развития, усиленно стремилась занять равное положение среди империалистических дер-

жав путем безграничной эксплуатации масс внутри страны и открытого грабежа колоний, в первую очередь Кореи.

Ничем не прикрытая хищническая эксплуатация трудящихся, основанная на военно-полицейском режиме, явилась основой и в то же время характерной чертой колониальной политики японского империализма. И не случайным с этой точки зрения является тот факт, что на пост генерал-губернатора Кореи, как правило, назначаются виднейшие представители японской военщины!

Характеризуя колониальную политику японского империализма, Ленин говорил, что Япония грабит Корею «с неслыханным зверством, соединяющим все новейшие изобретения техники и пыток чисто-азиатских»¹.

Проводя грабительскую колониальную политику, японский империализм еще до аннексии Кореи успел захватить в этой стране важнейшие экономические командные высоты. После же аннексии начался, как мы уже сказали, открытый грабеж страны. В этих целях японский империализм, подкупив туземную аристократию, проводил политику массовой конфискации крестьянских земель и прямого удушения зарождающейся корейской национальной промышленности.

В первые же годы своего владычества в Корее японский империализм захватил важнейшие рудники страны и — под видом регистрации — лучшие крестьянские земли. В области промышленности японский империализм издал закон об акционерных обществах, фактически запрещающий организацию последних корейцам; закон, направленный против корейского рыболовства, и т. д.

Корея превратилась в аграрно-сырьевой придаток Японии. Эта политика прямого колониального грабежа осуществлялась в условиях неслыханного политического угнетения и полнейшего бесправия корейских народных масс.

Создав в стране военно-оккупационный аппарат колониального угнете-

¹ Ленин. Т. XXV, стр. 502.

ния — генерал-губернаторство, опирающееся на силу штыков регулярной японской армии (две дивизии) и на густую сеть разбросанных по всей стране полицейских и жандармов, японский империализм стал управлять страной методами голого насилия и нечеловеческих издевательств.

Японский империализм совершенно отстранил корейцев от управления страной, задушил свободу слова, печати и собраний, отменил преподавание на корейском языке в корейских школах и т. д. — словом, низвел корейские народные массы до полного политического бесправия, на положение безмолвных рабов. Малейшие попытки сопротивления существующему произволу вызывали беспощадную расправу с виновными.

Ответом на экономический и политический гнет, на бесчинства и издевательства японских оккупантов явилось прокатившееся по всей Корее в марте 1919 г. мощное выступление корейских народных масс за независимость Кореи, против японских империалистов. Это движение возникло под влиянием Великой Октябрьской революции и той национальной политики, которую провозгласила советская власть по отношению к угнетенным народам. Октябрьская революция подняла на борьбу против национально-колониального угнетения миллионы трудящихся колониальных стран.

2

Шестнадцать лет назад, 1 марта 1919 г., по всей стране сотни тысяч корейцев: мужчин, женщин, детей и стариков — вышли на улицы с протестом против произвола японских империалистов, требуя независимости Кореи. Непосредственным поводом к мартовскому восстанию послужила смерть корейского экс-короля, по слухам, якобы отравленного японскими империалистами.

Отсутствие революционного опыта у еще не окрепшего молодого пролетариата Кореи привело к тому, что во главе стихийно нараставшего мартовского движения, вызванного всеобщим недовольством масс, встали представители корейской буржуазии —

мелкобуржуазная интеллигенция, пытавшаяся направить движение в русло мирных протестов, «чтобы возвестить всему миру о готовности корейского народа управлять страной».

Представители 33 общественных организаций, главным образом религиозных, возглавляемых корейской буржуазией: чендогио (учение неба), ги-докийо (христианская организация), бульгийо (буддийская организация) и других — обнародовали 1 марта декларацию о независимости Кореи, в которой призывали народные массы к мирным демонстрациям протеста против политики японского правительства. О целях, которые преследовала корейская буржуазия в момент мартовского восстания, о ее непоследовательности и половинчатости, приведших к предательству движения в целом, можно судить по следующим выдержкам из декларации: «Наша задача заключается в том, чтобы повлиять на японское правительство, которое искусно держится идеи грубой силы вопреки человеческому разуму и универсальному закону, чтобы оно исправило свои ошибки, чтобы оно действовало естественным разумом человечества, честно и в согласии с принципами права и справедливости»¹.

Обращаясь к народным массам, буржуазия призывала: «...Пусть не будет никакого насилия ни над кем. Пусть тот, который следует за нами, каждый с радостью выскажет эту мысль. Пусть все будет сделано скромно и в порядке, так, чтобы наше поведение было всегда честным и справедливым». Характерно, что представители указанных выше 33 общественных организаций, собравшись в ресторане для оглашения декларации, «для порядка» сообщили об этом в полицейское управление, которое их тотчас же и арестовало. Тем же духом наивной покорности была пропитана петиция, поданная за 12 подписями 12 марта, в разгар движения, генерал-губернатору Хасегава.

«Ваше превосходительство, — писалось в ней, — в своей просвещенной мудрости не решите, что наше дви-

¹ «Чосен Донглип Ундонгса» (история борьбы за независимость Кореи) на китайском языке. Издание Временного корейского правительства.

Корея. В поисках «заговорщиков» японская полиция обыскивает проходящих по улице школьников.

жение — опрометчивое и безрассудное действие. Мы выражаем чувства и мысли 20-миллионного народа, готового осуществить наши убеждения и желания. Затем мы ничуть не полагаемся на силу оружия и никоим образом никогда не обратимся к нему, но попытаемся достигнуть нашей конечной цели, идя благородным путем справедливости и человечности. Если бы ваше превосходительство попыталось остановить эти стремления к справедливости и человечности военной силой, то мы прониклись бы чувством сожаления не только о вашей мудрости и просвещенности, но также и чести страны Восходящего солнца. Вследствие этого мы умоляем ваше превосходительство отнестись к предложенному внимательно, с присутствующей вам мудростью»¹.

Как и следовало ожидать, мирные демонстрации протеста были жестоко подавлены силой штыков жандармерии, полиции и войск. Буржуазия, руководившая движением, при первом же выстреле предала его. Но несмотря на это движение быстро распространилось по всей стране, перейдя в ряде мест в вооруженные восстания крестьян и городской бедноты. По

¹ «Петиция его превосходительству Хасегава Юсимици» в русском переводе (не опубликована).

прошествии 30 дней с момента восстания, 30 марта 1919 г., бывший генеральный консул в Корее в своем донесении колчаковскому правительству следующим образом описывает мартовские события: «Нормальная жизнь страны была нарушена, учащиеся, торговцы и служащие объявили забастовку, демонстрации продолжались и хотя были обезоружены, но влекли за собой жертвы с обеих сторон. Вскоре в столице был восстановлен относительный порядок, но волнения в провинциях продолжались и принимали более опасный характер, так как корейцы действовали уже вооруженные холодным оружием и прежде всего производили нападения на жандармские и полицейские посты с целью освободить арестованных... В настоящее время демонстрации продолжают по всей Корее и перекинулись и в сопредельную с Россией область Кандо. Военные части передвигаются из одной провинции в другую. Везде говорят о неслыханных жестокостях, проявляемых японцами при подавлении волнений: о расстрелах, пытках и т. д.»².

² Выдержка из секретного донесения российского генерального консула в Корее от 31 марта за № 2 (не опубликовано).

Движение корейцев развернулось и в занятом интервентами Приморье. В марте во Владивостоке, Никольск-Уссурийске и других местах были организованы демонстрации протеста против угнетения корейцев японским империализмом и против интервенции России.

По данным консульских донесений колячковскому правительству, только за период от 21 марта по 15 апреля в Корее было около 70 вооруженных нападений на полицейские и жандармские посты и на волостные управления. В нападениях принимало участие свыше 30 000 крестьян и городской бедноты.

Так, 26 марта в Андоне около 3000 человек напало на «официальные учреждения», и при столкновении с японским гарнизоном и жандармами было убито 13 и ранено 3 человека. 30 марта в уезде Почен около 1000 человек произвело нападение на полицейский участок. 3 апреля в Хойдю около 5000 человек напало на полицейское управление и освободило арестованных. 4 апреля в Окгоне около 3000 корейцев напало на полицейский пост и сожгло его. В результате столкновения с полицией было убито и ранено более 40 демонстрантов. 8 апреля в уезде Мирян около 3000 корейцев напало на жандармский пост, и т. д.¹

Мартовское восстание в Корее было жестоко подавлено японцами.

Но японский империализм не мог сломить воли трудящихся масс к борьбе против японского империализма, за независимость Кореи.

Японский империализм огнем и мечом рассеял иллюзии корейских трудящихся масс о возможности мирной борьбы за независимость. Корейская буржуазия, предавшая борьбу трудящихся масс, показала свою неспособность к последовательной и решительной борьбе с японским империализмом.

Со времени мартовского восстания японский империализм довел до полного разорения, голода и нищеты миллионы трудящихся масс Кореи.

¹ Выдержка из секретного донесения российского генерального консула в Корее от 31 марта 1919 г. за № 2 (не опубликовано).

Но вместе с тем японский империализм вопреки своему желанию создал революционные силы, призванные свергнуть его экономическое и политическое господство в стране.

Несмотря на медленное уродливое развитие промышленности японский империализм создал в Корее своего могильщика — рабочий класс, единственный последовательно революционный класс, который поведет трудящиеся массы на штурм японского империализма.

Корейские рабочие вследствие наличия в стране большой резервной армии труда, обусловленной колониальной политикой японского империализма, подвергаются жесточайшей эксплуатации. Рабочий-кореец, низведенный до положения раба, как правило, при 13 — 16-часовом рабочем дне, не имея дня отдыха, получает зарплату в два раза меньше японского рабочего. В Корее совершенно отсутствует рабочее законодательство, в корейских предприятиях процветают худшие формы докапиталистической эксплуатации.

В таком же положении находится и корейское крестьянство. Оно доведено японским империализмом в союзе с корейскими помещиками и ростовщиками до полного разорения. Основная масса корейского крестьянства — беднота, составляющая около 80%, придавлена тяжестью кабальной натуральной аренды. Грабительские налоги, высокие, ростовщические проценты, доходящие местами до 90% урожая, и всякого рода поборы вынуждают крестьян посредством системы «контроля» и «совместной продажи» сдавать скупщикам по низким ценам рис, хлопок, коконы и пр. Взамен они должны приобретать по твердым высоким ценам импортные, монополизированные генерал-губернаторством товары (табак, соль и др.) Ежегодно десятки тысяч корейской бедноты эмигрируют из родных деревень в Японию, Манчжурию и другие страны, продолжая и там влачить нищенское существование.

Корейские города переполнены безработными, разорившимися крестьянами, кустарями, ремесленниками, безработной интеллигенцией и т. д.

Избиение корейского коммуниста в японском полицейском участке.

3

Шестнадцатая годовщина мартовского восстания проходит в условиях обостряющегося с каждым годом кризиса капитализма и назревания в ряде стран революционного кризиса, в условиях победоносного строительства социализма в СССР, когда ведется открытая подготовка к новой империалистической войне и прежде всего подготовка к нападению на СССР.

Япония первая из империалистических держав начала искать выход из кризиса в войне за новый передел мира. Оккупировав Манчжурию, Япония продолжает войну в Китае, стремясь задушить китайскую революцию, в результате которой в целом ряде районов образованы советы, и расчистить стратегические позиции для нападения на Советский союз.

Японский империализм открыто готовится к войне против Советского союза, и в этой подготовке он считает Корею одним из важнейших плацдармов для нападения на Советский союз.

В связи с подготовкой к войне японский империализм усиленно форсирует в Корее добычу военного сырья.

В сельском хозяйстве японский империализм проводит в принудительном порядке расширение посевов хлопка и льна, увеличивает поголовье овец, создает непосредственные продовольственные запасы из необрушенного риса.

Наконец, японский империализм быстрыми темпами проводит в жизнь план всеобщей мобилизации всего народного хозяйства и в первую очередь транспорта на нужды войны. Кризис, война Японии с Китаем и подготовка к войне против СССР обрушились новыми бедствиями на головы трудящихся масс Кореи.

Около одного миллиона рабочих выброшено на улицу, что составляет свыше половины корейского пролетариата. В 1931 г. зарплата упала на 30%, в то время как цены на жизненные продукты систематически повышаются. По данным корейских газет, за первую половину 1933 г. цены на предметы первой необходимости поднялись на 20 — 30%. Даже по официальным данным генерал-губернаторства, индекс зарплат корейских рабочих упал с 84% в 1931 г. до 78 в 1933 г.

В период кризиса быстрыми темпами увеличивается новая, довольно зна-

чительная социальная прослойка в деревне. Это так называемые каденмины, буквально — «население огненных полей», т. е. разоренные крестьяне, нищие и полунищие, забросившие свои земли и бежавшие от преследования ростовщиков, от нужды и голода в лесные или горные районы, где они выжигают леса и кустарники или, расчищая каменистую почву, ведут первобытное хозяйство.

Количество хозяйств каденминов увеличилось с 34 000 в 1929 г. до 170 000 в 1932 г., и их посевная площадь — с 176 000 цйобу (0,9 десятины) в 1932 г. до 366 000 в 1933 г. Таким образом, число хозяйств каденминов составляет около 5% всех крестьянских хозяйств, и их посевная площадь — около 10% всей площади.

В городах скопляется большое количество бедноты. Корейская газета «Чунга-Илб» в номере от 29 октября 1934 г. сообщает, что только в одних городах Кореи насчитывается около 4 200 000 нищих, голодающих, безработных и бедняков, т. е. 20% всего корейского населения испытывает безработицу. Болезни, самоубийства, проституция и тому подобные спутники безработицы широко распространены по всей стране. Только за 1933 год в Корее зарегистрировано 1800 самоубийств. По данным газет, разоряемые крестьяне и безработные массами продают своих дочерей в дома терпимости. «Живой товар» состоит в большинстве случаев из подростков, их экспортируют в Японию, на Формозу и в Манчжурию. Наконец, начиная с 1933 г. Корея заняла первое место в мире по смертности детей.

Японский империализм, готовясь к войне, усиливает военно-полицейский террор против рабочих и крестьян, в то же время мелкими уступками привлекая на свою сторону корейскую буржуазию.

Корейская буржуазия стала на путь открытой капитуляции перед японским империализмом. Заинтересованная в получении своей доли прибыли в системе японского империализма и в страхе перед развивающимся революционным движением, она предает интересы рабочих и трудящихся масс

Кореи. При поддержке корейской буржуазии японский империализм осуществляет в Корею программу подготовки к войне против СССР. Японский империализм, поставив себе на службу национал-реформистскую печать для пропаганды «идеи» войны, проводит военизацию учебных заведений и т. д.

Одновременно по всей стране фактически введено военное положение. Японская армия в Корею увеличена до трех дивизий, военизируются полицейские отряды, пожарные дружины, лесная охрана и т. д.; строятся новые тюрьмы. Японский империализм ввел смертную казнь за революционную деятельность и бросает ежедневно в тюрьмы десятки и сотни революционеров, массами расстреливает их. Только недавно, в сентябре 1933 г., 22 корейца-коммуниста были расстреляны.

На этот террор трудящиеся массы Кореи, воодушевленные примером трудящихся СССР, сбросивших в 1917 г. иго империализма и свободно строящих свою жизнь, отвечают все усиливающимся антиимпериалистическим национально-освободительным движением. Переломным моментом в антиимпериалистическом, национально-освободительном движении явилась всеобщая забастовка в 1929 г., показавшая образцы революционной солидарности между рабочим классом, крестьянством и городской беднотой в борьбе против японского империализма. Вслед за забастовкой рабочего класса по всей Корею происходят студенческие волнения, охватившие около 100 000 человек. В 1931 — 1932 гг. имели место и вооруженные крестьянские выступления. О растущем в данный момент революционном движении говорят ежедневно сообщаемые буржуазными газетами бесчисленные факты о распространении революционных листовок, о раскрытии нелегальных коммунистических рабочих, крестьянских и антиимпериалистических организаций, об арестах и процессах десятков и тысяч революционеров.

На передовые позиции национально-революционного движения в качестве его руководителя, приобретая опыт революционной борьбы, постепенно начинает выступать молодой корей-

ский пролетариат, ведя за собой угнетенное крестьянство.

Начался процесс оформления компартии как действительного авангарда рабочего класса. Коммунистические лозунги о полной независимости Кореи, о политической свободе, конфискации помещичьих земель, защите Советского союза — отечества мирового пролетариата и угнетенных народов мира — завоевывают глубокие симпатии широких рабочих и трудящихся масс. Идея непримиримой борьбы с японским империализмом зреет в самых отдаленных уголках страны.

Корейские трудящиеся массы в Манчжурии, эмигрировавшие туда еще до оккупации ее японцами, бок о бок с китайскими трудящимися, под руко-

водством героической коммунистической партии Китая ведут активную вооруженную борьбу против японских оккупантов и китайских помещиков.

Крепнущее с каждым годом коммунистическое движение в Корее в случае нападения японских империалистов на Советский союз сумеет возглавить трудящиеся массы и выступить вместе с трудящимися остальных колоний грозной силой в тылу у японских империалистов.

У Японии, готовящей контрреволюционную войну против СССР, «есть слабые места — Корея, Манчжурия, Китай...»¹.

---

¹ Сталин «Беседа с американским журналистом Дюранти». «Правда» от 4 января 1934 г.

ЗАБЫТОЕ ВОССТАНИЕ

Больше ста лет назад, 3 июня 1830 г., в Севастополе произошло массовое восстание матросов флотских и рабочих экипажей, солдат, ремесленников и «прочего простого звания людей»; город был захвачен восставшими и в течение нескольких дней находился в их руках.

Несмотря на большие размеры восстания и его политическую окраску оно как-то совершенно выпало из поля зрения наших историков революционного движения. Между тем, это было первое массовое восстание в России в XIX в., огромное большинство участников которого состояло из матросов и их жен. Руководителями его были также матросы. Этот «всеобщий мятеж», напомнивший Николаю I столь ненавистное ему восстание декабристов, представлялся настолько важным и опасным, что он «повелел» держать его в строгой тайне от населения. По приказу Николая I, не только самая расправа с участниками восстания производилась тайно, но даже «сентенции (т. е. мотивированный приговор. — А. П.) военного суда, — как писал в своем донесении царю главный командир Черноморского флота, адмирал Грейг, — не только были скрыты от начальства Черноморского флота, но не были даже объяснены подсудимым»¹.

¹ В основу настоящей статьи легли преимущественно материалы Ленинградского исторического архива по фондам адмирала Грейга и корпусных командиров. В дальнейшем ссылки на них будут кратко оговариваться в тексте.

1

В Севастополе, основанном в 1783 г. в качестве главного порта Черноморского флота, к тридцатым годам XIX в. было около 30 тыс. населения.

Город был окружен слободками: Артиллерийской, Корабельной, Каторжной. Против Графской пристани прилепилась слободка с выразительным названием «Хребет беззакония». В городе жили офицеры, чиновники и торговцы²; на «Хребте беззакония» и в других слободках ютилась беднота: отставные матросы и бывшие солдаты с семьями, мелкие отставные чиновники, матросские и солдатские жены и вдовы, яличники, ремесленники, мелкие торговцы, рыбаки и т. п.

Жизнь в слободках проходила в страшной нужде, голод здесь был частым гостем.

Вот как описывает Корабельную слободку 1830 г. современник: «Зайдешь в другую, третью, десятую лачужку—видишь тот же быт жильцов, ту же бедность, те же лишения, сырость, грязь, холод, и обогреться нечем. Лачужки примостились к крутому скату горы или под навесом скалы: тыл в земле, фасад только снаружи»³.

В то же время население этих слободок состояло в значительной части из людей, прошедших 25-летнюю службу во флоте. Они приобретали некоторую техническую квалификацию, бывали за границей, видели иные порядки чем в крепостной России.

В военном флоте как и в армии царили жесточайшая «палочная» дисциплина, мордобой и порка. «Варварство командиров пароходов,—пишет современник севастопольского восстания,— доходило до того, что в морозные дни приказывали раздевать догола чуть провинившихся матросов, класть на пушки и пороть линьками до такой

² В. Ф. Головачов «История Севастополя как русского порта», стр. 233. СПб. 1872.

³ Н. Закревский «Фрегат «Штандарт». 1830. Записки врача. «Морской сборник» № 4, стр. 294. 1861.

степени, что некоторые умирали через два часа»¹.

Недовольство и глухая ненависть матросов к своим начальникам особенно возросли в связи с турецкой войной, начавшейся в 1828 г. В тяжелой военной обстановке матросов кормили недоброкачественными продуктами, что привело к массовым заболеваниям среди матросов. В 1829 г. высшее начальство из Петербурга вынуждено было назначить расследование. Адмирал Грейг оправдывался, что «показания о худости сухарей на фрегате «Флора» оказались легкомысленного происхождения от упрямства» (?) и что якобы «из всего Черноморского флота только в 17-м рабочем экипаже оказалось 100 кулей муки худого качества» (фонд Грейга, д. 21). Но факты — упрямая вещь, и их трудно скрыть: после севастопольского восстания властям все-таки пришлось арестовать многих поставщиков и подрядчиков за злоупотребления в снабжении продовольствием².

Материальное положение матросов рабочих экипажей было несколько лучше, но «палочная» дисциплина в них была та же. В составе рабочих экипажей были преимущественно высококвалифицированные и более развитые по тому времени мастера: столяры, слесари, плотники, кузнецы и т. д. Неудивительно, что рабочие экипажи дали большее количество подсудимых по восстанию (470 чел.), нежели флотские экипажи (385 чел.).

2

Во время войны в русской действующей армии и в Бессарабии вспыхнула чума. Боясь появления чумы в Черноморском флоте, соприкасавшемся с зараженными местностями, генерал-губернатор князь М. С. Воронцов распорядился взять в карантинное

¹ Кондорак И. «В память столетия Крыма. Первые годы нашего господства в Крыму», стр. 212. М. 1883.

² Между прочим, из дальнейшего мы увидим, что адмирал Грейг, беспощадно осуществлявший во флоте «палочную» дисциплину и покровительствовавший интендантским злоупотреблениям, при выяснении причин восстания откровенно разоблачал штатское чиновничество с целью отвлечь внимание от себя.

оцепление не только порт, но и весь Севастополь.

С 17 июня 1829 г. был введен строгий карантинный режим, хотя в городе случаев заболевания чумой не было. Карантинный режим был чрезвычайно выгоден начальникам карантинного оцепления, карантинным чиновникам, полиции и торговцам, так как он сопровождался повышением жалованья, специальными суточными, раздачей чинов и орденов и открывал неограниченные возможности для всевозможных взяток, злоупотреблений и спекуляций.

Все тяжелые последствия карантинного режима обрушивались, главным образом, на населявшую слободки бедноту, которая добывала себе пропитание летними полевыми работами и поденщиной в пригородных имениях. С момента установления карантина все эти заработки отпали. Таким образом, слобожане были обречены на голодную и холодную зиму. Между тем чума не появлялась.

Карантинная контора, чтобы продлить карантинный режим, старалась, как удостоверяет флотский начальник города, контрадмирал Сальти, «обыкновенные болезни показать чумными». «В течение пяти месяцев, — писал адмирал Грейг в главный штаб, — люди не слышали, чтобы болели и умирали естественной смертью, а кто бы ни умирал в командах и на дому, объявлялись за чуму» (фонд Грейга, д. 21).

Больные, попадавшие в чумный карантин, находились в жутких условиях. Людей «простого звания» и нижних чинов помещали «в сараи без полов, потолков, окон и печей в позднее осеннее время, делая здоровых больными» (там же). Поэтому Павловский мыс, где находился чумный карантин, «казался для людей могилкой». «От одних только слов «чумный, отправить на Павловский мыс!» умирали люди от страха перед неизбежной смертью» (фонд Грейга, д. 21).

Собранный 1 декабря 1829 г. в Севастополе совет из 15 врачей констатировал: «Явления знаков на больных людях, ныне и прежде свидетельствованных, не есть чумные, не имеющие даже особой прилипчивости. Но если в карантине и замечается она (т. е.

смерть), то это происходит от содержания сих страдальцев в нынешнее зимнее время в холодном и сыром сарае, где истинно не только немощный, но и самый здоровый подвергнется неминуемой смерти»¹. Этот официальный протокол чрезвычайно ярко рисует бесчеловечное отношение к больным, которых надо было во что бы то ни стало превратить в чумных.

Власти забраковали протокол медицинского совета. Было приказано «признать существование чумы и принимать против нее меры, указанные высшим медицинским начальством»². В январе 1830 г., с назначением нового военного губернатора Сталыпина, в карантин стали отправлять не только больных, но и всех, кто жил с ними в одном доме. Имущество отправленных в карантин должно было сжигаться, но на деле его чаще всего присваивали полицейские и карантинные чиновники. Возвращавшиеся из карантина оставались без крова и без всяких средств к существованию.

10 марта 1830 г. в Севастополе было предпринято «всеобщее оцепление города», которое потом неоднократно повторялось вплоть до 27 мая. При проведении этого мероприятия никто не имел права выходить из своего дома. На это время были закрыты даже церкви. Но тяжесть «всеобщего оцепления» падала на трудящихся, так как привилегированным слоям населения даже в этом случае предоставлялись всякие льготы.

Цены на все продукты повысились в несколько раз. Самый способ снабжения давал новые возможности для злоупотреблений и спекуляций. Жителям слободок продукты доставлялись особыми квартальными комиссарами надом. «Отпускали провизию вовремя только тем, которые давали взятки, а бедным доставляли около полуночи самое негодное»³. Голод среди жителей слободок достигал таких размеров, что поднялся открытый ропот против высшего начальства, карантинных чиновников и продовольственных комиссаров.

¹ Хартахай «Женский бунт в Севастополе». Журнал «Современник», стр. 372. № 10 за 1865 г.

² Кондораки. Цит. соч., стр. 213.

³ Там же, стр. 214.

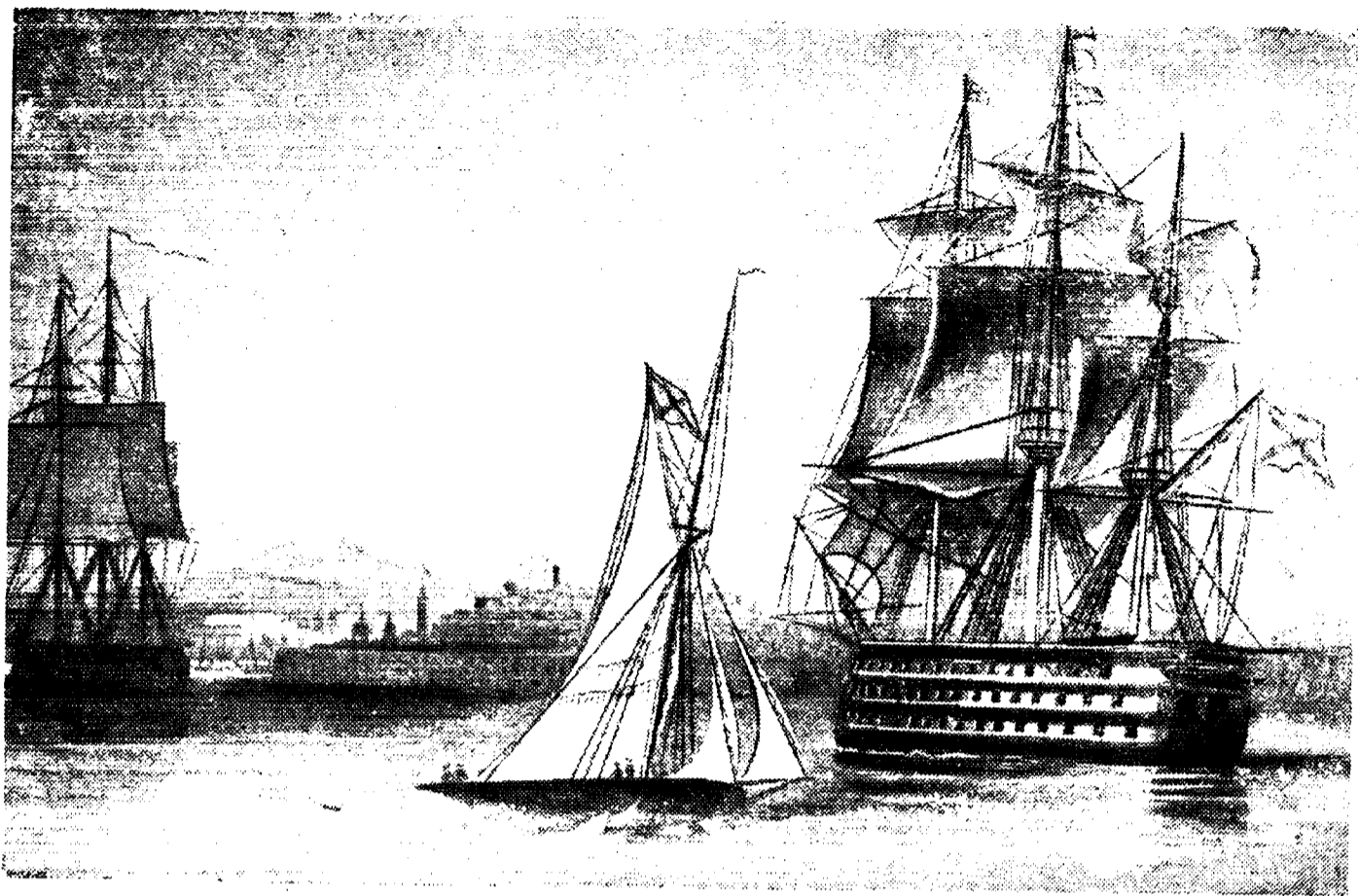
Опасаясь на этой почве волнений, Воронцов приказал образовать специальную продовольственную комиссию для снабжения наиболее нуждающихся хлебом, дровами и сеном. Однако это «благое намерение» мало помогло народу и явилось лишь новым источником наживы для чиновников. «Большим бедным семействам давали продовольствия и дров мало, а денег ничтожное количество, а некоторым семьям отпускалось всего достаточно»⁴. Многие из бедноты за все время оцепления «получили по одной мерке муки на семью и по одной—двум вяzańкам дров, другие деньгами по 40—50 коп., а многие и вовсе ничего не получили» (фонд Грейга, д. 22). Отпускавшийся провиант был зачастую «совершенно негодный, мука горькая, с песком, к употреблению негодная, и ее выбрасывали» (там же). Жители слободки вынуждены были за бесценок продавать спекулянтам свое имущество, скудная же мебель шла на топливо. По удостоверению следственной комиссии Грейга жители слободок «сожгли уже столы, скамейки, сундуки, кровати, полы и даже из крыш выламывали куски дерева» (там же).

Карантинные чиновники и врачи проявляли по отношению к населению чисто садистскую жестокость. «Пользуясь слабостью начальства, — пишет в своем секретном рапорте временный комендант города граф Толстой, — некоторые из чиновников и врачей, особенно чиновники Семенов, Ланг и Верболозов, сделались истинными бичами города, часто обращались с жителями жестоко и всюду находили чуму, всякого больного признавали чумным» (фонд Грейга, д. 21). В течение года, начиная с 18 июня 1829 г., в таких бесчеловечных условиях жило большинство населения Севастополя.

11 марта 1830 г. в Артиллерийской слободке были заподозрены в чуме и отправлены на Павловский мыс жена и дочь матроса Полярного. По свидетельству доктора Закревского, у них на самом деле было обычное для Севастополя заболевание рожистым воспалением лица, от которого обе вскоре выздоровели.

⁴ Н. Закревский. Цит. соч., стр. 307.

Севастополь в первой половине XIX в.

Сам Полярный с младшей здоровой дочерью в карантин идти отказался и оказал вооруженное сопротивление: когда его хотели отвести насильно, он забаррикадировался в своем доме. На место прибыли военный генерал-губернатор Сталыпин и вицеадмирал Патаниоти, по приказанию которых отряд, оцепивший дом, открыл стрельбу через окна. Полярный стал отстреливаться, убил лейтенанта Делаграматика и опалил выстрелом самого Сталыпина. В конце концов, Полярный был схвачен и тут же, на месте, расстрелян.

Этот случай показывает, до какого отчаяния были доведены жители слободок. В массах начинало складываться убеждение, что надо самим искать выхода из создавшегося невыносимого положения.

После расстрела Полярного возбуждение масс сильно возросло. Боясь повторения случаев сопротивления, высшее начальство города распорядилось отобрать у жителей все, «что было похоже на какое-либо оружие».

3

Наконец, 27 мая 1830 г. «карантинное всеобщее оцепление» было снято

со всего города, за исключением Корабельной слободки, которая была оставлена в оцеплении до 3 июня. Но уже 31 мая в связи с «подозрительной» смертью одной старухи начальство города не только продолжило оцепление еще на две недели, но всем жителям слободки было предложено выйти за город и устроиться в лагере до тех пор, пока их вещи и дома подвергнутся окурке хлором. Очевидно, жандармерии стало известно, что на 3 июня в слободке готовится какое-то выступление, и власти города решили изолировать слобожан, воспользовавшись первым подвернувшимся случаем. Предположения эти находят себе подтверждение в дальнейших событиях.

Это нелепое и жестокое распоряжение переполнило чашу народного терпения и послужило толчком к массовому вооруженному выступлению, подготовка к которому, по всем данным, велась заранее.

2 июня жители слободки заявили, что они согласны на двухнедельный карантин, но с условием, «чтобы оставить их при одной, прежде бывшей страже оцепления, а прочие команды и пушки, приготовленные по приказанию военного губернатора, уда-

лить». Соглашаясь продлить карантин, слобожане требовали предоставления им возможности свободных сношений с городом. Вероятно, поняв, что в требовании слобожан что-то кроется, начальство отказалось удовлетворить его и еще более усилило оцепление слободки.

У нас нет подробных данных о том, что делалось в это время в самом городе. Однако мы знаем, что еще задолго до этого в городе поговаривали вслух о предстоящих событиях. Так, квартальный надзиратель Худешов еще «с неделю перед бунтом заметил о ропоте и волнении народа» (фонд корпусных командиров, д. 22). Это было уже после снятия всеобщего оцепления, когда, казалось, отпало главное основание для ропота всех жителей. Об этом же свидетельствует донесение о севастопольских событиях жандармского майора Локателли шефу жандармов Бенкендорфу; в донесении он указывает, что 30 мая таврический гражданский губернатор Казначеев, приехавший в Севастополь, настойчиво убеждал Сталыпина принять решительные меры «для укрощения в самом начале буйного действия» (фонд 343, д. 4). Таким образом, ясно, что уже за несколько дней до продления оцепления Корабельной слободки губернатору было известно о подготовке в Севастополе какого-то «буйного действия», для предотвращения которого требовались «решительные меры».

На возбуждение среди «простого звания людей» есть и еще целый ряд указаний. Об этом говорится в рапорте на имя графа Воронцова «высочайше утвержденной следственной комиссии»: «Адъютант Сталыпина, поручик Орлай, видел по улице матросов 29-го флотского экипажа (наиболее активные участники восстания.— А. П.), толпившихся большими кучами, которые, будучи разогнаны, грозили ему из казармы» (фонд Грейга, д. 21). Около того же времени несколько человек этого экипажа кричали квартальному надзирателю Юрьеву: «Скоро ли откроют огонь, мы только того и ожидаем, мы готовы» (там же). Контрадмирал Скальковский также видел «недалеко от Губернских и Георгиевских казарм пять или шесть куч матросов, а также частью рассу-

павшихся по косогору, которым велел разойтись» (там же).

Более полны и определены сведения о подготовке к восстанию в Корабельной слободке. Здесь подготовка сразу же после нового оцепления приняла массовый характер. В оцепленной слободке осталось около трехсот матросов флотских и рабочих экипажей, которые по роду своей службы не были знакомы с условиями пехотного боя. Вожаки восстания занялись обучением матросов сухопутной тактике. Все мужское население слободки было разбито на три отряда. Во главе первого отряда стоял квартирмейстер 37-го флотского экипажа Тимофей Иванов, игравший руководящую роль в восстании и пользовавшийся огромным авторитетом среди населения. Другим отрядом руководил отставной боцман, яличник Шкурпелов, третьим — унтерофицер 34-го флотского экипажа Пискарев. Обучение всех трех отрядов поручено было шкиперскому помощнику, унтерофицеру Кузьмину, который «распоряжался предохранительной частью, ставил мужчин во фронт и расставлял на тех пунктах, которые по общему рассуждению казались удобными для вторжения в слободку» (там же). «Ночью Кузьмин учил бунтовщиков маршировке, различным эволюциям»¹. Таким образом Корабельная слободка представляла собой нечто вроде осажденной крепости. В ней шли военные приготовления и было организовано караульное охранение. В намерения «осажденных» не входило прорвать военную цепь: их действия сводились к тому, чтоб не допустить вторжения войск в слободку.

2 июня, пишет Хартахай, «бунтовщики составили род военного совета, на котором определили как время начатия действий, так и план самых действий. Тут же составили список всех лиц, которые должны пасть жертвой народного озлобления. Первым по списку значился военный губернатор, генерал-лейтенант Сталыпин, затем следовали чины продовольственной комиссии, члены медицинского совета, далее, следовали флотский начальник и, наконец, начальник

¹ Хартахай. Цит. соч., стр. 383.

карантинной линии и карантинные чиновники»¹.

Начало восстания было назначено на вечер 3 июня, когда заканчивались работы в адмиралтействе.

Всею подготовкой к восстанию — «военным советом» и восстанием, — повидимому, руководила какая-то организованная группа лиц, именовавшаяся «Доброй партией». Упоминание об этой партии мы встречаем в делах о севастопольском мятеже несколько раз. Так, по требованию «Доброй партии» поп Гаврилов дал подписку об отсутствии чумы в городе, а также некоторые свидетели по делу показывали, что один из отрядов шел под знаменем «Доброй партии».

Невольно возникает мысль, не являлась ли организация севастопольского восстания отзвуком восстания декабристов. Возможно, что членами «Доброй партии» были некоторые из декабристов Южного общества из младшего командного состава и рядовых, попавшие сюда при раскассировании зараженных «декабристской заразой» полков. Повторяем, что это — лишь наше предположение, не находящее пока подтверждения в материалах о восстании. Во всяком случае, несомненно, что организация, именовавшаяся «Доброй партией», существовала и играла руководящую роль в восстании, имея свой центр в Корабельной слободке. Именно из слободки рано утром 3 июня было послано в город напоминание о начале восстания вечером, сигналом к которому должен был послужить колокольный звон в одной из городских церквей. Отсюда же, из Корабельной слободки, была передана инструкция, как надо поднимать народ на восстание. Инструкция эта была передана пятью юнгами, в женском платье пробравшимися сквозь оцепление. Юнга Соловьев, арестованный после выполнения им поручения, показал при допросе, что в бунте «будут участвовать арнауты (из греков-арнаутов был составлен Балаклавский батальон пограничной охраны. — А. П.) и татары, содержавшие охранительную цепь со стороны Южной бухты, и что чины

28-го, 33-го и 39-го экипажей к тому присоединятся» (фонд Грейга, д. 22). Подробностей данной ему инструкции Соловьев не выдал.

Военное начальство, получив от Соловьева сведения о готовящемся «буйном действии», поспешило расставить по городу караулы и увеличить оцепление Корабельной слободки. Оцепление было доведено до трех батальонов пехоты при двух пушках. Для охраны дома Сталыпина днем был выставлен специальный отряд из 52 солдат. Однако высшее начальство города, повидимому, не было по-настоящему осведомлено о плане восстания, так как сосредоточило все внимание и силы на Корабельной слободке. По плану же, восстание должно было начаться именно в городе, и руководители восстания вполне сознательно отвлекали слободкой внимание начальства.

4

3 июня с раннего утра «мятежники» были уже готовы к восстанию. Но оно началось только в семь часов вечера. С «Хребта беззакония» спустилась вооруженная чем попало толпа и, смяв выставленный для защиты дома Сталыпина отряд, ворвалась в дом. Губернатор был сброшен с балкона во двор и убит, а труп выброшен на улицу.

Пока шла расправа с военным губернатором, две женщины бросились к соборной колокольне и начали звонить в колокол.

Таким образом, восстание началось точно по намеченному плану: с набата и убийства губернатора.

Услыхав колокольный звон, рабочие 17-го и 18-го рабочих экипажей разбили в адмиралтействе ворота и, вооружившись топорами, кирками, ломками, свайками и просто дубинами, выбежали на улицу и присоединились к толпе. Восставшие тотчас разделились на два отряда. Один направился к дому вицеадмирала Патаниоти, другой — к казармам 29-го, 39-го и других флотских экипажей. Эти экипажи были выстроены во фронт офицерами, пытавшимися таким способом удерживать матросов от выступления. Появление вооруженного отряда «мятеж-

¹ Хартахай. Цит. соч., стр. 383.

ников» расстроило ряды матросов. Они расхватили с козел ружья и с криками «ура!» бросились по направлению к Корабельной слободке.

Услыхав донесшиеся из города набат и крики «ура!», командующий оцеплением слободки, полковник Воробьев, привел свои части в боевой порядок и выдвинул вперед пушки с зажженными фитилями. В это время в тылу солдат внезапно появилась вооруженная толпа матросов. Воробьев отдал приказ стрелять в «мятежников», но солдаты не выполнили приказа. Матросы быстро прорвали фронт и, захватив пушки, начали отнимать у солдат ружья. «Где ваши начальники, — кричали матросы, — и какие они для вас? Если хорошие, не тронем, а если плохие, — убьем!» (фонд корп. ком., д. 73,А). Солдаты выдали полковника Воробьева, который был убит на месте, но не позволили убить двух офицеров, сказав, что эти офицеры хорошо относятся к солдатам.

«Штабом» восстания был дом одного из руководителей восставших, Тимофея Иванова. Сюда в течение ночи приводили арестованных (семью попа Кузьменко, купцов и др.) и привозили имущество из разгромленных домов. Всю ночь в дом Иванова приходили и уходили матросы и вожаки восстания. Здесь же и раньше происходили «сходбища» руководителей восстания.

Большой интерес представляет следующий факт. Руководители восстания — Чадин и Тимофей Иванов — предложили штабскапитану Перекрестову, за которого заступились солдаты, не позволив его расстрелять, взять над ними командование. В одном официальном документе прямо говорится, что они, «озабочиваясь будущностью одного преступного предприятия, предлагали ему (Перекрестову) в течение дня принять над ними начальство» (фонд Грейга, д. 22).

Сам Перекрестов также рассказывает в своих показаниях об этом предложении восставших: «Чадин взял меня за руку, говорил тихо: «В городе теперь все за нас (за кого «за нас»? За «Добрую партию»? — А. П.). Скажи, что за-

в т р а н а ч а т ь. * Можно, кажется, все сделать, особенно, давши знать в Константинополь; сейчас турки с флотом здесь будут» (фонд корп. ком., д. 73,А). Перекрестов не принял этого предложения и, воспользовавшись оказываемым ему доверием, убежал из-под ареста за город с частью арестованных солдат.

Часть солдат из оцепления присоединилась к матросам, и три слободских отряда под предводительством Иванова, Шкуропелова и Пискарева стали искать подлежащих казни по составленному списку. Характерно, что в этот список был внесен слободской поп Кузьменко, которому удалось скрыться. Кузьменко был настолько ненавистен жителям слободки, что искать его приходили все три отряда. Отряд Шкуропелова разгромил дом «живодера» — чиновника Степанова. Сам Степанов был выдан своими денщиками и убит. В это же время отряд Пискарева разгромил дома купцов Зотова и Попова. Оба купца были арестованы и посажены в дом Иванова. После разгрома купеческих домов все три отряда отправились через Павловский мыс в город. Между тем весь город был уже в руках восставших. Правительственные войска оставались нейтральными или присоединялись к восставшим. При первой вести, что «убивают офицеров и генералов», офицеры в одиночку или с небольшими отрядами бежали за город, а не успевшие бежать попрятались, переодевшись в платье денщиков. Полиция во главе с полицеймейстером Грушицким первая бежала за город. Некоторые чиновники и карантинные врачи, чувствовавшие себя виновниками в злоупотреблениях, также поспешили скрыться. Вот почему несмотря на огромное озлобление населения из 30 подлежащих смерти было убито только 7. Кроме того несколько человек было ранено, некоторые отделались побоями.

Восставшие потребовали от имени «Доброй партии» от протопопа Софрония подписки, что «в городе нет и не было чумы». Такую же подписку восставшие взяли и от городского головы Носова и др. Этот своеобразный «юридический» документ, повидимому, нужен был руководителям восстания для морального оправдания убийства

чиновников и представителей власти, которые под видом борьбы с чумой грабили народ.

Не найдя большинства из присужденных к смерти, «мятежники» удовлетворялись полным разгромом их жилья. Эта классовая расправа с угнетателями характерна тем, что при ней не допускалось никаких грабежей. Денщики высших военных чиновников (вицеадмирала Патаниоти и др.) показали, что «из вещей ничего не трогали» (фонд корп. ком., д. 57), лишь из некоторых разгромленных квартир вещи сносились в дом Иванова, очевидно, для распределения между теми, чье имущество было сожжено во время карантина. Восставшие разгромили 28 домов и квартир: 9 офицерских, 7 купеческих, 10 квартир карантинных и медицинских чиновников, 2 квартиры продовольственных комиссаров. В начале репрессии применялись только по отношению к лицам, внесенным в список «советом», но вскоре матросы флотских и рабочих экипажей, составлявшие главную массу восставших, выдвинули лозунг «Бей и коли офицеров!» Пойманных офицеров стали не только разоружать, но и убивать.

Весть, что «убьют всех генералов и офицеров», быстро облетела город. Не успевшие бежать офицеры ходили переодетыми в солдатское платье. Матросы задерживали всех вызывавших подозрение. Рядовой Макаревич показал на следствии: «Попались мне два матроса и спрашивают: «Что, ты, можешь, какой офицер?» Держат меня, говорят: «Признавайся, а то поведем в адмиралтейство» (там же).

Обыски продолжались до утра. С утра город как будто внешне успокоился.

Днем произошла своеобразная «демонстрация». Жители Корабельной слободки (главным образом женщины) потребовали, чтобы духовенство города отслужило в соборе молебен. Требование было выполнено. После молебна толпа с иконами прошла по всем улицам города. Навстречу ей выходили солдаты, отдавая честь ружьями «на караул».

Фактически вся власть была в руках восставших, полиция отсутствовала, офицеры прятались по окрестностям и на кораблях. Так продолжа-

лось до 7 июня, когда к городу были стянуты со всего Крыма большие военные силы. Жандармский майор Локателли доносил своему шефу Бенкендорфу, что 5 июня к городу прибыли Симферопольский гарнизон, Егерский полк и Балаклавский батальон. Город казался спокойным, но все «начальство не имело силы распорядиться по своей воле». Генерал Тимофеев из Феодосии доносил в штаб армии: «Писал мне 6 июня (таврический губернатор.—А. П.) прислать войска, чтоб приступить к прекращению буйства и безначалия, в сем городе продолжающегося» (там же).

До самого 7 июня трупы Сталыпина и Воробьева не были похоронены, так как «мятежники» не позволяли хоронить их с почестью и «требовали похоронить по-карантинному, как хоронили умерших от чумы» (там же). Только 7 июня трупы были похоронены, но и то «не с полной почестью».

Восставшие делали несколько попыток прорвать фронт военного оцепления вокруг города, но эти попытки окончились неудачей. Силы были слишком неравны: войска оцепления насчитывали около 3 тыс. чел.; кроме того к городу было стянуто до 2 тыс. пехоты и кавалерии и 1,5 тыс. татар под командой мурз.

Восставшие не имели твердого плана военных действий и часто не знали, что им делать. На этой почве уже с первых дней восстания возникли разногласия среди его руководителей. Так например 5 июня в Корабельную слободку явились два офицера с намерением взять стоявшие у дома Иванова пушки. Часть восставших категорически отказалась их выдать. Более всех не желали отдать пушки слесарь Фролов и один из руководителей восстания (повидимому, Иванов). Но большинство настояло на выдаче пушек под расписку с оговоркой, что «пушки возвращены добровольно» (фонд корп. ком., д. 73,А).

Военное командование, узнав через лазутчиков о настроении восставших, решило двинуть в город 12-ю пехотную дивизию. Оно не ошиблось в своих расчетах: вступившие в город войска не встретили никакого сопротивления.

Вслед за вступлением в город правительственных войск началась расправа с участниками восстания. Была создана военно-государственная комиссия под председательством генерала Джерве. Суду было предано 1580 чел., из них: матросов—412, мастеровых рабочих экипажей—970, солдат—145, матросских и солдатских жен и вдов — 423, разного оружия офицеров (за бездействие и соучастие в восстании)—46 и «разного звания людей»—84.

Несмотря на огромное количество подсудимых военно-судная комиссия быстро закончила следствие и вынесла приговоры, а с 11 августа, после утверждения их Николаем I, начались казни.

Приговор военно-судной комиссии был чрезвычайно жесток: из невоенных 75 чел. были приговорены к смертной казни, а остальные — к наказанию шпицрутенами по 3 тыс. ударов (что также было равносильно смерти), к ссылке в каторжные работы и на поселение в Сибирь, к наказанию кну-

том, розгами и т. д.; из военных и морских чинов 29-го флотского экипажа к смерти было приговорено 80 человек; к смерти же приговаривались каждый десятый из 17-го и 18-го рабочих экипажей, остальные должны были понести наказания шпицрутенами, палками, ссылкой в каторжные работы, арестантские роты и т. д.

Однако обстоятельства, предшествовавшие восстанию несмотря на старания следственной комиссии затушевать и извратить их, были настолько всем известны, а злоупотребления властей по отношению к населению настолько вопиющи, что утвердить такой чудовищный приговор не решился даже Воронцов. Он подтвердил только 7 смертных казней. В отношении матросов он заменил смертную казнь 10 матросов 29-го флотского экипажа проведением их шесть раз сквозь строй в 500 человек, т. е. 3 тыс. ударов, остальные сослались на каторгу. Из 17-го и 18-го рабочих экипажей сослались на каторгу 10 чел., многие отправлялись в арестантские роты в крепость Бобруйска. Из 430 осужденных женщин 375 были приговорены к гражданской смерти и ссылке на ка-

Наказание шпицрутенами.

Рис. Яноша.

торжные работы или поселению в Сибирь. Отправлялись арестанты к месту отбытия наказания поздней осенью, в самых тяжелых условиях. Достаточно указать, что «многие были доставлены из Севастополя в Симферополь босыми»¹.

Однако судебными приговорами не кончалась расправа. Николай I остался недоволен конфирмациями Воронцова и «повелеть соизволил принять и другие меры для истребления духа своеволия и непокорности, столь неожиданно оказавшиеся на самом деле». Царь приказал «всех женатых нижних чинов, находящихся в Севастополе, равно и имеющих там собственные дома, перевести в Херсон, а женам их и всем прочим женщинам, живущим в так называемых слободках, выдать паспорта и выслать их из Севастополя, куда кто пожелает, слободки же уничтожить совершенно. Всех отставных нижних чинов, поселившихся в Севастополе, отправить с их имуществом и семьями в Керчь и поселить их в сем городе и окрестностях его. Детей мужского пола, участников бунта всех состояний, старше пяти лет, передать в распоряжение графа Витте для отсылки через военное поселение в батальон военных кантонистов»².

Все женатые матросы, против которых вообще не было никаких улик и вина которых состояла лишь в том, что они проживали в слободках, вместе с женами и малолетними детьми были высланы в количестве 4200 чел. не в Херсон, а в Архангельск, а дети их старше восьми лет были отданы в батальоны кантонистов. Лишенные имущества и высланные из города, женщины скитались вокруг города и умирали от холода и голода, так как был издан бесчеловечный приказ, воспрещавший жителям близлежащих деревень пускать их к себе и кормить (Фонд Грейга, д. 22).

После этой жесточайшей расправы с восставшими оставалось наградить палачей и душителей восстания, которые, выполняя волю Воронцова и царя, сделали все, чтобы затушевать истинные причины восстания и злоупотре-

требления чиновников. Это и было сделано с необыкновенной щедростью. Наиболее крупные награды в виде аренды (пожизненная пенсия, равная доходу с крупного имения) получили полковник Херхеулидзе и генерал Тимофеев. Остальные были награждены «выражением высочайшего благоволения», денежными наградами от 150 до 5 тыс. руб., годовыми окладами содержания, чинами и орденами. По неполным данным, были награждены 72 офицера, 23 медицинских чиновника и бесчисленное множество гражданских чиновников вплоть до почтовых»³. Так к богатству, награбленному царскими чиновниками во время карантина, прибавлялось солидное «законное» вознаграждение и «выражение высочайшего благоволения».

6

Описанное нами восстание 1830 г. нужно рассматривать, увязывая его с массовыми движениями двадцатых и тридцатых годов XIX в., являвшимися политическим протестом против дворянского крепостного строя, против николаевской системы жесточайшего угнетения масс. Севастопольское восстание занимает среднее место между такими, чисто стихийными народными возмущениями, как выступление Семеновского полка в 1820 г., волнения крепостных крестьян и посессионных рабочих, так называемые «холерные бунты», и такими восстаниями, как декабристское и польское 1830 г. Насколько оно представлялось опасным Николаю I, видно из того, что он приказал доносить ежедневно курьерами в главную квартиру (за 3 тыс. верст) «о ходе дел при Севастополе».

Севастопольское восстание резко отличалось от современных ему «холерных бунтов», стихийно возникавших и направленных главным образом против медицинских чиновников. Политический характер этого восстания виден из того, что оно было направлено не только против отдельных офицеров и чиновников, но и вообще

¹ Крымархив. Фонд канцелярии губернатора, д. № 405. 1830 г.

² Хартахай. Цит. соч., стр. 394.

³ Крымархив. Фонд канцелярии губернатора, д. № 653. 1831 г.

против всех властей и офицерства. По словам таврического губернатора Казначеева, «были ниспровержены все власти в городе»¹, а Кондораки прибавляет, что «чернь» расправлялась не только с представителями власти, но и с зажиточным купечеством»².

В этом восстании имеется еще одна чрезвычайно характерная черта. Это — отсутствие «патриотических» чувств после удачной войны с Турцией. Наоборот, чрезвычайно тяжелое, бесправное положение в николаевской крепостнической России порождает у руководителей восстания мысль: соединившись с трудящимися татарами (которые сами уже не раз делали попытки к восстанию), отдаться под власть Турции. Необходимо отметить огромную роль, которую играли в восстании женщины, главным образом матросские жены и вдовы. Они не только

принимали активное участие в восстании и его подготовке, но многие из них стояли во главе отрядов во время ночных обысков. Наконец, важно подчеркнуть, что восстание было заранее подготовлено, намечено и имело во главе руководства группу под названием «Добрая партия», состоявшую главным образом из матросов и мастеровых.

Восстание потерпело неудачу, так как оно не имело для успеха соответствующих социальных предпосылок. Пролетариат еще только рождался как класс, а между тем «опыт всех революций и всех движений угнетенных классов... учит нас, что только пролетариат в состоянии объединить и вести за собой распыленные и отсталые слои трудящегося и эксплуатируемого населения»³ на борьбу с самодержавием, на борьбу с капитализмом, за социализм.

¹ Крымархив. Фонд канцелярии губернатора, д. № 653.

² Кондораки. Цит. соч., стр. 33.

³ Ленин. Т. XXIV, стр. 14.

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ С. С. С. Р.

Великая Октябрьская социалистическая революция принесла угнетенным народам бывшей царской России полное уничтожение национального гнета и неравенства.

Осуществив на деле лозунг партии о праве наций на самоопределение вплоть до отделения, пролетарская революция создала условия для добровольного объединения многочисленных народностей страны в единый мощный Союз советских социалистических республик. Диктатура пролетариата создала и государственную форму их объединения, обеспечивающую успешное социалистическое строительство в нашей стране.

Объединение национальных советских республик в один мощный союз явилось важнейшей предпосылкой того исключительного под'ема: экономического, политического и культурного, — который переживают сейчас все народы СССР, строящие социализм в нашей стране. Но это их объединение оказалось возможным только на базе социализма. Капитализм — особенно в его империалистической стадии, — покоящийся на розни и угнетении национальностей, не знает и не может знать примеров такого единства национальностей, направленного на мирное хозяйственное и культурное строительство. Единство цели и задач всех входящих в Советский союз народов создало возможность каждому из членов этого союза видеть сейчас в СССР свою социалистическую родину.

СССР — детище ленинской национальной политики. В советском строе пролетариат, руководимый своей партией и ее гениальными вождями Лениным и Сталиным, нашел ключ к правильному разрешению национального вопроса и «к организации устойчивого многонационального государства на началах национального равноправия и добровольности» (из резолюции XII с'езда РКП).

1

Старая, царская Россия была многонациональным государством, основанным на угнетении и эксплуатации народов, развитие которых искусственно задерживалось в условиях политического произвола и колониального хищнического грабежа. Не даром царская Россия называлась «тюрьмой народов».

Пролетарская революция вместо империалистического многонационального государства поставила свободную федерацию национальных советских республик, основанную на общности их политических, военных и хозяйственных интересов.

На положении и развитии советской федерации тяжело сказывалось историческое наследство царских времен. Таким обременяющим «наследством» были крайне различный уровень общего развития входивших в состав советской федерации народов и несогласованность, а иногда и резкое противоречие их интересов, сложившихся в течение многих веков их зависимого и угнетенного положения в прошлом. В РСФСР и связанных с нею независимых советских республиках в начале новой экономической политики числилось около 140 млн. населения, из них около 65 млн. невеликороссов, т. е. народов, не принадлежавших к господствующей ранее нации, находившихся от нее в экономической и политической зависимости. Из этих 65 млн. невеликорусского населения только часть (Украина, Белоруссия, частично Азербайджан и Армения) прошла в той или иной степени этап промышленного капитализма. Около же 30 млн. населения (Средняя Азия, большая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, баш-

киры и др.) не успело пройти капиталистического развития и почти не имело своего промышленного пролетариата. Эти «окраины» находились на положении колоний или полукolonий, поставлявших царской России сырье, которое обрабатывалось в центре. У части же этого населения (примерно около 10 млн.) были захвачены лучшие земли, а сами эти народы были вытеснены в степи и бесплодные пустыни (киргизы, башкиры и др.).

В пределах РСФСР остались от прошлого и отдельные национальные группы, не имевшие определенной территории (например евреи, цыгане и др.), которые царизм пытался просто физически истребить.

Провести при подобном различии экономического положения и при наличии национальных особенностей многих народностей, населявших Советскую республику, единую государственную форму, обеспечивающую права и интересы самых разнообразных национальностей, было чрезвычайно трудно. Такая форма государственного союза была создана в виде федерации с применением различных видов советской автономии.

Обязательным условием такой федерации являлся добровольный характер вступления в нее всех ее участников.

Одним из первых мероприятий пролетариата, ставшего у власти в октябре 1917 г., было проведение в жизнь положений «Декларации прав народов России» о национальном самоопределении всех народов, населявших Страну советов. Уже этой «Декларацией» был расчищен путь для совершенно добровольного государственного объединения всех национальностей Советской России.

Товарищ Сталин в тезисах своего доклада к XII съезду партии писал, что результаты Октябрьской революции не исчерпываются уничтожением национального гнета и созданием почвы для объединения народов.

«В ходе своего развития,— писал товарищ Сталин,— Октябрьская революция выработала еще формы этого объединения, наметила основные линии, по которым должно строиться объединение народов в одно союзное государство».

Еще на III съезде советов, в январе 1918 г., была намечена новая форма пролетарского государства. В резолюции «О федеративных учреждениях Российской республики» было сказано: «Российская социалистическая советская республика учреждается на основе добровольного союза народов России, как Федерация советских республик этих народов».

Летом 1918 г., на V всероссийском съезде советов, была принята основанная на этих принципах Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. В это время от Страны советов были временно оторваны и Белоруссия, и Украина, и Закавказье.

На VIII съезде партии в 1919 г. при обсуждении программы партии в защиту федерации как наиболее целесообразной формы объединения советских республик выступил Ленин. Совершенно естественно, что именно советские республики, открывшие широчайший простор для развития культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, должны были для своего политического объединения принять федеративное устройство. Федеративная форма государства давала наибольший простор росту национальной культуры, поскольку национальные республики, объединив свои внешние сношения, свои вооруженные силы и свое хозяйство, оставались автономными в вопросах культуры. На вопросе, почему для победы социализма нужен братский союз советских республик, Ленин останавливался неоднократно. Признавая федерацию переходной формой к полному единству, Ленин еще в 1920 г. в тезисах по национальному и колониальному вопросам ко II конгрессу Коминтерна указывал, что без теснейшего союза советских республик невозможно отстоять существование советской власти и без экономического их союза неосуществимо восстановление разрушенных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся. В заключительной части тезисов В. И. Ленин писал: «Без добровольного стремления к союзу и единству со стороны пролетариата, а затем и всех трудящихся масс всех стран и наций всего мира дело

победы над капитализмом не может быть успешно завершено»¹.

Эту мысль Ленин подчеркивал неоднократно. Когда Кавказ был освобожден усилиями восставших трудящихся из-под власти слуг международного империализма: меньшевиков Грузии, муссаватистов Азербайджана и дашнаков Армении, — В. И. Ленин обратился 14 апреля 1921 г. с приветствием к коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении и Дагестана, в котором писал:

«Горячо приветствуя советские республики Кавказа, я позволю себе выразить надежду, что их тесный союз создаст образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного при буржуазном строе»².

Подводя итоги вопроса об изменении форм сотрудничества народов, товарищ Сталин писал в своих тезисах к XII съезду:

«В первый период революции, когда трудовые массы национальностей впервые почувствовали себя самостоятельными национальными величинами, между тем как угроза иностранной интервенции не представляла еще реальной опасности, — сотрудничество народов не имело еще вполне определенной, строго установившейся формы. В период гражданской войны и интервенции, когда интересы военной самозащиты национальных республик выступили на первый план, между тем, как вопросы хозяйственного строительства не стояли еще на очереди, сотрудничество приняло форму военного союза».

Таким образом, Ленин и Сталин рассматривали вопрос о создании государственного союза национальных республик Советской России как одно из важнейших средств укрепления диктатуры пролетариата, обеспечения мира для дальнейшего процветания народов и создания условий победоносного социалистического строительства в нашей стране.

2

Победоносное окончание гражданской войны еще решительнее поставило перед Советской республикой в качестве основной задачи нашей ре-

волюции задачу построения социалистического общества. Для этого нужно было прежде всего восстановить народное хозяйство, разрушенное семью годами войны империалистической и гражданской. Переход к восстановлению всего народного хозяйства на основах социализма требовал хозяйственного объединения советских республик. Целый ряд мероприятий советской власти шел по пути создания этого единства.

Осуществление электрификации ГОЭЛРО — этой второй программы партии, как говорил Ленин, — базировалось на основе возможности построения социализма в одной стране. Из этого же основного положения исходил Госплан, когда создавал свой проект районирования.

Задача восстановления тяжелой промышленности особенно резко ставила вопрос о хозяйственном объединении. Центром тяжелой и угольной промышленности являлся Донбасс, т. е. Украина, центром нефтяной промышленности — Баку, т. е. Азербайджан, центром марганцевой промышленности — Чиатуры, т. е. Грузия, центром хлопководства — среднеазиатские республики, а центром текстильной промышленности — Москва и Иваново, т. е. центральная часть РСФСР.

Вести социалистическое хозяйство в таких условиях возможно было только при объединении всех республик в одно государство. Но в этот период все советские республики были связаны между собой только договорными отношениями. Политически же они именно в эти годы оформились как самостоятельные советские республики.

В 1918 г. Советская Украина объявила себя самостоятельной на Всеукраинском съезде советов в Екатеринославе. В 1919 г. была образована самостоятельная социалистическая республика Белоруссии. В 1920 г. образовалась самостоятельная Азербайджанская ССР. В 1921 г. образовались после свержения господства меньшевиков ССР Грузии и после свержения власти дашнаков ССР Армении. Все эти независимые республики по мере своего освобождения входили в определенные договорные отношения с РСФСР и в первую очередь образова-

¹ Ленин. Т. XXV, стр. 29.

² Ленин. Т. XXVI, стр. 191.

ли военный союз, который и дал возможность всем республикам победоносно окончить гражданскую войну.

Но эта договорная форма отношений становилась недостаточной не только с точки зрения хозяйственных, но и международных интересов всех советских республик.

Потерпев неудачу в открытой военной интервенции, мировой империализм перешел к новым методам борьбы против Советской России. Он пытался сорвать начинавшееся строительство социалистического хозяйства путем экономической блокады и бойкота. Наиболее ярким эпизодом этой борьбы была международная экономическая конференция в Генуе, заседавшая с 10 апреля по 19 мая 1922 г. Генуэзская конференция была созвана по постановлению совещания Верховного совета союзных держав в Каннах «для изыскания мер к экономическому восстановлению Центральной и Восточной Европы».

При обсуждении вопроса о кредитах Советской России для восстановления ее хозяйственной жизни империалисты потребовали от советских республик таких политических и экономических гарантий, которые превратили бы их в фактические колонии империалистических государств. Советская делегация в составе представителей РСФСР, Украины и только что объединившихся в Закавказскую федерацию Азербайджана, Грузии и Армении, выступавшая дружно и сплоченно, отвергла эти претензии империалистов и дала решительный отпор посягательствам мирового империализма на независимость Советской России. Таким образом, Генуэзская конференция очень наглядно показала значение объединенного дипломатического представительства советских республик.

Для отпора империалистам чрезвычайно важное значение имело провозглашение 12 марта 1922 г. Закавказской федерации советских республик: Азербайджана, Грузии и Армении. Этим самым создавался единый фронт всех закавказских народов. На их прежнюю национальную рознь и вражду империалисты возлагали прежде всего свои надежды в погоне за нефтью.

Против образования Закавказской федерации боролись грузинские уклонисты с троцкистом Буду Мдивани во главе, всей своей политикой способствуя планам и расчетам империалистов. Ленин и Сталин, разгромив националистическую оппозицию грузинских уклонистов, были инициаторами образования Закавказской федерации, укрепившей братский союз народов Закавказья.

Вся внешняя политика советских республик была политикой борьбы за мир, против новой войны. Между тем попытки империалистов всеми средствами осуществить свои хищнические цели в отношении РСФСР продолжались.

Расторжение договора с Уркартом, требовавшим под видом концессий возвращения ему крупнейших предприятий на Урале и в Сибири, вызвало резкое ухудшение отношений Англии с РСФСР. Они еще более ухудшились с приходом к власти английских консерваторов (ноябрь 1922 г.) и достигли наибольшей остроты в мае 1923 г. (ультиматум Керзона).

Все это с еще большей настоятельностью указывало на необходимость объединения не только хозяйственной, но и внешней политики всех советских республик.

3

Начатое Лениным дело объединения советских республик в один могучий союз завершил его лучший ученик — товарищ Сталин.

Как только смолкли пушки гражданской войны, именно товарищ Сталин снова поставил вопрос о государственном объединении советских республик для совместного строительства социализма объединенными силами. В тезисах доклада товарища Сталина «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», написанных к X партсъезду, был теоретически разработан вопрос о необходимости создания союза всех советских республик. В тезисе четвертом товарищ Сталин писал: «Освободившись от «своей» и «чужой» буржуазии, национальные советские республики могут отстаивать свое существование и победить соединенные силы империализма,

лишь объединившись в тесной государственной союз или они вовсе не победят».

Инициатива объединения исходила от азербайджан, грузин и армян, которых поддержали украинцы и белорусы. В самом названии намечаемого по их инициативе государства отразилась руководящая политическая идея, которую сформулировал товарищ Сталин. Это идея о том, что «новое союзное государство послужит новым решительным шагом по пути к объединению трудящихся всего мира в единую мировую социалистическую советскую республику».

Необходимость объединения для строительства социалистического хозяйства подчеркнули в своих выступлениях на X всероссийском съезде советов и представители отдельных советских республик. Так, представитель Азербайджана тов. Мусабеков сказал: «Тот же бакинский рабочий совместно с азербайджанским крестьянином с первого дня советизации Азербайджана заявил, что нефть, которой Азербайджан питает все советские страны, не является достоянием лишь пролетариата Азербайджана, а является достоянием пролетариата всех советских стран».

Фактическая история образования СССР такова. I закавказский съезд советов, открывшийся 10 декабря 1922 г., обратился в президиум ВЦИК с предложением обсудить вопрос об образовании СССР и затем поставить его на соединенном съезде советов четырех республик. 10 декабря открылся VII всеукраинский съезд советов, получивший приветствие от В. И. Ленина, в котором говорилось: «Одним из самых важных вопросов, который предстоит разрешить съезду, является вопрос об объединении республик»¹.

На Всеукраинском съезде с докладом «О союзном объединении советских республик» выступил тов. М. Фрунзе. Съезд принял постановление об основах этого объединения и обратился с ним в президиум ВЦИК. IV всебелорусский съезд советов также единогласно постановил войти в СССР.

Президиум ВЦИК, обсудив эти предложения, решил поставить в порядок

дня X всероссийского съезда советов доклад «Об объединении советских республик» и выдвинул докладчиком товарища Сталина.

Товарищ Сталин изложил основы государственного устройства будущего союза и указал на необходимость создания общесоюзных наркоматов и таких наркоматов, которые останутся в ведении отдельных республик (культура, суд и т. п.). Товарищ Сталин подчеркнул, что «это необходимо как реальное условие, обеспечивающее свободу национального развития народов, входящих в состав советских республик»².

В резолюции, предложенной товарищем Сталиным и принятой единогласно съездом, указаны своевременность объединения, а также основы этого объединения: «В основу объединения положить принцип добровольности и равноправия республик, с сохранением за каждой из них права свободного выхода из Союза Республик»³.

Съезд избрал делегацию от РСФСР во главе с товарищем Сталиным на конференцию представителей четырех республик для выработки основ декларации об образовании СССР и для подписания договора. Конференция заседала 29 декабря и представила на утверждение открывшегося 30 декабря 1922 г. I съезда советов Союза советских социалистических республик проект декларации об объединении советских республик в Союз ССР.

I съезд советов СССР открылся в исключительно торжественной обстановке. Почетным председателем съезда был избран В. И. Ленин. Председателем съезда был избран М. И. Калинин. Доклад «Об объединении советских республик» сделал товарищ Сталин. Товарищ Сталин подчеркнул, что съезд советов союзных республик кладет веши между старым, уже пройденным периодом, когда советские республики хотя и действовали вместе, но шли врозь, и между новым периодом, когда отдельному существованию советских республик кладется конец. Республики объединяются в единое союзное государство для успешной борьбы с хозяйственной разрухой, ибо теперь совет-

² «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 94.

³ Там же.

¹ Ленин. Т. XXVII, стр. 378.

ская власть думает уже не только о существовании, но и о том, чтобы развиться в серьезную международную силу.

Товарищ Сталин подчеркнул при этом основную задачу Союза советских республик: «Чтобы разбить и ликвидировать разруху, необходимо сложить силы всех советских республик. Необходимо все финансовые и экономические возможности республик бросить в дело восстановления основных отраслей нашей промышленности. Отсюда необходимость объединения советских республик в одно союзное государство»¹.

Подчеркивая всемирноисторическое значение основания СССР, товарищ Сталин закончил: «Сегодняшний день является не только итоговым, он является вместе с тем днем торжества новой России над старой, над Россией—жандармом Европы, над Россией—палачом Азии. Сегодняшний день является днем торжества новой России, разбившей цепи национального угнетения, организовавшей победу над капиталом, создавшей диктатуру пролетариата, разбудившей народы Востока, вдохновляющей рабочих Запада, превратившей красный стяг из знамени партийного в знамя государственное и собравшей вокруг этого знамени народы советских республик для того, чтобы объединить их в одно государство, в Союз Советских Социалистических Республик—прообраз грядущей мировой Советской Социалистической Республики»².

С'езд принял в основном «Декларацию об образовании Союза Советских Социалистических Республик» и «Договор об образовании СССР». С'езд, далее, поручил избранному им ЦИК СССР выработать проект Конституции СССР и внести его на предварительное утверждение II сессии ЦИК, с тем чтобы его утвердил окончательно II с'езд советов.

С'езд выделил ЦИК СССР, который избрал президиум и четырех председателей от республик, создавших СССР.

Комиссией товарища Сталина была сформулирована Конституция СССР,

¹ «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 96—97.

² Там же.

принятая на II сессии ЦИК СССР 6 июля 1923 г. Окончательно же Конституция СССР была утверждена на II с'езде советов в январе 1924 г. На II сессии был также утвержден Союзный Совет Народных Комиссаров во главе с председателем В. И. Лениным.

В процессе разработки Конституции, по инициативе товарища Сталина, для обеспечения прав национальностей был создан Совет Национальностей.

Вся история создания Союза Советских Социалистических Республик и его Конституции (основного закона) связана с громадной исторической работой товарища Сталина, под непосредственным руководством которого был создан СССР и была выработана его Конституция.

С тех пор прошло 12 лет. Завет Ленина выполнен: Россия нэповская стала Россией социалистической. Социалистический уклад стал «безраздельно господствующей и единственно командующей силой во всем народном хозяйстве». Резко изменилась в пользу социализма расстановка классовых сил в стране. Основываясь на этих величайших достижениях страны социализма, VII с'езд советов вынес свое историческое решение об изменениях в советской Конституции, дающих возможность развернуть советский демократизм до конца.

Величайшая наша победа, как указал товарищ Молотов в своем докладе, состоит в том, что «в советском государстве рабочие города и трудящиеся деревни впервые в истории слились в одну семью, в семью строителей социализма».

В этой семье строителей социализма незаметно и повседневно стирается то фактическое неравенство, которое еще оставалось у 65 миллионов невеликорусского населения даже тогда, когда социалистический Октябрь широко раскрыл двери царской «тюрьмы народов». Семь советских социалистических республик, составляющих великий и несокрушимый Союз социалистического труда, представляют всемирноисторический образец единственно правильного и возможного не только формального, но и фактического разрешения национального вопроса.

Н. Сидорова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КЛУБЫ ПАРИЖА НАКАНУНЕ КОММУНЫ 1871 года

1

В своем замечательном первом наброске «Гражданской войны во Франции» Маркс охарактеризовал революцию 1871 г. следующими словами: «Это не была революция с целью передать государственную власть из рук одной части господствующих классов в руки другой; это была революция с целью разбить всю эту страшную машину классового господства... только рабочий класс мог сформулировать в слове «Коммуна» и впервые воплотить в жизнь в боевой Парижской Коммуне это новое устремление»¹. «Инициатива» героических парижских рабочих, впервые в истории создавших диктатуру пролетариата, получила чрезвычайно высокую оценку со стороны гениальных вождей рабочего класса: Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Именно влиянием парижских рабочих объясняется тот факт, что Коммуна во многом поступала совершенно правильно, несмотря на то, что руководство ею делили между собой две партии, из которых ни одна не являлась действительно революционной. «Революционный инстинкт рабочего класса прорывается вопреки ошибочным теоретическим предположениям»², — писал Ленин в 1905 г. «Коммуны не понимали те, кто ее творил, они творили чутьем гениально проснувшихся масс, и ни одна фракция французских социалистов не создавала, что она делает»³, — писал Ленин позднее.

Основными проводниками пролетарского влияния на Коммуну, наиболее опасными для буржуазии очагами политического и революционного воспитания парижских рабочих были политические клубы⁴. Политические клубы, источники «красной опасности», сыгравшие такую большую роль в период господства Коммуны, имели не меньшее значение и в период ее подготовки.

Роль пролетарских клубов как опорных пунктов рабочего движения в период подготовки революции подчеркивалась Марксом и Энгельсом в «Обращении ЦК к Союзу коммунистов» (март 1850 г.), где основоположники марксизма, выдвигая задачу создания самостоятельной организации рабочей партии, уделяли самое пристальное внимание и делу организации рабочих клубов. Указывая, что в процессе развития революции в Германии мелкобуржуазная демократия может на определенный период получить большое влияние, Маркс и Энгельс требовали, чтобы члены Союза коммунистов и рабочие создавали рядом с новым, официальным правительством «свои собственные революционные рабочие правительства, в форме ли правлений общин, общинных советов, или в форме рабочих клубов, или рабочих комитетов, так чтобы буржуазные демократические правительства не только немедленно утратили опору среди рабочих, но и увидели бы себя с самого начала под угрозой и под контролем такой власти, за которой стоит вся рабочая масса»⁵.

² Лен. сб. XVI, стр. 286.

³ Ленин. Т. XXII, стр. 352.

⁴ С. м. Молок. «Очерки быта и культуры Парижской коммуны 1871 г.».

⁵ Маркс—Энгельс. Т. VIII, стр. 485.

¹ Архив Маркса—Энгельса. Т. III (VIII), стр. 325.

И далее: «Чтобы быть в состоянии энергично выступить здесь против демократических мелких буржуа, рабочие прежде всего должны быть самостоятельно организованы и централизованы в клубы. После свержения существующих правительств Центральный комитет, как только это станет возможным, немедленно будет перенесен в Германию, немедленно созывает конгресс и внесет на его рассмотрение необходимые предложения относительно централизации рабочих клубов под руководством правления, находящегося в главном центре движения. Быстрая организация, по крайней мере, провинциального объединения рабочих клубов составляет одно из важнейших условий для усиления и развития рабочей партии»¹.

Указания Маркса и Энгельса на огромное значение рабочих клубов в борьбе пролетариата за власть получили практическое осуществление во Франции в 1870 г., когда после народной революции 4 сентября, свергнувшей монархию, Париж покрылся сетью политических клубов. Отсутствие подлинной пролетарской партии во Франции не дало возможности рабочим клубам Парижа сыграть ту роль зачаточных органов революционной власти, о которой писали Маркс и Энгельс, но, тем не менее, их значение в организации рабочего класса было необычайно велико. Рабочие клубы Парижа этого периода были единственными настоящими выразителями политических чаяний и стремлений самых глубоких слоев парижских пролетариев; рабочим клубам удалось создать трибуну, с которой провозглашались самые радикальные предложения и где обсуждались программно-политические установки будущей Коммуны. Влияние клубов выходило далеко за пределы простых публичных собраний. Рабочие клубы этого периода были живыми и подвижными организациями «гениально проснувшихся масс». Они давали революционные ответы на вопросы дня и принимали самое активное участие во всех крупных боях парижских рабочих с буржуазным правительством.

¹ Маркс — Энгельс. Т. VIII, стр. 486.

В этих клубах парижские пролетарии стремились найти руководящий центр, в них они видели организацию, способную объединить их усилия. Этим объясняется широкий рост клубного движения в период после революции 4 сентября 1870 г.

Клубы этого периода («Клуб белой королевы», «Клуб революции», «Клуб Фавье», клуб «Отечество в опасности» и огромное количество других) имели, несомненно, самую тесную связь с публичными собраниями, допущенными еще при империи по закону 1868 г. Закон не разрешал создания постоянных руководящих органов, которые могли бы действовать в промежутках между собраниями, кроме этого он ограничивал повестку дня последних, запрещая ставить на обсуждение политические и религиозные вопросы. Клубы после 4 сентября 1870 г. отменили все ограничения, связывавшие активность народных масс: на их заседаниях свободно трактовались любые вопросы.

Все клубы имели своих организаторов (организаторы подыскивали помещение для клуба, печатали объявления о собраниях клуба в газетах, собирали вокруг себя широкий актив единомышленников), но не всегда состав этих организаторов совпадал с руководящим составом каждого заседания, т. е. с бюро. В некоторых, наиболее умеренных клубах бюро выбиралось ежевечерне, без заранее намеченных кандидатов; в других, более левых, голосование происходило по заранее составленным спискам, что позволяло организаторам проводить желательных им кандидатов в бюро при тех же ежевечерних выборах. В рабочих клубах отказ от организационной расплывчатости был еще решительнее. В качестве образца подобного клуба можно привести «Клуб революции», Монмартрского района. Он имел два рода членов: «активных» и «пассивных». Только первые могли участвовать в избрании бюро и присутствовать на закрытых заседаниях. У «активных» членов были именные билеты, удостоверявшие их личность и принадлежность к клубу. Для того чтобы попасть в «активные», нужно было подписать определенную программу из нескольких пунктов. В чи-

сле этих пунктов было требование всемирной Республики как политической цели и коллективизма, как цели экономической и социальной. Для достижения этих целей клуб требовал от своих членов борьбы за Коммуну. После подписания подобной программы вступающий в члены клуба утверждался на Общем собрании¹. Аналогичную организацию Центрального республиканского клуба намечал и ЦК 20 округов, выступивший в ноябре 1870 г. с проектом организации Центрального клуба. Программа этого клуба была опубликована на страницах бланкистской газеты «Отечество в опасности». В своей декларации ЦК объявлял, что действительными членами Центрального клуба могут быть только члены ЦК (лица, делегированные окружными комитетами по 3 человека от каждого комитета) и что лишь они будут назначать бюро и принимать решения. В качестве простых членов клуба ЦК 20 округов допускал всех членов республиканских социалистических комитетов 20 округов (весь состав «комитетов бдительности» — районных органов ЦК 20 округов), делегатов клубов и республиканско-социалистических комитетов, основанных провинциальными демократами и жившими в Париже демократами французских колоний и иностранных государств. Кроме того на правах простых членов допускались делегаты рабочих республиканско-социалистических ассоциаций и, наконец, все лица, изъявившие согласие с принципами ЦК 20 округов. Эта декларация доказывает, что наиболее сознательная часть ЦК 20 округов стремилась организованно выделить революционные элементы из общей массы парижского населения. Имеются сведения о том, что постоянное бюро имело также клуб бланкистов, принявший название бланкистской газеты — «Отечество в опасности»². Заседания

¹ «Le Combat» № 75 от 29/XI 1870 г. (указание на этот факт так же, как и на некоторые другие, имеющиеся в данной статье, см. в работе Вайнштейна сб. «Парижская коммуна». Партиздат. 1932 и в работе Лукина «Парижская коммуна». 4-е изд.).

² «La Patrie en danger» № 25, 5/X; № 48, 28/X 1870.

народных клубов отражали острую классовую борьбу, развернувшуюся в стране.

Руководством клубами стремились овладеть различные непролетарские элементы. Любопытное описание этой борьбы в клубе «Фоли бержер» оставил нам Молинали (контрреволюционный «историк» красных клубов, добровольный шпион «правительства национальной обороны»). «Красные», имевшие там вначале большинство, определяли состав бюро. Но мало-помалу в «Фоли бержер» (открылся первым после революции) начали проникать реакционные элементы. Каждый вечер выборы в бюро превращались в длительные диспуты. В конце концов, борьба закончилась победой умеренных элементов³. Очевидно, в связи с подобными инцидентами некоторые клубы отказались от практики открытых заседаний. Наиболее важные вопросы разрешались в порядке секретного обсуждения в присутствии одних «активных» членов. На эти заседания вход был только по членским билетам. Среди клубов, практиковавших закрытые заседания, нам известны пролетарские клубы Монмартра: «Клуб белой королевы» и «Клуб революции». Встречались и такие, которые вообще не допускали открытых заседаний («Клуб на улице Шаронь»)⁴.

Помимо вопросов внутренней организации клубы этого периода занимались также установлением взаимных связей. Известны следующие попытки в этом отношении. На одном из заседаний «Клуба революции», в декабре 1870 г., председатель объявил о начавшихся переговорах между клубами 18-го округа (пролетарский район) в целях создания особой федерации. Наиболее тесные отношения были достигнуты между «Клубом революции» и «Клубом белой королевы». Кроме подобных попыток установить организационную связь между клубами (к ним, конечно, необходимо отнести и проект ЦК 20 округов, разобранный выше) в предмартовский период была широко распространена посылка де-

³ Molinari «Les clubs rouges pendant le siège de Paris», p. 10. 1871.

⁴ «Enquête parlementaire sur les actes du Couver, de la déf. nat.» V. V. p. 149. 1875.

легаций от одного клуба к другому. Делегации вносили на обсуждение различные декларации, принятые на заседаниях того клуба, представителями которого они являлись, и стремились достигнуть координации в действиях. Известен факт выступления делегации бельвилльского «Клуба Фавье» в уже упоминавшемся «Фоли бержер», относящийся к декабрю 1870 г. Делегация предложила собранию поддержать резолюцию, принятую бельвилльцами, в которой правительству было предъявлено требование всеобщей реквизиции продуктов у частных лиц и торговцев и их нормированного распределения: неимущим — бесплатно, богатым — за деньги. В этом же месяце (реакция и осада заставляли революционные силы спланиваться крепче) «Клуб белой королевы» принял делегацию от «Клуба революции», которая объявила собранию решение о том, чтобы знаменем Коммуны было красное знамя. В этот же период «Клуб белой королевы» принял делегацию от «Клуба медицинской школы», предложившую на обсуждение резолюцию, в которой требовалась отмена правительственных декретов о назначении высшего командования в национальной гвардии (пролетарские кадры национальной гвардии, несомненно, имели самую тесную связь с пролетарскими клубами) ¹.

Из приведенных фактов ясно вырисовывается тенденция к установлению организационного единства со стороны наиболее передовых пролетарских клубов. Отчеты полицейской префектуры за этот период также подчеркивают рост объединения пролетарских организаций.

Эта тенденция к собиранию пролетарских сил в период подготовки новой революции проявлялась клубами и в отношении «комитетов бдительности». Многие клубы поддерживали первые ростки революционной власти в округах. «Комитеты бдительности» в свою очередь старались в проведении тех или иных решений опираться на клубы. Члены «комитетов» приходили на заседания клубов, сообщали там о своих планах и дей-

ствиях, чутко прислушивались к голосу собравшихся. Например «Клуб белой королевы» обсуждал кандидатов в Коммуну, выдвинутых «комитетом бдительности» 17-го округа, и заслушивал сообщение о мерах, принятых «комитетом бдительности» в связи с аннулированием выборов в 20-м округе (в округе прошли революционные кандидаты на должности мэра и его помощников). «Клуб революции» обсуждал реорганизацию «комитета бдительности» 18-го округа и факт выделения 4 делегатов в центральный комитет 20 округов ². Клуб «Отечество в опасности» требовал назначения кандидатов в «комитет бдительности» 1-го округа. Этот же клуб выступал против правительства, защищая права «комитетов» и протестуя против игнорирования их ³. Словом, налицо была связь между клубами и органами ЦК 20 округов на местах. Связь между этими революционными организациями проявлялась также и в том, что комитеты выступали иногда в качестве основателей клубов.

Последнее, что дает понятие об организационной работе клубов,—это маленькая, но характерная черточка—ежевечерняя плата за вход на собрания (эти ежевечерние взносы заменяли членские). Наиболее пролетарские клубы (как например бельвилльский «Клуб Фавье»), несмотря на скудость средств в своих кассах брали только по 10 сантимов с человека, другие, более умеренные, назначали плату уже в 25 сантимов, а самые умеренные огораживались от притока нежелательных элементов разовой платой в 50 сантимов (клуб в зале «Валентино» ⁴). Так размер платы за вход характеризовал социальное лицо клубов.

2

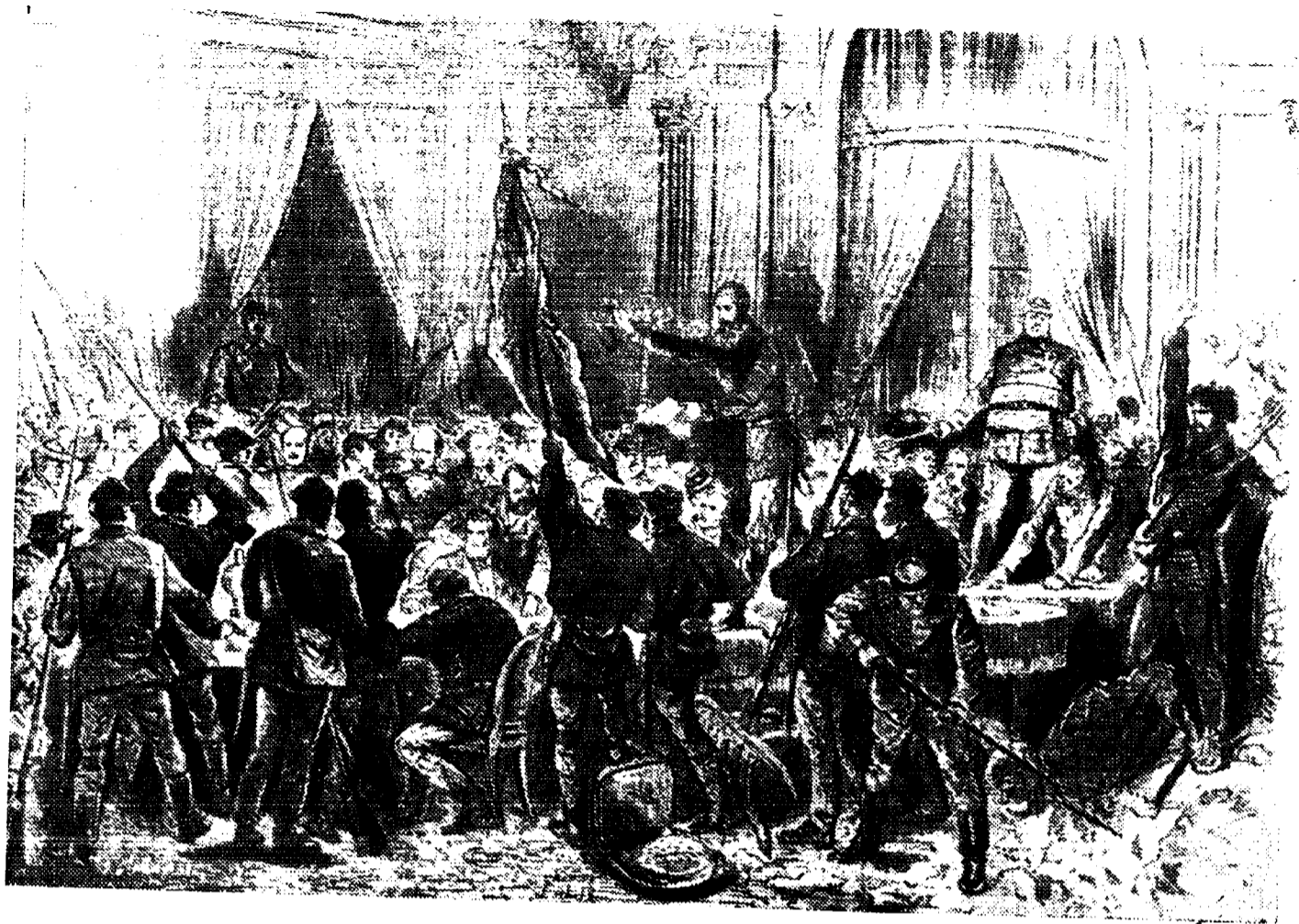
Какова же была программа пролетарских клубов того времени? Основным вопросом, обсуждавшимся на заседаниях клубов, был вопрос о Ком-

² Molinari, pp. 80, 167, 172.

³ «La Patrie en danger» №№ 5, 12, 63. 1870.

⁴ Molinari, p. 12.

¹ Molinari, pp. 156, 167, 185.

Восстание 31 октября 1870 г. в Париже. Рис. из журнала «Le monde illustré». (Музей ИМЭЛ).

муне. Обсуждали принципиальную необходимость осуществления власти Коммуны, ее программу и задачи, состав и порядок выборов; конкретно обсуждали и кандидатуры делегатов. Вопрос о Коммуне являлся наиболее актуальным и стоял на большой принципиальной высоте в пролетарских клубах. Рабочие Парижа гораздо правильнее чем их тогдашние вожди понимали классовую сущность будущей власти. Характерно, что вопрос о Коммуне неизменно связывался с вопросом о негодности «правительства национальной обороны». Первые протесты против правительства раздалась в клубах уже в сентябре 1870 г., буквально через несколько дней после революции. В конце сентября клуб «Отечество в опасности» лишил слова защитников «правительства национальной обороны». На повестке дня бланкистского клуба был поставлен вопрос о Коммуне в связи с обсуждением вопроса о задачах обороны Парижа. Оратор требовал избрания Коммуны, так как, по его мнению, только Коммуна, облеченная «в силу своего происхождения властью, достаточно

сильной для того, чтобы сломить всякое сопротивление», сможет установить единое руководство уже имеющимися в Париже революционными организациями (ЦК 20 округов, «комитеты бдительности», собрания батальонов национальной гвардии и т. д.)¹.

Заседание клуба, проходившее под председательством самого Бланки, горячо приветствовало слова оратора.

С начала октября вопрос о Коммуне обсуждался на заседаниях всех революционных клубов, которые требовали ее немедленных выборов. Прокатилась волна общественных собраний, обсуждавших этот же вопрос. Газеты пестрели извещениями о предвыборных заседаниях в клубах, повестка дня которых была везде одна и та же — назначение и обсуждение кандидатур в будущую Парижскую коммуну.

«Клуб Батиньоль» принял программу, в которой утверждал, что «завоевание республиканского строя может быть достигнуто лишь теми гражданами, которые отстаивают револю-

¹ Molinari, pp. 40—41.

ционные принципы», что «революция — это война с роялистами как прусскими, так и французскими, война с эксплуататорами человека», что в будущей республике «единственным законным и легальным средством существования» будет труд. В качестве первого конкретного шага к осуществлению этой программы клуб требовал от правительства назначения выборов Коммуны, причем спешил заявить, что если правительственного разрешения на это дано не будет, выборы пройдут без него. В конце октября вопрос о Коммуне ставился клубами все решительнее и решительнее¹. Ораторы с трибун вели открытую антиправительственную агитацию. В ноябре и декабре эта агитация усиливается. Клубы четко ставят вопрос о том, что «правительство национальной обороны» собирается столкнуться с пруссаками, в то время как с социалистами оно не столкнется никогда. Клубы «Фавье», «Революции» и «Марсельезы» обвиняют правительство в измене и требуют передачи всей власти в руки Коммуны. Рапорты полицейской префектуры содержат все более тревожные для буржуазии вести о намерениях «Клуба Фавье», об организационной работе по подготовке восстания в батальонах Бельвилля. «Да здравствует Коммуна!», «Долой правительство!» неизменно повторяется в речах клубных ораторов². Пролетарские клубы мыслили Коммуну как классовое, пролетарское и социалистическое правительство. «Достаточно адвокатов! Достаточно журналистов! Достаточно поэтов и мечтателей!» — провозглашали ораторы на народных собраниях, отвергая кандидатуры В. Гюго, Луи Блана, Феликса Пиа и Шарля Делеклюза. «Избранные в Коммуну должны явиться из недр народа»³. Рабочие требовали от своего будущего правительства установления такого порядка вещей, при котором была бы ликвидирована эксплуатация. «То, что нам нужно, — это

Коммуна, представленная пролетариатом!» — восклицал оратор в «Клубе революции»⁴. В этом же клубе собравшиеся громом аплодисментов приветствовали оратора, закончившего свою речь следующими словами. «Спасая Париж, — говорил он о Коммуне, — а вместе с Парижем — Францию, она будет иметь право поставить свои условия департаментам. Если они захотят, например, навязать Парижу реставрацию монархии, не будет ли Коммуна иметь право отклонить это (реплики: «Конечно!»), и не будет ли обязанностью Коммуны защищать силой Парижскую республику перед лицом провинциальной реакции?»⁵.

Рабочие требовали от Коммуны партийности. Так например народное собрание Бельвилльского района приняло резолюцию о том, чтобы вся Коммуна была «составлена исключительно из революционных республиканцев и испытанных социалистов, известных своей преданностью республике»⁶. Все прочие кандидаты должны были быть беспощадно отвергнуты.

✓ В таком революционном духе разрешали клубы вопрос о Парижской коммуне. Однако важно отметить, что вопрос о Коммуне все время был тесно связан с вопросом о национальной обороне. Нельзя сказать, что клубы ставили вопрос о Коммуне, исходя только из задач обороны, но нельзя также затушевывать и тот факт, что одной из своих основных обязанностей они считали именно защиту Парижа и Франции от пруссаков⁷. «Восставший против старого режима пролетариат взял на себя две задачи: общенациональную и классовую: освобождение Франции от нашествия Германии и социалистическое освобождение рабочих от капитализма»⁸.

Вопросами обороны Парижа клубы занимались очень много с первых же

⁴ «Enquête parlementaire sur les actes...» pp. 171, 177.

⁵ Molinari, p. 148.

⁶ «La Patrie en danger» № 33, 13/X 1870.

⁷ О патриотических настроениях французских социалистов (членов Интернационала) см. статьи Козлова в № 10 «Борьбы классов» за 1934 г. и Лукина «I интернационал и Парижская коммуна» в № 10 «Борьбы классов» за 1933 г.

⁸ Ленин. Т. XII, стр. 162.

¹ «Les Murailles politiques». I, p. 255. 1874.

² «Enquête parlementaire sur les actes...» V. V, pp. 168—171, 176, 180. 1875.

³ «La Patrie en danger» № 28, 8/X 1870.

дней своего возникновения. Они обсуждали вопросы всеобщей мобилизации, методы лучшего вооружения национальной гвардии, всевозможные планы борьбы с пруссаками. Клубы пытались даже наладить контроль над частными предприятиями, работавшими на оборону. Раздавались требования смертной казни для изменников родины.

В настроении французского пролетариата в этот период огромную роль играли моменты патриотизма. Это объяснялось, конечно, тем, что «в соединении противоречивых задач—патриотизма и социализма—была роковая ошибка французских социалистов»¹. Но вместе с тем убеждение в том, что «правительство национальной обороны» есть фактически «правительство национальной измены», еще больше стимулировало стремление пролетариата к Коммуне, стремление взять власть в свои руки.

Большое место уделяли клубы продовольственному вопросу. Они начали его обсуждать с первых дней сентября².

Связывая разрешение продовольственных и жилищных затруднений с общим вопросом о Коммуне, пролетарские слои Парижа в то же время выдвигали ряд конкретных предложений, которые должны были немедленно облегчить их положение. Среди них фигурировали прежде всего требования нормированного распределения продуктов и переписи населения для точного учета лиц, которые должны получать паек, предложения реквизировать птицу в пользу раненых, молоко—в пользу кормящих матерей и закрыть рестораны, начав с наиболее крупных. Был поставлен вопрос о принудительном изъятии запасов материи и готового платья. Все подобные предложения с энтузиазмом принимались аудиторией.

Массы пытались самостоятельно облегчить свое положение. В газетах с сентября уже появляются сообщения о фактах помощи неимущим гражданам со стороны национальных гвардейцев. Бедняки, выброшенные вла-

дельцами из квартир за невзнос платы, насильственно вселялись обратно, причем дело доходило до крупных стычек³.

В октябре известны случаи, когда население самостоятельно расправлялось со спекулянтами, вздувавшими цены. На бульваре «Батиньоль» толпа закрыла лавку и повесила объявление: «Закрыта, так как грабила народ»⁴. Беднейшие слои Парижа не останавливались и перед самовольной реквизицией продуктов. Клубы откликались на требования масс специальными резолюциями, в которых ставился вопрос о всеобщей реквизиции и бесплатном распределении предметов первой необходимости. В ноябре положение ухудшилось. Газеты регистрировали случаи бунтов, организованных парижскими женщинами в связи с повышением рыночных цен. Национальные гвардейцы самовольно конфисковали продукты или насильственно таксировали их. В клубах раздавались призывы к проведению обысков у крупных и мелких торговцев. Ораторы требовали конфискации в пользу народа имущества императора и клерикалов, а также всех эмигрантов.

Продовольственный и жилищный вопросы достигли особенной остроты в декабре 1870 г. К тяжести голода присоединились страдания от холода и ужасы бомбардировки. Тяжелые условия, в которые было поставлено население (особенно в области снабжения), использовались клубами для революционной агитации, для призывов к свержению «правительства национальной обороны». Клубы обсуждали вопросы об использовании скота, принадлежавшего буржуазии, для организации питания неимущим; выдвигали проекты коллективной заготовки дров в парижских садах. Массы захватывали в свои руки строительные материалы, принадлежавшие частным предпринимателям и государственным органам. В газетах печатались резолюции о захвате продуктов питания. Рабочие были готовы разрешить вопросы снабжения самым радикальным пу-

¹ Ленин. Т. XII, стр. 162.

² Molinari, p. 39, «La Patrie en danger» № 11, 18/IX, № 21, 21/IX 1870.

³ «La Patrie en danger» № 4, 10/IX, № 5, 12/IX 1870.

⁴ «Le Combat» № 16, 1/IX 1870.

тем. Характерно, что разрешение экономических проблем связывалось с политическими вопросами: пролетарские клубы не мыслили разрешения указанных задач без свержения буржуазной власти, без установления власти Коммуны.

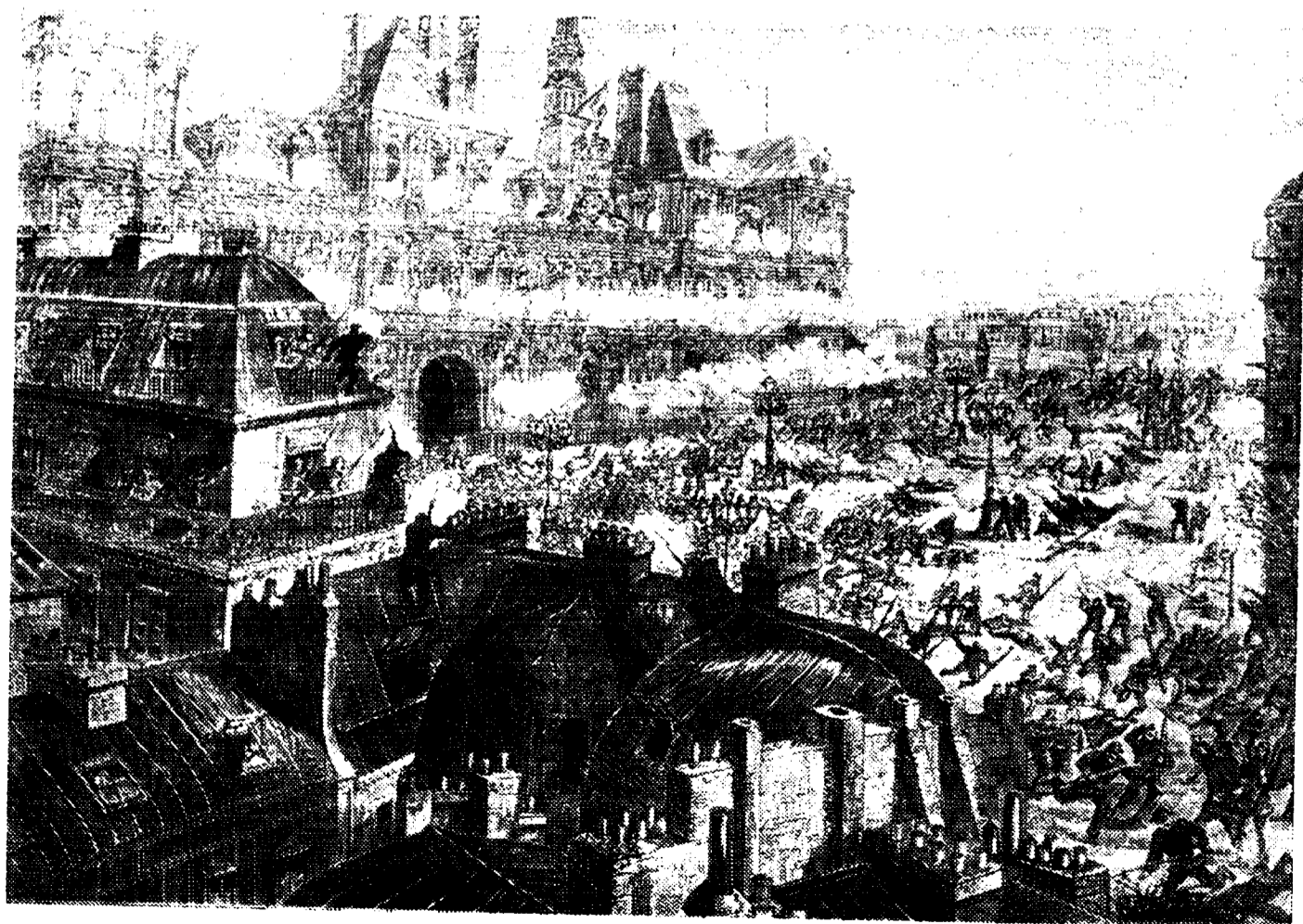
3

Наряду с этим обсуждался будущий социальный порядок, который установит Коммуна. Выдвигались требования передачи рабочим ассоциациям собственности крупных компаний, особенно компаний железных дорог. Пропагандировались идеи Интернационала. Круг вопросов, которые клубы обсуждали на своих заседаниях, был необычайно широк. Ораторы касались вопросов уничтожения бюджета религиозных культов, вопросов бесплатного и обязательного обучения, брака, революционной печати и организации синдикальных камер, проблем международного положения и откликались на все политические события, демонстрации и массовые выступления парижских рабочих. В клубах особенно клеймили духовенство и ста-

рый военный и бюрократический аппарат II империи, оставшийся нетронутым после революции 4 сентября.

С политической жизнью осажденного города парижские клубы были связаны тысячью нитей. Уже во время мирных сентябрьских демонстраций (22/IX, 26/IX 1870 г.) клубы требовали более решительных действий. Накануне 22 сентября отдельные ораторы доходили до призыва «вышвырнуть правительство в окно и заменить его истинно революционным»¹. Раздавались требования довести до сведения правительства решение о том, что манифестации могут быть совсем не мирного характера. События 8 октября (вооруженная демонстрация, прошедшая под лозунгом «Да здравствует Коммуна!») также нашли отклик в среде пролетарских клубов: клубы протестовали против провокационного поведения правительственных войск по отношению к манифестантам и назначили на ближайшие дни выборы в муниципальный совет. Первая попытка пролетарского вооруженного восстания (31/X 1870 г.) нашла еще более широкий отклик в

¹ Molinari, p. 29.

Восстание 22 января 1871 г. в Париже.

(Музей ИМЭЛ).

пролетарских клубах. Между тем умеренные клубы «поправили»: движение 31 октября получило в них резкое осуждение; ораторы настаивали на поддержке правительства, участники революционных событий лишались голоса на заседаниях; в выступлениях повторялись лозунги национального единения перед лицом врага.

В пролетарских же клубах «правительство национальной обороны» клеймилось как «низкий прислужник реакции», ораторы призывали аудиторию к новой революции, в которой народ сумеет расправиться с буржуазной властью. Гюго и Ледрю Роллен рассматривались как реакционеры. Народные собрания резко протестовали против реакции, наступившей после 31 октября: они требовали освобождения арестованных участников движения и обвиняли правительство в провоцировании гражданской войны. Кампания в защиту пострадавших от правительственных репрессий проводилась самым упорным образом и приняла очень широкие размеры.

Плебисцит 3 ноября и последовавшие за ним муниципальные выборы встретили резкий отпор в революционных клубах. «Если нам не дадут Коммуну, мы ее возьмем!» — провозгласил «Клуб монтаньяров» в день плебисцита¹.

Таким образом, революционные клубы немедленно реагировали на все важные политические события, происходившие в Париже.

Не мудрено, что их деятельность вызвала страх «правительства национальной обороны». Считая вначале клубы неопасными, видя в них своеобразную отдушину для выхода пролетарской активности, правительство не принимало никаких мер против них, но очень скоро убедилось в своей ошибке. Оно поспешило тогда создать целую армию полицейских агентов, предназначенных специально для того, чтобы следить за настроением народных масс на различных собраниях. По дошедшим до нас материалам мы можем судить, что в этот период правительственные агенты не удовлетворялись простой слежкой за клубными прениями: они произносили

провокационные речи с трибун. Наряду с этим агенты правительства организовывали налеты на клубы. Один из таких налетов на «Клуб Батиньоль» отражен в прессе того времени. Характерно, что факт налета на клуб не прошел незамеченным со стороны других клубов. «Клуб капеллы» публично протестовал против налета и заявил в своей резолюции, что он на силу ответит силой². Одновременно с погромами и провокацией буржуазия развернула широкую клеветническую кампанию против клубов во всех реакционных газетах.

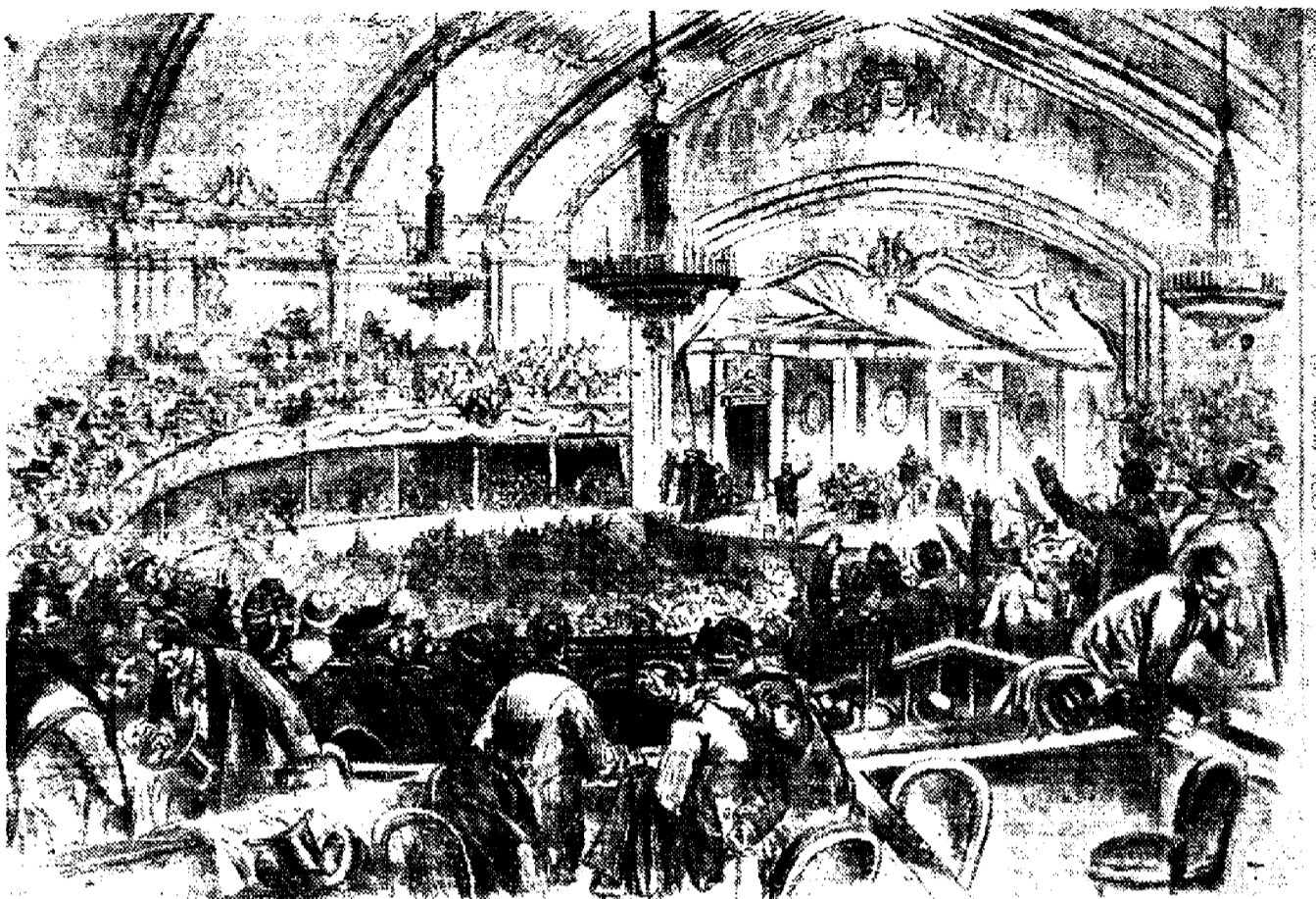
Три месяца отделяют первое вооруженное восстание парижских рабочих от второго. В конце января 1871 г. буржуазное правительство сочло возможным объявить открыто о своих планах капитуляции перед пруссаками. Пролетарские кварталы охватило величайшее возбуждение. На клубных заседаниях в эти дни обсуждались и были приняты самые левые резолюции. Очереди за хлебом превращались в импровизированные митинги, на которых резко критиковалась политика правительства.

«Клуб белой королевы» в Монмартрском районе вынес 21 января решение — организовать на следующий день вооруженную антиправительственную демонстрацию. Делегации от «Центрального республиканского клуба» и «Клуба медицинской школы» в «Клубе белой королевы» объявили, что их клубы назначают сбор на 12 часов. Движение носило явно пролетарский характер. Клубы Бельвилля обсуждали вопрос о возможной тактике мелкой буржуазии, критикуя фразеров, пасующих в серьезный момент³. Они готовились к решительной схватке с буржуазией. Ночь с 21 на 22 января 1871 г. была чрезвычайно бурной. Вооруженные отряды напали на тюрьму Мазас, в которой были заключены участники восстания 31/X 1870 г. Несмотря на сопротивление охраны двери тюрьмы были сломаны и заключенные в ней революционеры освобождены под громкие крики «Да здравствует Коммуна!»

² «La Patrie en danger» №№ 32, 34. 1870.

³ «Enquête parlementaire sur les actes...». V. I, p. 246—247. 1876.

¹ Molinari, pp. 59—60.

Предвыборное собрание в театре «Фоли бержер» (Париж). Рис. из журнала «Le monde illustré». (Музей ИМЭЛ).

С утра 22 января огромные массы вооруженных пролетариев собрались перед ратушей Парижа. Буржуазия пустила в ход винтовки. Рабочие батальоны ответили встречным огнем и отступили только после ожесточенной перестрелки.

Буржуазия немедленно приняла draconические меры против народных клубов; префект полиции предложил закрыть все клубы и все якобинские газеты¹. 23 января 1871 г. на стенах Парижа появился соответствующий правительственный декрет. В декрете была дана оценка деятельности пролетарских революционных организаций, из которой ясно было, как правительство опасалось деятельности этих клубов. «Принимая во внима-

¹ «Enquête parlementaire sur les actes...». V. II, p. 41. 1873.

ние,— писало правительство,— что вследствие преступных подстрекательств, очагом которых были известные клубы, гражданская война начата... важно покончить с этими отвратительными действиями»². Попытка буржуазии покончить одним ударом с нараставшей революцией потерпела крах. Революционная волна к январю 1871 г. поднялась слишком высоко. Очень скоро клубы возродились в качестве предвыборных собраний (февраль 1871 г.), а затем и совсем открыто в своем прежнем виде.

Особенного расцвета клубы достигли уже после революции 18 марта, в подготовке которой они сыграли такую большую роль.

² Molinari, p. 270—271. Разрядка моя.— Н. С.

БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ

**В КОНЦЕ
XIX ВЕКА***

1

С момента гибели Парижской коммуны до середины 80-х годов XIX в. во французском рабочем движении произошли значительные сдвиги. Энгельс в конце 1884 г. писал, что Коммуна «была могилой старого, специфически французского социализма и в то же время и колыбелью нового для Франции международного коммунизма»¹.

За эти годы во Франции появилась социалистическая партия, возник ряд профессиональных организаций. Французская промышленность по своему техническому уровню отставала от промышленности более передовых стран. В борьбе за рынки французские капиталисты снижали заработную плату и удлиняли рабочий день. В 1885 г. ткач по бархату в Лионе получал 1½ — 2 франка за 14-часовой рабочий день. В Нанси ткач за 12-часовой рабочий день получал от 40 до 60 франков в месяц. Очень низка была зарплата и в других отраслях промышленности. Особенно тяжело было положение рабочих, занятых в мелком производстве, которое, как известно, в то время было еще очень сильно распространено во Франции. Средний заработок та-

кого работника (в частности в конфекционной промышленности) колебался от 1 до 2 франков при чрезвычайно продолжительном рабочем дне. По словам одной работницы, делегатки лионского конгресса синдикатов, состоявшегося в 1886 г., положение женщины-работницы было таково, что перед ней стояла дилемма: «смерть или позор». Низкой зарплате сопутствовали отвратительные жилищные условия, отсутствие социального обеспечения и произвол, как администрации предприятий, так и «республиканской» полиции.

80-е годы ознаменовались многочисленными стачками, из которых наиболее значительными были стачки ткачей и углекопов. В 1881 г. в Гран-Комб (департамент Гар) вспыхнула стачка 3500 углекопов, которые требовали повышения зарплаты и введения 8-часового рабочего дня. В том же году была стачка горняков в Бессеже. В 1882 г. в крупном угольном центре — Монсо ле-Мин — произошла стачка, ознаменовавшаяся целым рядом террористических актов, организованных анархистами и повлекших за собой тяжелые репрессии. В том же году в Роанне забастовали 3 тыс. ткачей, организовавших синдикат, которым руководили гедисты. В начале 1886 г. в Деказвилле (департамент Авейрон), где компания не принимала никаких мер по обеспечению безопасности, в результате чего нередко были обвалы и гибель шахтеров, вспыхнула знаменитая стачка углекопов, охватившая более 3 тыс. рабочих. Борьба приняла чрезвычайно ожесточенный характер. Шахтерами был убит помощник директора. Правительство отправило в Деказвилль вооруженную силу для подавления стачечников. Представители рабочих в палате сделали запрос о событиях в Деказвилле, но, по словам Энгельса, даже «крайняя левая» (т. е. радикалы) не оказала им поддержки². Все эти события свидетельствовали об обострении классовых противоречий и росте активности пролетариата.

В начале 80-х годов профессиональными организациями (синдикатами) было охвачено лишь ничтожное мень-

* В одном из ближайших номеров журнала будет дано продолжение статьи тов. Милициной о французском профдвижении в начале XX в.

¹ Письмо Энгельса к Бебелю от 29 октября 1884 г. Архив М. и Э. Т. I (VI), стр. 281.

² О событиях в Деказвилле см. письмо Энгельса к Бебелю от 15 февраля 1886 г. Архив М. и Э. Т. I (VI), стр. 334.

шинство французских рабочих. Единой профессиональной организации не было, но в ряде городов существовали синдикаты и начинали уже создаваться их местные и отраслевые объединения. Первой отраслевой федерацией, возникшей еще в 1879 г., явилась Федерация шляпников. В 1881 г. возникла федерация типографов, в 1883 г. — федерация горняков, в 1884 г. объединились литографы и кулинары. Эти организации не имели единого руководства; многие из них объединяли лишь хорошо оплачиваемую верхушку рабочих и были проникнуты узкоцеховым, корпоративным духом. В 1882 г. Маркс писал Энгельсу: «Что касается парижских синдикатов, то в Париже, из рассказов людей беспристрастных (во время моего пребывания в Аржантейле), я убедился, что эти синдикаты гораздо хуже лондонских тредюнионов»¹. В 70-х годах, после разгрома Коммуны, руководство профессиональным движением во Франции во главе с буржуазным публицистом Барбере взяли в свои руки элементы, открыто стоявшие на платформе соглашения труда и капитала. Барбере и близкие к нему деятели пытались придать французскому профессиональному движению крайне умеренный характер. Долгое время они пытались дискредитировать социализм в глазах французских рабочих. Но во второй половине 70-х годов во Францию вернулись социалисты. Рабочие конгрессы конца 70-х годов² явились ареной ожесточенной борьбы, и на последнем из них социализм победил в результате упорной работы Гада, Лафарга и других, приближавшихся к марксизму социалистов.

На марсельском конгрессе 1879 г. вынесено было решение о создании социалистической рабочей партии. Маркс придавал большое значение итогам этого конгресса и подчеркивал, что «первая организация действительно рабочей партии во Франции ведет свое начало с марсельского конгресса»³. Ожесточенные конфликты между тру-

дом и капиталом в первой половине 80-х годов являлись, несомненно, стимулом для дальнейшего роста профессионального движения, а в лице рабочей партии создавалось партийное руководство, которое могло помочь профсоюзам стать на правильный, революционный путь. Положение осложнялось, однако, тем, что в Париже, где еще очень большую роль играло мелкое и среднее производство, известное влияние имели поссибилисты, отколовшиеся от гедистов в 1882 г. и поднявшие знамя против марксизма. Не имея сколько-нибудь значительного влияния в промышленных центрах, они заигрывали с профсоюзами, стоявшими на цеховых позициях. В 1882 г. Энгельс писал Марксу: «Очевидно, что именно в угоду *chambres syndicales* (профсоюзам.— Т. М.) Малон и К^о пожертвовали программой и всем прошлым движением со времени марсельского конгресса. Их кажущаяся сила является, таким образом, их действительной слабостью. Если снизить свою программу до уровня самых обыкновенных тредюнионов, то всегда легко иметь «большую публику»⁴. Чтобы обеспечить свое влияние на профессиональные союзы, гедисты должны были вести упорную борьбу как с охвостом барберетизма, так и с поссибилистами, которые, хотя и называли себя, в отличие от открытых агентов буржуазии — барберетистов, — социалистами, плелись в хвосте у буржуазных радикалов и старались отвлечь рабочих от революционной классовой борьбы. Неправильные позиции в вопросе о характере и задачах профессионального движения занимала и третья социалистическая группировка — бланкисты. Бланкисты, примкнувшие вначале к рабочей партии, вышли из нее еще раньше поссибилистов. В 1881 г. они создали свою организацию — центральный революционный комитет. Вождем их после смерти Бланки стал Вальян. Он считал, что профессиональные союзы должны развиваться независимо от влияния партии и заниматься вопросами чисто экономическими. В борьбе за руководство профессиональным дви-

¹ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 594.

² Конгрессы в Париже (1876 г.), Лионе (1878 г.) и Марселе (1879 г.).

³ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 591 (письмо Маркса от 22 ноября 1882 г.).

⁴ Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 539 (письмо от 28 ноября 1882 г.).

жением гедистам пришлось столкнуться еще с одним противником: это были анархисты. Благодаря специфическим условиям Франции борьба с ними была не легка. Живучесть мелкого производства как в городе, так и в деревне, сохранение кадров рабочих-одиночек или полуодиночек, работающих в условиях ремесленного производства,—все эти явления способствовали довольно значительному распространению анархизма во Франции, который в виде прудонизма и бакунизма вел борьбу против марксизма в I интернационале. В 80-х и 90-х годах среда, питавшая анархизм во Франции, еще не исчезла. Хотя мелкое производство теряло одну позицию за другой под натиском крупного капитала, как отечественного, так и иностранного, все же оно продолжало еще существовать. В населении сильна была еще мелкобуржуазная прослойка (к указанным выше элементам надо прибавить многочисленную, особенно в Париже, интеллигенцию полубогемного типа, часто не имевшую твердого заработка и бедствовавшую). В 80-х годах анархисты пытались принимать участие в стачках, проповедуя террористические акты и рекомендуя рабочим воздерживаться от организованной политической борьбы, в особенности от участия в избирательных кампаниях, мотивируя это тем, что выборы — буржуазная выдумка и участие в них ничего не даст пролетариату, а, наоборот, заразит его буржуазным влиянием. Часть рабочих, особенно в Париже, поддавалась влиянию анархистов, которым удалось проникнуть в синдикаты.

2

В половине 80-х годов среди французских рабочих, объединившихся в профсоюзы, все большей популярностью начинала пользоваться идея создания единого, общефранцузского профессионального центра. В 1884 г. правительство вынуждено было издать закон, который санкционировал профессиональные союзы, до того существовавшие как бы вне рамок буржуазной законности. Этот закон подчинял профсоюзы контролю органов буржуазного государства, но вместе

с тем до известной степени облегчал возможность организации профсоюзов.

В августе 1886 г. в Париже состоялась международная рабочая конференция, возглавлявшаяся POSSIBИЛИСТАМИ. Конференция вынесла пожелание о созыве общефранцузского конгресса синдикатов. Созыв конгресса был поручен синдикальной палате лионских ткачей — организации сугубо реформистской, объединявшей в своих рядах наряду с рабочими мелких хозяйчиков. Соглашатели-барберетисты надеялись, что им удастся использовать в своих интересах раскол среди социалистов и сыграть руководящую роль на конгрессе. Они отправили на конгресс своих видных представителей — людей, долгие годы верой и правдой служивших буржуазии и соответствующим образом ею вознагражденных. Так, один из лидеров группы барберетистов — Вейсье — был награжден орденом Почетного легиона, другой — Грюйе — золотой медалью. Эти люди явились на конгресс для того, чтобы предложить рабочим «добиваться путем законным и мирным реализации экономических реформ»¹.

Но барберетисты оказались в меньшинстве. Кроме них на конгрессе были представлены гедисты, POSSIBИЛИСТЫ и анархисты. Среди гедистских делегатов руководящую роль играл Габриэль Фаржа, который впоследствии стал секретарем французской Федерации синдикатов. Вопрос о создании единого профессионального центра был, по существу, основным вопросом, который предстояло разрешить на данном конгрессе. Как и следовало ожидать, делегаты отнюдь не были единодушны в этом вопросе. Барберетисты заняли совершенно определенную позицию: видя себя в меньшинстве и боясь, что руководство в новой организации захватят в свои руки социалисты, они выступили против создания предполагаемой Федерации синдикатов, противопоставляя ей руководимую ими соглашательскую организацию — «Союз рабочих синдикальных палат». Напротив, делегаты — члены социалистических группировок — высказались за создание Федерации. POSSIBИЛИСТЫ, стоявшие на

¹ Протоколы (compte rendu) конгресса, стр. 346 — 347.

реформистской соглашательской платформе, желая приобрести популярность среди рабочих, стремившихся к объединению, настаивали на необходимости организации единого центра, совершенно не пытаясь при этом четко определить роль Федерации и взаимоотношения ее с партийными организациями, и оглушали делегатов съезда громкими, бессодержательными фразами. Гедисты в 80-х годах стояли в этом вопросе на позиции, в основном правильной: они считали, что профессиональными союзами должна руководить революционная социалистическая партия. Однако Фаржа, возглавлявший гедистскую делегацию на конгрессе, в своем выступлении не провел четкого разграничения между партийной и профессиональной организациями пролетариата. По его мнению, организация Федерации синдикатов означала «окончательное и имеющее громадное значение создание рабочей партии, которая, охватывая огромное большинство производителей, сможет проникнуть во все представительные собрания и завоюет таким образом власть»¹.

При обсуждении этого вопроса выяснилось, что некоторые делегаты конгресса стоят на старых, прудонистских позициях и защищают мелкую частную собственность, совершенно не понимая задач классовой пролетарской организации. Так, делегат лионских седельщиков Беле, утверждая, что рабочие и мелкие хозяйчики страдают от эксплуатации, которой они подвергаются со стороны их общего врага — крупного капиталиста, предложил через посредство вновь создаваемой Федерации синдикатов приступить к накоплению капиталов, чтобы субсидировать мелких торговцев и предпринимателей и тем самым нанести удар крупному капиталу. Эти прудоновские рецепты свидетельствовали о тяжелом кризисе, который переживало мелкое производство во Франции. Барберетисты открыто выступали в защиту мелкого и среднего производства, которому, по их словам, угрожала иностранная конкуренция, и требовали создания единого фронта рабочих и хозяев для защиты отечественной промышлен-

ности. Конгресс, большинство делегатов которого разделяло социалистические установки, правда, весьма смутные и неопределенные (Энгельс незадолго до этого в письме к Бебелю указывал, что «масса в Париже социалистична в смысле более или менее нейтрального среднего социализма, который постепенно дистиллировался из Прудона, Луи Блана и Пьера Леру и т. д.»²), не пошел за барберетистами и большинством 90 голосов против 15 принял решение о создании «Национальной Федерации синдикатов», которая «объявляет себя сестрой всех существующих рабочих социалистических федераций»³. Конгресс высказался также за 8-часовой рабочий день вопреки барберетистам, утверждавшим, что это повредит «отечественной промышленности». По вопросу о взаимоотношениях между трудом и капиталом конгресс также отверг установки барберетистов и огромным большинством высказался за обобществление средств производства. В своих выступлениях, письменных и устных (конгрессу был представлен целый ряд письменных докладов по различным вопросам), многие делегаты указывали на тяжелое положение французского пролетариата, на усиливающееся проникновение машины в производство и проявляющееся одновременно стремление предпринимателей снизить зарплату. В некоторых выступлениях проскальзывали анархические нотки: отрицание политической борьбы, непонимание необходимости использовать легальные возможности.

Лионский конгресс имел, несомненно, большое значение. Он заложил основы Федерации синдикатов, которая должна была возглавить французское профессиональное движение; он показал, что французский пролетариат, хотя и не имеет ясных, отчетливых представлений о методах классовой борьбы, все же отнюдь не разделяет барберетистских установок; он дал вместе с тем богатый материал, свидетельствовавший о тяжелом положении пролетариата в эту эпоху.

² Письмо от 28 октября 1885 г. Архив М. и Э. Т. I (VI), стр. 311.

³ Протоколы (compte rendu) конгресса, стр. 345.

¹ Протоколы (compte rendu) конгресса, стр. 101.

Итак, федерация синдикатов была создана. Гедистам удалось на некоторое время обеспечить руководящее влияние рабочей партии на общепартизанский профессиональный центр. Энгельс помогал гедистам, давал им необходимые указания, и в этот период они в основном стояли на правильных позициях, хотя уже и тогда допустили ряд серьезных ошибок в важнейших политических вопросах¹.

В борьбе за руководство профессиональным движением гедистам пришлось вести борьбу на два фронта. К началу 90-х годов в рядах противников гедизма как справа, так и «слева» произошел ряд сдвигов, которые необходимо было учесть, парируя усложняющиеся маневры врагов. В лагере «умеренных», как их называли тогда во Франции, т. е. противников социализма и сторонников открытого соглашения труда и капитала, несомненно, происходила передвижка. Старые деятели барберетизма постепенно отходили на задний план. По мере разорения мелкого производителя, обострения классовых противоречий и роста рабочего движения эти деятели, стоявшие на платформе откровенной защиты интересов мелкого и среднего хозяйчика, постепенно теряли всякие связи с профессиональным движением и не появлялись более на рабочих конгрессах. Но в некоторых отраслях производства, куда машина только еще начала проникать, где рабочий еще продолжал иногда работать бок о бок с хозяйчиком, сохранялись еще элементы, если не связанные непосредственно с барберетистами, то близкие к ним. Так, в федерации печатников на долгие годы руководство захватил в свои руки сторонник мирной «эволюции» в рамках буржуазного строя и противник социализма Кефер (считавший себя последователем Огюста Конта). Вместе с тем рост крупного капиталистического производства в тот период, когда капитализм приближался к монополистической стадии своего развития, сопровождался созданием в

¹ Автор не может здесь подробно останавливаться на этом вопросе и отсылает читателей к переписке Маркса и Энгельса.

целом ряде отраслей промышленности кадров рабочей аристократии, которая в силу своего, до известной степени привилегированного, положения легко усваивала соглашательскую идеологию и стремилась ограничить деятельность профессиональных союзов рамками борьбы за мелкие, повседневные экономические достижения. Эти элементы, конечно, высказывались против руководства союзами со стороны социалистической рабочей партии. Но, кроме них, весьма опасным врагом рабочей партии были и леваки, которые считали, что гедисты недостаточно революционны, и, отвергая марксизм, призывали рабочих к анархическим методам борьбы. Среди этих противников «слева» были и люди, называвшие себя социалистами, но на самом деле разделявшие полуанархические установки. К числу последних принадлежали аллеманисты.

Эта группировка возникла в результате раскола POSSИБИЛИСТОВ в 1890 г. Откровенно оппортунистические установки заправил POSSИБИЛИЗМА (Брусс и К^о) вызвали протест среди значительных слоев рабочих (сосредоточенных большей частью в Париже), подпавших под их влияние. Но эти рабочие, отсталые, занятые преимущественно в мелком производстве, не осознали еще, что единственно правильные пути может указать им только марксизм, и не пошли за гедистами. Среди этих рабочих еще очень сильны были анархические настроения.

Блестящее определение классовых корней и предпосылок, которые объясняют наличие подобных настроений в известные моменты в некоторой части рабочего класса, дал товарищ Сталин. Говоря о трех слоях, на которые можно разделить пролетариат, товарищ Сталин указал, что основная масса пролетариата, его ядро, «...является наиболее надежной опорой марксизма». Иначе дело обстоит со вторым слоем пролетариата: «Второй слой— это недавние выходцы из непролетарских классов, из крестьянства, из мещанских рядов, из интеллигенции. Это—выходцы из других классов, недавно только влившиеся в состав пролетариата и внесшие в рабочий класс свои навыки, свои привычки, свои колебания, свои шатания. Этот слой

представляет наиболее благоприятную почву для всяких анархистских, полуанархистских и «ультралевых» группировок». Что же касается третьего слоя—рабочей аристократии, верхушки рабочего класса, то «этот слой представляет наиболее благоприятную почву для откровенных реформистов и оппортунистов»¹.

Некоторая (небольшая) часть французских рабочих пошла за открытиями анархистами, очень немногие одиночки приняли участие в организованных в начале 90-х годов анархистами террористических актах, но другая (большая) часть этих отсталых, несознательных рабочих, не разделяя полностью анархических воззрений, была, однако, заражена многими полуанархическими предрассудками. Аллеманисты, которые в 90-х годах имели довольно значительное влияние в Париже и в некоторых провинциальных городах (Дижон, Шарлевилль, Амьен и др.), называли себя рабочей социал-революционной партией. Они критиковали парламентаризм и придавали очень ограниченное значение выборам, не понимали необходимости использования легальных возможностей, а самое главное, не понимали, что пролетариат не сможет добиться освобождения до тех пор, пока не захватит власть в свои руки. Они отрицали диктатуру пролетариата и переходной период и представляли себе бесклассовое общество в виде царства равных и свободных мелких производителей, объединенных в союзы и артели. Они не понимали вместе с тем руководящей роли партии и считали, что руководящую роль в рабочем движении должны играть профсоюзы (синдикаты), которые станут ячейкой будущего общества. Поэтому они старались укрепить свое влияние в союзах, что им отчасти удалось на очень короткий срок (в первой половине 90-х годов), в особенности в Париже. Большой частью за ними шли профсоюзы рабочих, занятых в мелком производстве или по характеру своей работы распыленных: портных, бочаров, мебельщиков, железнодорожников и т. д.

Разделяя целый ряд прудонистско-бакунистских установок, являясь про-

тивниками марксизма (которого они, разумеется, совершенно не понимали), аллеманисты ненавидели гедистов и прилагали все усилия, чтобы ликвидировать их влияние в профсоюзах. Вместе с анархистами и частью бланкистов они пропагандировали анархическую, бакунистскую идею всеобщей стачки, которую они выдвинули в качестве оружия против гедистов. Маркс и Энгельс в I интернационале и позже боролись против анархической идеи всеобщей стачки, противопоставляемой пролетарской революции. Дальнейшее развитие революционного движения пролетариата, в частности в России, дало возможность применять всеобщую стачку в качестве одного из могучих средств борьбы рабочего класса, как один из этапов подготовки вооруженного восстания. Но бакунисты и французские анархисты (и близкие к ним элементы, вроде аллеманистов) противопоставляли всеобщую стачку политической борьбе и вооруженному восстанию, пропагандировали ее как стачку чисто экономической, как один из методов так называемого «прямого действия».

Разоблачая установки как анархистов, так и ликвидаторов, Ленин настаивал на том, что «революционная массовая стачка необходимо соединяет в себе и экономическую и политическую»². Ленин показал, что возможность практического осуществления всеобщей стачки зависит от целого ряда моментов: степени обострения классовых противоречий в стране, наличия революционной ситуации (с чем совершенно не считались анархисты) — и вместе с тем требует как неременного условия победы—руководства со стороны революционной пролетарской партии, против чего анархисты всегда категорически возражали. В то же время Ленин подчеркивал, что не только в корне неправильно противопоставлять всеобщую стачку вооруженному восстанию, как это делали анархисты, но, напротив, она при известных условиях должна перерасти в восстание. Если Ленин вопрос о всеобщей стачке разрешал таким образом с точки зре-

¹ Сталин «Об оппозиции», стр. 444. Изд. 1928.

² Ленин. Собр. соч. 2-е и 3-е изд. Т. XV, стр. 544. (статья «Ликвидаторы против революционной массовой стачки»).

ния подлинно революционного марксизма, то социал-реформисты из II интернационала в борьбе против анархической пропаганды идеи всеобщей стачки заняли совсем противоположную позицию. Исходя из того, что пролетариат в своей борьбе против капитала должен прибегать только к мирным, разрешенным буржуазными законами средствам, они категорически отвергали революционные массовые выступления, в том числе и всеобщую стачку в марксистском, революционном понимании. При этом реформисты обычно ссылались на учителей марксизма, искажая и фальсифицируя их высказывания. Ленин и Сталин беспощадно разоблачали эти гнусные уловки оппортунистов, вскрывали их реформистскую сущность. Разоблачая оппортунистов из рядов II интернационала, Сталин блестяще опроверг все теоретические мнимомарксистские догмы, «от которых они танцуют всегда как от печки»¹, в том числе и догму, отвергавшую применение всеобщей стачки. Разбивая все аргументы оппортунистов в этом вопросе (фальсифицированные ссылки на Энгельса, указания на то, что стачка разрушает хозяйственную жизнь страны и опустошает кассы профсоюзов и т. д.), товарищ Сталин писал: «Разве революция в России не показала, что общая политическая забастовка является величайшей школой пролетарской революции и незаменимым средством мобилизации и организации широчайших масс пролетариата накануне штурма твердыни капитализма?..»². Такова точка зрения революционного марксизма-ленинизма на роль всеобщей стачки. Опыт международного революционного движения подтверждает эти установки. Всем известно, какое большое значение имели массовые забастовки в Англии, Франции (вспомним всеобщую стачку 12 февраля 1934 г., проведенную с целью дать отпор обнаглевшим фашистским бандам), в Испании и других странах. Во многих случаях эти стачки не увенчались успехом только потому, что руководство ими находилось в руках оппортунистов и предателей рабочего класса,

¹ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 13. 9-е изд. 1933.

² Там же, стр. 14.

которые лишь под давлением масс соглашались на проведение массовой стачки, для того чтобы в первый же удобный момент предать и сорвать ее. — Пропагандируя в 80-х и 90-х годах всеобщую стачку, аллеманисты стремились вытеснить гедистов из Федерации синдикатов. Но гедистам в тот период удалось завоевать значительные позиции во французском профессионально-движении. Они пользовались руководящим влиянием в Федерации синдикатов. Их влияние было очень сильно во многих промышленных районах, особенно на севере Франции. В Северном департаменте (департамент Нор) они имели очень крепкие корни. В профорганизациях текстильщиков (текстильная промышленность была очень сильно развита в Северном департаменте) руководство находилось в руках гедистов. Одно время их влияние распространялось и на профсоюзы горняков севера Франции. Но влияние гедистов не ограничивалось одним севером и распространялось также и на ряд других промышленных центров (например Лион). Повсюду гедисты вели борьбу со своими противниками справа и «слева». Они разоблачали оппортунистические установки послиблистов, а вместе с тем и мнимо-«революционные» позиции анархистов и близких к ним элементов.

Гедисты доказывали, что необходимо вести политическую борьбу, борьбу за захват власти, что до тех пор, пока у власти будет буржуазия, они не добьются ничего, кроме жалких подачек, со стороны имущих классов; гедисты предлагали рабочим принимать участие в избирательных кампаниях, чтобы завоевать известные позиции в центральных и местных органах, и упорно сопротивлялись вместе с тем анархической пропаганде всеобщей стачки. Но, не являясь последовательными революционными марксистами, они уже в тот период допустили ряд крупнейших ошибок во многих, весьма важных вопросах³.

В вопросах профдвижения в период 80-х—начала 90-х годов, как мы уже писали, гедисты стояли на позициях, в основном правильных, но тактика их

³ Парламентская тактика в 90-х годах, аграрный вопрос и т. д.

не всегда была достаточно гибкой. Пользуясь этим, их противники из рядов анархистов и аллеманистов сумели проникнуть в профсоюзы и не без успеха пропагандировали идею всеобщей стачки, подрывая влияние гедистов. На III конгрессе Федерации синдикатов, в Бордо-Бюска (в октябре 1888 г.), была принята резолюция, в которой всеобщая стачка провозглашалась единственным средством, «которое может привести трудящихся к освобождению»¹. Гедисты на своих последующих конгрессах решительно отвергли эту анархистскую идею. Следующий (IV) конгресс Федерации синдикатов, в Келе (в октябре 1890 г.), высказался одобрительно о всеобщей международной стачке горняков. На VI конгрессе Федерации, в Марселе (в 1892 г.), противникам гедистов вновь удалось протащить резолюцию о всеобщей стачке, составленную в анархическом духе. К этому времени аллеманисты и анархисты добились известных организационных успехов и создали в противовес руководимой гедистами Федерации синдикатов новый центр—Федерацию бирж труда. Первые биржи труда или местные (городские) объединения синдикатов различных профессий возникли в конце 80-х годов. К началу 1892 г. во Франции существовало 14 бирж труда. В некоторых из них руководящее влияние принадлежало анархистам и аллеманистам. Последние и задумали создать Федерацию бирж в целях упрочения своих позиций в борьбе с гедистами. Они считали, что Федерация бирж должна была заменить Федерацию синдикатов, проникнутую ненавистным для них духом «политиканства» (так презрительно эти противники марксизма именовали установки гедистов). В феврале 1892 г. Федерация бирж действительно была организована (на конгрессе в Сент-Этьенне). В том же году с пропагандой всеобщей стачки выступил будущий секретарь Федераций бирж — Фердинанд Пеллутье. Пеллутье принадлежал к буржуазной интеллигенции. Первые шаги его политической деятельности прошли под руководством будущего видного поли-

тического деятеля Французской буржуазии, тогда начинавшего свою карьеру, адвоката Аристиды Бриана. В начале 90-х годов Бриан также кокетничал популярной среди отсталых рабочих идеей всеобщей стачки. На марсельском конгрессе Федерации синдикатов он выступил с пылкой речью в защиту этого принципа и подчеркнул, что всеобщая стачка есть средство борьбы, не выходящее за пределы буржуазной легальности. Вопреки сопротивлению гедистов предложенная Брианом резолюция о всеобщей стачке была принята конгрессом. Противники марксизма торжествовали. На II конгрессе бирж (в Тулузе в феврале 1893 г.) они высказались за слияние обеих профессиональных организаций, т. е. Федерации бирж и Федерации синдикатов. В июле того же года в Париже состоялся конгресс профсоюзов, который вынес резолюцию в пользу слияния обеих Федераций. С этой целью решено было в 1894 г. организовать единый конгресс обеих организаций в Нанте. Гедисты были против объединения в том виде, в каком представляли его себе их противники, ибо подобное объединение означало бы капитуляцию марксистов. Они были также против созыва единого конгресса. Однако им не удалось воспрепятствовать этому, и конгресс в Нанте состоялся, причем большинство его делегатов состояло из противников гедистов. Очень сильно на этом конгрессе были представлены аллеманисты, переживавшие в это время период расцвета, весьма кратковременного, ибо вскоре их влияние стало падать. На конгрессе присутствовали также Бриан и Фердинанд Пеллутье, который выступал как сторонник анархических идей. Решающий бой на конгрессе произошел, как и следовало ожидать, по вопросу о всеобщей стачке. В защиту анархистской идеи всеобщей стачки выступали аллеманисты, некоторые бланкисты, а главным образом Бриан и Пеллутье. Гедисты оказали упорное сопротивление. Но их аргументация была достаточно слаба. Гедист Лавинь, например, подверг критике не только всеобщую, но и частичные стачки, уверяя, что благодаря проникновению представи-

¹ Léon de Seilhac «Les congrès ouvriers en France de 1886 à 1899», p. 215. Paris. 1899.

телей рабочих в законодательные органы власть уже начинает переходить к пролетариату. Объяснить в своих выступлениях на конгрессе революционную диалектику стачечной борьбы гедисты не сумели. Их противники одержали победу: большинством 65 голосов против 37 при 9 воздержавшихся конгресс высказался за всеобщую стачку. Гедисты вскоре после этого покинули конгресс. Поле битвы осталось за их противниками, которые решили воспользоваться своей победой и покончить с ненавистной им федерацией синдикатов. На словах, впрочем, они сохранили обе борющиеся организации, создав над ними надстройку в виде «национального рабочего совета», который оказался мертворожденным органом. Год спустя, на конгрессе в Лиможе, весьма пестрый антигедистский блок высказался за создание Всеобщей конфедерации труда, с которой впоследствии слилась и федерация бирж. Пока победа оставалась за этой организацией, которой руководили противники марк-

систов. Федерация синдикатов распалась. Но гедисты, имевшие, как указывалось выше, крепкие позиции в некоторых промышленных районах и отдельных федерациях (среди текстильщиков), не прекращали борьбы с противниками марксизма.

К началу XX в. они, однако, никогда не будучи действительно последовательными революционными марксистами, стали все более и более отходить от тех марксистских позиций, которые они защищали раньше, и скатились в болото центризма.

Только партия большевиков во главе с Лениным с самого начала заняла правильную позицию в вопросах профдвижения как и в других областях рабочего движения и привела пролетариат России к победе в 1917 г., к тем огромным достижениям во всех областях, которых под руководством ленинского ЦК и величайшего вождя товарища Сталина добились трудящиеся СССР, победоносные строители социализма.

Ю. Красовский

АНРИ РОШФОР. Приключения моей жизни. Перевод, вступительная статья и примечания Е. Смирнова. «Academia». М. и Л. 1934. 435 стр. 11 р. 50 к., перепл. 2 р. 50 к. 5300 экз.

1

Воспоминания Рошфора, несомненно, являются одним из крупнейших произведений мировой мемуарной литературы. Они ярко отражают полувекую социально-политическую историю Франции, показывают и разоблачают историческую роль самого Рошфора.

Рошфор принадлежит к числу тех исторических «деятелей», которые быстро и стремительно, подобно метеорам, проносятся по исторической арене, ослепительно сияют короткое время и так же быстро гаснут и исчезают. Сегодня вожди, властители дум миллионов, большие имена эпохи, а завтра — разоблаченные ничтожества, жалкие марионетки, люди ничтожной социальной и интеллектуальной ценности. Взнесенные на гребне больших политических событий силой революционного протеста и негодования миллионных масс, они кажутся вождями этих масс, выразителями их надежд и чаяний. Их, этих людей «случая», этих «калифов на час», можно найти в истории любой страны; изучение их жизни, их головокружительной карьеры представляет для историка огромный интерес, давая большой материал для понимания соотношения различных социальных сил той или иной исторической эпохи.

Сейчас нам трудно представить, до какой степени была огромна популярность Рошфора даже за пределами Франции, как много значило его имя в 70-х и 80-х годах. Рошфора знали всюду; Рошфора знали лучше чем крупнейших вождей социализма. Его имя среди мелкой буржуазии, деклассированной интеллигенции, среди широких масс еще недостаточно классово сознательных рабочих было синонимом всего самого революционного. Гипноз его «революционного» имени действовал и на многих революционных рабочих. Рошфор в 70-е, 80-е и частично в 90-е годы считался властителем дум «революционной» Франции.

Мы сейчас с удивлением читаем у Веры Фигнер: «Все выдающиеся в социальном мире Западной Европы лица обе-

щали ему (Исполнительному комитету партии «Народной воли». — Ю. К.) свое содействие в той или иной форме. К некоторым из них, как к Марксу и Рошфору, Комитет обращался письменно...» и т. п.¹

Маркс рядом с Рошфором?! Это выглядит в высшей степени комично. Но это весьма показательно для того времени.

Хронологически не представляет труда определить «рождение» Рошфора как политического деятеля. Это 1868 год, последний год сотрудничества в «Фигаро», и появление знаменитого «Фонаря».

Что представлял собой Рошфор до этого момента?

Это был типичный парижский журналист, с посредственным успехом писавший в ряде парижских газет независимо от их политической физиономии. Он прекрасно усвоил специфические черты современной ему парижской бульварной прессы: ее остроумие и блеск, ее остроту и ядовитость в сочетании со скольжением по поверхности любой темы, без особого углубления в сущность вопроса.

Парижская пресса, «petite presse», употребляя выражение Маркса, была созданием Второй империи. Вначале — субсидируемая и поощряемая правительством Наполеона III — она была послушным и верным слугой своего хозяина. Помимо бесконечных восхвалений существующего режима она много места уделяла специфическому парижскому быту: хронике парижских бульваров, жизни аристократических салонов, скандальным происшествиями и т. п., подавая это в легкой и занимательной форме, и была рассчитана исключительно на мелких буржуа, рантье, ремесленников и прочих читателей парижского «общества», требовавших прежде всего пикантного и интересного чтения.

Но в 60-е годы произошли резкие изменения как в экономическом, так и политическом состоянии страны. Жесточайший экономический кризис дал сильный толчок росту недовольства различных социальных слоев режимом Второй империи. Началось брожение среди рабочих масс, возникли революционные кружки среди студенчества и молодежи, заглушавшая было политическая жизнь начала снова бить ключом.

Это оживление общественно-политической жизни сейчас же отразилось и на прессе. Социальный заказчик начал требовать другой «духовной пищи»: его больше не удовлетворяли пикантные подробности великосветских адюльтеров и ужасы кошмарных преступлений. И «ре-

¹ В. Фигнер. Полное собрание сочинений. Т. I, стр. 211. М. Изд. политкампторжан. 1932.

tite presse» начала менять фронт: на первое место выдвинулись политическая хроника, политический фельетон; начался легкий обстрел существующего режима.

Эти нападки имели колоссальный успех у читателей. Раньше поощряемая и благонамеренная, пресса стала теперь рупором всех недовольных, стала серьезным противником империи. Это прекрасно отмечено Марксом.

«Эта petite presse, — писал Маркс Энгельсу в 1869 г., — а к ее представителям принадлежал даже Рошфор, — была настоящим продуктом бонапартистского режима. А теперь — она самое опасное оружие против него»¹.

Рошфор был продуктом этой «petite presse» и был наиболее ярким, наиболее талантливым представителем ее позднего «политического» периода. Начав с легких политических уколов в своих обозрениях и «хрониках», Рошфор, увлекаемый темпераментом и растущим успехом среди читателей, необычайно быстро смелел. Чутко ухватывая настроение читательских масс, он превращал свои памфлеты в блестящие разоблачения наполеоновского режима, смело, едко и остроумно высмеивая его наиболее крупных представителей. С каждым номером его фельетоны становились злее и беспощаднее. Рост революционной смелости Рошфора шел параллельно с ростом его популярности. В 1868 г. появился его «Фонарь», первый номер которого разошелся в несколько часов в 120 тыс. экземпляров — цифра для того времени совершенно невиданная, причем надо еще учесть и довольно высокую цену «Фонаря» — 40 сантимов. Когда мы в мемуарах Рошфора читаем, что «... нельзя было встретить прохожего, который не держал бы «Фонарь» либо в руке либо в кармане...», то это, судя по воспоминаниям современников, вполне соответствует тому, что было в действительности.

«Фонарь» читался всюду: он отвечал всеобщему назревшему недовольству; в нем как в фокусе было собрано все негодование, вся ненависть к бонапартистскому режиму. «Фонарь» в истории Франции XIX в. стал большим историческим фактом, знаменующим мощное нарастание революционного недовольства широких масс пролетариата и мелкой буржуазии. В «Фонарь» Рошфор вложил всю силу своего темперамента, весь свой талант обличителя и памфлетиста. В нем он не щадил никого, нанося смелые удары самому Наполеону III. Для Рошфора «Фонарь» явился высшей точкой его публицистической деятельности.

Но в действительности роль вождя революции очень мало подходила основателю «Фонаря». Если мы перелистаем его «Фонарь», прочитаем его воспоминания, то придем к совершенно определен-

ному выводу: Рошфор, этот «революционер из революционеров», не имел, по существу, никаких устойчивых политических воззрений. В своих первых газетных опытах он проявил полнейшее равнодушие к политике, и почти в течение всего «дофонарьского» периода он не проявлял к ней большой склонности. А его высказывания и выступления по политическим вопросам уже в период его «политической зрелости» отличаются исключительной сумбурностью, отрывочностью и полны общих мест. Полнейшее отсутствие знаний и вместе с тем огромный апломб и беспринципность придавали всегда этим высказываниям типично «рошфоровский» оттенок. В своих выступлениях Рошфор был зачастую «левее здравого смысла». Этот «социалист» и «вождь революционного народа» был очень далек и от того и от другого. Социализм был для него книгой за семью печатями, а «революционного народа» он, по ряду свидетельств, боялся и ненавидел его.

Но в период «Фонаря» и позднее — в глазах мелкой буржуазии и частично пролетариата — Рошфор был самым популярным человеком; он был первым кандидатом в революционные вожди, ибо он на определенном этапе отражал революционный протест масс.

И в глазах своих врагов — бонапартистской империи — он был самым опасным и злейшим врагом. «Нельзя управлять, пока Рошфор на свободе!» — воскликнул Оливье, один из главных деятелей Второй империи. И империя прилагала все усилия, чтобы убрать Рошфора с дороги. Она не брезговала ничем: ни клеветой, ни открытыми попытками убийства.

Огромная популярность Рошфора затемняла и маскировала его действительное лицо.

Но Маркс и Энгельс весьма ясно представляли себе существо Рошфора.

«Хуже всего то, — писал Энгельс в 1870 г., — что в случае революционного движения в Париже некому будет стать во главе его. Рошфор наиболее популярен, а единственно пригодный Бланки, кажется, забыт»².

Не обманывала Маркса и популярность Рошфора среди известных слоев рабочих.

«Население Бельвилля (рабочий округ Парижа. — Ю. К.), — писал он, — является одним из наиболее отсталых; его идеалом, если он идет дальше Гамбетты, остается в лучшем случае Рошфор; оба были выбраны там депутатами в 1869 г...»³.

Рошфоровский «Фонарь» сначала читали все: его читали и в аристократическо-легитимистских салонах, и в банковских конторах, и в литературных кафе,

¹ К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 151. М. и Л. Соцэкгиз. 1931.

² К. Маркс и Фр. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 384. М. и Л. Соцэкгиз. 1931.

³ Там же, стр. 534.

и в каморке сапожника, и в рабочих кружках. Но в дальнейшем произошла неизбежная дифференциация читателей: выявилась противоречивость интересов разных социальных групп. «Правая» часть — крупная буржуазия, которую шокировал резкий тон Рошфора, — отошла; «левый» фланг — революционно-сознательные рабочие — начали постепенно распознавать революционную демагогию Рошфора.

С Рошфором остались мелкая буржуазия и часть рабочих, сознание которых еще было отуманено мнимой революционностью Рошфора. Настроение этой социальной группы и отражал Рошфор во всей своей дальнейшей деятельности. Эволюция этой группы — ее противоречивость и колебания — получила свое отражение и в зигзагообразной, противоречивой политической карьере Рошфора. Двойственность и неустойчивость мелкой буржуазии целиком отразились в двойственной и соглашательской позиции Рошфора во время Парижской коммуны. В период 80-х годов, во время умеренного республиканского режима, Рошфор выступал яростным противником этого режима, опять-таки отражая недовольство мелкой буржуазии, ее тяжелое экономическое положение, являвшееся результатом затяжного промышленного кризиса 1882—1889 гг. Разочарование в республиканском режиме, неугасавшая мечта о реванше, неудачи колониальной политики — все это питало и создавало глубокое недовольство широких слоев мелкой буржуазии. Глашатаем этих настроений снова стал Рошфор, который сначала самостоятельно, а потом примкнув к Буланже вел яростные атаки в своем «Непримиримом» на правительство умеренных республиканцев — представителей крупной промышленности и банковского капитала.

Крушение буланжизма было серьезным ударом для политической карьеры Рошфора. С этого момента началось постепенное падение Анри Рошфора.

Точно так же, как мы хронологически определили политическое «рождение» Рошфора, нетрудно точно определить момент его «смерти» как крупного политического деятеля. Это 1896 год — год, когда Рошфор, только что вернувшийся во Францию из эмиграции, принял деятельное участие в знаменитом деле Дрейфуса, став в ряды его обвинителей. Союз с крайними реакционными кругами, антисемитизм и беспринципность, проявленные в этом деле Рошфором, оттолкнули от него и без того рдеющие толпы его поклонников; с ним остались только самые реакционные, шовинистически настроенные слои мелкой буржуазии. Рошфор быстро покатился по наклонной плоскости. Он опускался все ниже и ниже. Его фельетоны находили себе приют только в откровенно реакционных и клерикальных газетах. Его имя начало быстро тускнеть и забываться. Наступила его политическая смерть.

Таков в общих чертах политико-социальный путь Рошфора. Путь этот

глубоко закономерен. Духовный сын парижской бульварной прессы, воспитанник и член парижской деклассированной богемы, человек, не имевший хоть сколько-нибудь серьезных знаний и устойчивых политических взглядов, Рошфор рано или поздно должен был быть разоблачен историей. Рост социальных противоречий, обострение классовой борьбы, распространение научного социализма, рост боевой способности пролетариата и его сознательности положили конец карьере Рошфора. Его роль была сыграна. Новая расстановка сил на исторической арене разоблачила Рошфора и отбросила его вправо — к клерикалам и откровенным реакционерам.

2

Для полноты картины остановимся вкратце на биографии Рошфора.

Анри Рошфор родился в 1832 г. Отец его был маркиз и убежденный сторонник Бурбонов (легитимист). Семья Рошфоров была типичной семьей разорившихся аристократов. У отца Рошфора не было никаких средств, и после тщетных попыток устроить себе административную карьеру он пустился в литературу: писал водевили, комедии, всевозможные театральные сценки и т. д. Обращение Анри Рошфор получил в лице св. Людовика. После окончания учебного заведения он пытался давать уроки, изучал медицину, служил чиновником в Парижской ратуше и т. п. Первые шаги Рошфора в литературе не увенчались особенными удачами: его комедии, водевили, пьесы, его романы не пользовались успехом в литературном мире.

С 1861 г. Рошфор целиком отдался газетной деятельности: он писал довольно остроумные, довольно интересные фельетоны, «хроники», очерки, при помощи которых мало-помалу начал приобретать известность; эта известность возрастала — фельетоны Рошфора сопровождались рекламой, дуэлями, шумом; в своих фельетонах он иногда касался и политических вопросов. Работа в газете «Фигаро» известного парижского дельца Вильмессана кончилась тем, что по прямому приказу правительства Вильмессану пришлось расстаться с Рошфором. Знаменитый «Фонарь», собственную газету Рошфора, правительство терпело очень короткое время. На 11-м номере Рошфор был привлечен к ответственности и бежал в Бельгию, куда и перенес издание «Фонаря», тайком пересылавшегося во Францию. В 1869 г. его кандидатура была выставлена на выборах в палату депутатов и он с триумфом занял депутатское кресло. Но правительство заключило его в тюрьму, и только революция 4 сентября 1870 г. принесла ему освобождение. Во главе огромной толпы Рошфор прямо из тюрьмы направляется в Парижскую ратушу и по требованию этой толпы объявляется членом правительства национальной обороны.

Но в правительстве как и в парламенте он не играл никакой роли: несколько шумных выступлений, без каких-либо практических результатов—вот итог правительственной деятельности Рошфора. Для того чтобы не потерять популярности в массах, он был вынужден уйти. В Парижской коммуне Рошфор не принимал прямого участия; он не разбирался в огромном политическом значении Коммуны, не понимал ее колоссального международного значения; мимо его сознания прошла связь Коммуны с Интернационалом, социальная политика Коммуны и т. п. В своем «Пароле» он, правда, вел яростный обстрел версальцев, но его сочувствие Коммуне носило явно платонический характер. Когда Коммуна очутилась в кольце версальских войск, когда его достаточно неопределенная позиция стала более невозможной, он бежал из Парижа, но был по дороге опознан версальцами и арестован. Как бы ни замазывал Рошфор в своих воспоминаниях свое позорное поведение во время ареста и суда, оно остается фактом. Его унижительные показания на суде, в которых он утверждал, что «всегда стремился к примирению», его письмо к тому самому генералу Трошию, которого он и в своих воспоминаниях и в своих статьях ежедневно обливал грязью, с просьбой о «почтенном свидетельстве» о его невиновности—все это факт. Суд приговорил Рошфора к пожизненной каторге, отбывать которую его отправили в Новую Каледонию, откуда в 1874 г. он бежал и поселился сначала в Лондоне, а потом в Женеве, где и жил до 1880 г.

В 1880 г. Рошфор благодаря амнистии возвратился в Париж, где в своем «Непримиримом», как мы отмечали, начал усиленно проповедывать идеи реванша, ругал всех министров, не забывая и о самом президенте, о его участии в буланжистском движении. О позиции Рошфора во время дела Дрейфуса мы уже писали.

3

Воспоминания Рошфора охватывают фактически всю его жизнь и имеют, конечно, огромный интерес с точки зрения изучения истории Франции конца XIX в. Несмотря на обещание, данное в предисловии, «по возможности меньше выдвигать свою личность» главное внимание Рошфор уделяет все-таки своей собственной особе. Тем не менее тесное переплетение фактов его личной жизни с крупными политическими событиями эпохи, встречи с целым рядом крупных исторических деятелей и их характеристики—все это заставляет с интересом прочитать мемуары Рошфора. Перед читателем проходят картины парижского быта 60-х годов, главным образом литературно-театральный мир, нравы парижских газет, газетный делец Вильмессан и т. п. Там и сям разброса-

ны язвительные характеристики представителей высшей бюрократии Второй империи: Морни, Персиньи, Оливье. Период эмиграции (1868—1869 гг.) интересен характеристикой Виктора Гюго, с которым автору пришлось жить вместе в Бельгии. Целый ряд исторических лиц проходит по страницам мемуаров Рошфора: Гамбетта, Жюль Фавр, Тьер, Трошию, Карно и т. п.; с особенным интересом, конечно, читаются страницы, посвященные Парижской коммуне, аресту Рошфора, его ссылке в Новую Каледонию. Наряду с яркими и запоминающимися картинками политической жизни страны здесь мы находим и богатый материал для характеристики личности самого Рошфора. Разве не замечательно по своей непосредственности и эпическому спокойствию такое место?

«Мы постоянно опасались какой-нибудь пакости (в тюрьме), и один жалкий жеран (подставной редактор), осужденный за подписание статьи, которую он и в глаза не видел, пробовал у нас пищу, не отравлена ли она. Разрезали, например, присланный утром омар, ему давали одну клешню, и если он не падал отравленный стрихнином или синильной кислотой, мы с'едали присланное» (стр. 174).

Не менее показательны в этом отношении и страницы, посвященные Гамбетте, которому Рошфор лично был очень многим обязан. Рошфор изобразил Гамбетту как своего ученика: «Не подлежит сомнению, что моя смелость в атаках на империю зажгла его смелость и он помышлял продолжать словом то дело, которое я начал пером» (стр. 137), что, конечно, далеко не соответствовало действительности.

Одним из наиболее интересных мест в воспоминаниях Рошфора является описание террора версальцев после поражения Коммуны, ужасные условия содержания в тюрьме, в форте Бояр и в Олеронской крепости, издевательства тюремщиков, попытки бегства, встречи с арестованными и сосланными коммунарами.

Все это написано очень живо и ярко, но, конечно, с неизбежным для Рошфора привкусом авантюристичности и некоторой доли театральных эффектов, с упором на свое «я», свою «историческую» роль. Вообще необходимо иметь в виду, что Рошфор в своих мемуарах далеко не всегда склонен считаться с истиной и исторической правдой.

Воспоминания Рошфора во французском подлиннике занимают пять больших томов. «Academia» сильно сократила их, сведя все к одному тому. Без сомнения, правильно, что пропущены детство и юность, но 80-е и 90-е годы—время пребывания Рошфора в женевской эмиграции, издание им «Непримиримого», буланжистский фарс—опускать их в коем случае не следовало: эта часть мемуаров представляет исключительный интерес.

Совершенно ясно, что крайняя субъективность и пристрастность, проглядыва-

ющие в каждой строке мемуаров Рошфора, требовали хорошей, марксистской вступительной статьи, которая должна была дать как общую картину политико-общественной жизни Франции, так и характеристику Рошфора. Выполнено ли это? В малой степени. Вступительная статья Е. Смирнова имеет, несомненно, ряд положительных сторон: она фактически впервые дает портрет Рошфора как политического и литературного деятеля. Характеризуя его на основании воспоминаний современников и анализа его литературной продукции, она в общем правильно намечает социальный образ Рошфора. Но автор слишком мало и бегло остановился на характеристике общего экономического и политического положения Франции; у него нередко Рошфор доминирует как личность. Оценки Рошфора зачастую сделаны на основе анализа черт его характера, что приводит автора к весьма странным «теоретическим» утверждениям.

«Этому уму, — пишет Смирнов, — нужно постоянно быть в крайней оппозиции, чтобы найти все свое амплуа, чтобы обнаружить весь свой блеск, чтобы проявить всю свою силу, чтобы вспламениться и развернуться во всю свою ширь. Но так как положение крайней оппозиции постоянно менялось, то Рошфор следовал за ней — не больше. Не он менялся, менялось положение, где он мог быть самим собой. Это не человек убеждения, это человек темперамента, человек положения, которое всегда относительно и подвижно» (стр. 15. Разрядка автора).

Тут налицо возведение некоей «вечной оппозиционности» Рошфора в абсолютную надклассовую категорию, вне времени и пространства. Эта тенденция у автора, к сожалению, проглядывает весьма часто, вступая в противоречие с правильными попытками осмыслить личность Рошфора в социально-историческом плане.

Весьма сомнительно (мягко выражаясь) утверждение автора, что Рошфор стал буланжистом в результате влияния семьи — отца-роялиста и матери-республиканки.

Комментарии Е. Смирнова большей частью фактически точны, но опять-таки нас не удовлетворяет их политическая и оценочная стороны. Например на стр. 424 сказано: «Мария-Антуанетта — дочь австрийской императрицы Марии-Терезии, жена Людовика XVI — имела пагубное влияние на своего мужа. Вместе с ним участвовала в измене. Вскоре после него также казнена» (sic!).

Одним историческим лицам автор уделяет чрезвычайно много внимания, другим — наоборот. О Стендале, неоднократно упоминаемом Рошфором, мы узнаем только, что это «французский критик и романист», Жирардену же посвящено 14 строк.

Странно звучит сообщение об Эдгаре По: талантливый писатель «с несомненно расстроенным воображением».

О Пишегрю, известном генерале периода Великой французской революции, автор очень обстоятельно сообщает, что он был по приказанию Наполеона «задушен в тюрьме своим собственным галстуком» (разрядка моя. — Ю. К.), считая именно этот факт, повидимому, наиболее важным и заслуживающим внимания. Подобных комментариев, к сожалению, немало.

Совершенно неудовлетворительны комментарии о Наполеоне III (нет объяснения причин и существа бонапартизма), о Луи Блане (нет и намека на объяснение «луи-блановщины», на указания Ленина по этому вопросу), о Бланки, где нет четкого разъяснения его социально-политических воззрений. В характеристике Малона ничего не сказано о его национализме во время франко-прусской войны, о его шатаниях во время Парижской коммуны, о том, что он был, вместе с Бруссом, вождем POSSИБИЛИЗМА. Так же неудовлетворительно примечание о Бисмарке, где сказано, что он «захватил в свои руки (!) дело осуществления давнишнего стремления революционной демократии и даже буржуазии... к объединению Германии, но осуществил это дело под гегемонией юнкерской Пруссии», и где ни слова не сказано о «прусском» пути развития Германии, о причинах гегемонии юнкерства, об исторических причинах развития Германии по тому, а не другому пути и опять-таки не использованы указания Ленина.

Комментарии пишут для того, чтобы дать правильную не только фактическую, но и политическую оценку того или иного события или того или иного исторического лица. Смирнов об этом, повидимому, иногда забывает, и поэтому его комментарии при всей их фактической верности не всегда правильно ориентируют читателя.

Но, во всяком случае, издание «Приключения моей жизни» необходимо всячески приветствовать. Изучение Рошфора точно так же, как изучение наших отечественных Рошфоров: Гапона, Хрусталева-Носаря и др., — крайне интересно с точки зрения выяснения всей сложности социальных противоречий того или иного исторического этапа.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ (ОТ БОРЬБЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ—1774—1783 гг.—ДО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ—1861—1865 гг.)

Важнейшим материалом для понимания истории США периода промышленного капитализма и, в частности, до гражданской войны 1861—1865 гг. являются отдельные главы и отдельные замечания в работах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Указываем минимум основной литературы:

К. Маркс. Капитал. Т. I. Гл. XXV. «Современная теория колонизации». Партиздат. 1932, стр. 613—621. Здесь даны концепции американского рабства и развития капитализма в колонизируемых районах Америки. Об американском рабстве см. там же, гл. XIII—«Машина и крупная промышленность». § 6, стр. 341, и Маркс «Теория прибавочной стоимости». Т. II. Ч. 2-я. Партиздат. 1932, стр. 51. Об Америке как колонии Европы к 1867 г. см. «Капитал». Т. I. Гл. XIII. § 7, стр. 348—349. По вопросу об абсолютной и дифференциальной рентах в Северной Америке см. К. Маркс «Теория прибавочной стоимости». Т. II. Ч. 1-я. Партиздат. 1932, стр. 136—137.

Об особенностях капиталистического развития США см. «Архив Маркса и Энгельса». Т. II (VII). ИМЭЛ. Партиздат. 1933, стр. 79 и 119, и Фр. Энгельс «Положение рабочего класса в Англии». ИМЭЛ. ГИЗ. М. и Л. 1928, стр. 46—47, 54 и 316—317.

О кризисах в Америке см. «Архив Маркса и Энгельса». ИМЭЛ. Партиздат. Т. I (VI), стр. 231, и Маркс и Энгельс. Соч. Т. X, стр. 237.

О гражданской войне в Америке см. переписку Маркса и Энгельса, особенно письма №№ 784 и 789, т. XXIII, стр. 84—86 и 96—98 (см. также указатель в конце т. XXIV), и статьи из «Прессы» и «Ньюйоркской ежедневной трибуны», помещенные во 2-й части XII тома сочинений Маркса и Энгельса.

О рабочем движении в Америке см. переписку Маркса и Энгельса, особенно письмо Энгельса к Г. Шлютеру от 30 марта 1892 г., к Зорге—от 31 декабря 1892 г. (Маркс и Энгельс «Письма». Под. ред. Адоратского. 1932, стр. 394 и 399). Здесь же имеется замечание о феодализме в Америке; об этом же см. письмо Маркса к Энгельсу. Соч. Т. XXIV, стр. 484, и «Коммунистический манифест», гл. IV. «О значении открытия золота в Калифорнии» см. Маркс и Энгельс. Соч. Т. VII, стр. 209—210, и Маркс «Капитал». Т. I. Гл. VIII, стр. 221.

Из работ Ленина укажем: «Письмо

к американским рабочим», в котором дана характеристика значения войны за независимость и гражданской войны. Т. XXIII, стр. 176—190. «К. Маркс об американском «черном переделе». Т. VII, стр. 219—224 (об аграрном вопросе); «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» (капитализм и земледелие в Соединенных штатах Америки). Т. XVII, стр. 575—645 (важнейшее исследование по вопросу о капитализме в сельском хозяйстве в США и вообще об американском капитализме; особенно важны введение и §§ 1—3 и 16). По вопросу об «американском» пути капиталистического развития см. Ленин «Аграрная программа российской социал-демократии в первой русской революции в 1905—1907 гг.». Т. XI, стр. 329—498 (особенно стр. 347—355, 377, 492—498). См. также «О некоторых источниках современного идейного разброда» и «Письмо к т. Скворцову-Степанову». Т. XIV, стр. 197—202 и 212—216.

По вопросу о «национализации» земли в США весьма важна статья «Аграрная программа с.-д. в русской революции». Т. XI, стр. 412—417.

О характерных чертах американского капитализма см. И. Сталин «О правых оппозиционерах в американской компартии». ГИЗ. М. и Л. 1930, стр. 1, «Беседа с немецким писателем Э. Людвигом» — «Большевик». 1932. № 8, стр. 38. По вопросу о первоначальном населении Северной Америки—индейцах—см. Фр. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Партиздат. 1932 (а также работы Люиса Г. Моргана, на которого ссылается Фр. Энгельс,—«Древнее общество» и «Дома и домашняя жизнь американских индейцев». Обе работы на русском языке изданы Институтом народов Севера при ЦИК СССР в 1934 г. в Ленинграде).

Специальная историческая марксистская литература об Америке XVIII—XIX вв. очень невелика. Имеющиеся же работы требуют критического отношения. Общая история США освещена в краткой популярной работе Д. Заславского «Очерки истории САСШ XVIII—XIX вв.». Изд. «Огонек», М. 1931. Эта книга является переработкой «Гражданской войны в САСШ» того же автора. Изд. «Прибой». Л. 1926. Попытка изложить марксистскую концепцию развития американского капитализма сделана В. Мотылевым во II и III гл. «Проблемы темпа развития СССР». М. 1926 (см. изд. 3-е). В. Мотылев допускает оптимальные условия развития капитализма в США, схематизирует историческую картину развития капитализма в США и недостаточно выявляет противоречия американского капитализма в XVIII—XIX вв. В книге В. И. Лана «Классы и партии в САСШ» (М. Партиздат. 1932) сделана первая попытка дать более подробный общий очерк истории США за весь период их существования. По вопросу о накоплении капитала Северной Америки может быть использована несвободная

от ошибок переводная марксистская работа Г. Майерса «История американских миллиардеров». Т. I. М. и Л. ГИЗ. 1924 (т. II вышел в 1927 г.).

Исследование общих и особенных черт американского капитализма на основе конкретного исторического материала периода до гражданской войны 1861—1865 гг. дано в монографии автора этого обзора «К истории капитализма в США». Соцэкгиз. М. 1934¹.

Ценной по материалу и по освещению некоторых вопросов истории рабочего движения является работа руководителя американской секции I интернационала Ф. Зорге «Рабочее движение в Соединенных штатах». Перевод с немецкого. Изд. «Век». СПб. 1907. Но и эта работа требует критического подхода. В ней имеется, например, утверждение (на стр. 6), что в США в период их образования «не существовало никаких классов и никаких классовых противоречий», кроме рабства негров. Работа А. Бимба «История американского рабочего класса» (М. 1930) содержит грубые методологические и фактические ошибки. Так например автор включает в состав рабочего класса Северной Америки в начале XIX в. рабов, самостоятельных пролетариев, учеников и мелких фермеров (стр. 43), крайне недостаточно использует методологические высказывания Маркса и Энгельса о развитии американского капитализма, дает неверную характеристику движущих сил революционной войны за независимость в XVIII в. (рабочие и фермеры были «равнодушны» к войне, война была выиграна благодаря «революционности» капиталистов). После образования США, по А. Бимба (стр. 50), «капиталистический класс взял в свои руки всю страну» (забыты плантаторы). В отделе рабочего движения нет упоминания о разрушителях машин в США, не выявлена борьба революционного и оппортунистического течений в XIX в. Особенно серьезны оппортунистические ошибки автора в главе о новейшем периоде рабочего движения.

В числе марксистских книг должен быть упомянут биографический очерк В. Н. Владимирова о Франклине. К сожалению, в этой книге, особенно в ее предисловии, содержится ряд ошибок. Так, начало постоянных поселений в североамериканских колониях (на территории будущих США) автор относит не к XVII в., а к XVI в.; горный хребет Аппалачских гор в колониальный период вопреки фактам истории и географии оказывается «верной защитой от туземных племен индейцев»; «береговое положение» «заставляет и колонистов быстро развить свою промышленность» и т. п. Автор считает духовенство классом (стр. 8) и открывает еще один новый класс—«господствующий класс консерваторов», который «душил колонии» вме-

сте с «промышленным капитализмом» (стр. 11). В основу своей работы автор положил апокрифическое издание сочинений Франклина (1828 г.) и архаичский французский перевод Лабуле (1866 г.), не использовав более новых научных изданий работ Франклина, имеющих в Москве. Автору неизвестна даже судьба исчезнувшего и найденного затем оригинала мемуаров Франклина.

Из переводных работ современных американских буржуазных историков назовем ценную по материалу и систематичности изложения работу Г. У. Фолькнера «История народного хозяйства САСШ». Соцэкгиз. М. и Л. 1932 (в оригинальном американском издании этой книги дана хорошая библиография по экономической истории США) и книгу Э. Л. Богарта «Экономическая история Соединенных штатов». Изд. «Экономическая жизнь», М. 1927.

За последние годы в США появился ряд новых работ по экономической истории, и сейчас обе эти книги, в особенности вторая, несколько устарели.

Немарксистской является переводная книга А. М. Саймонса «Социальные силы в американской истории». М. и Л. 1925. Автор ее, изгнанный за оппортунизм из рядов революционного американского рабочего движения, исходит из эклектических, методологических установок (попытки «сочетать» марксизм с бюхерианством). Книга все же представляет интерес, поскольку в ней дана, хотя и с мелкобуржуазных позиций, критика некоторых буржуазных концепций американской истории.

Имеющиеся на русском языке буржуазные работы по истории США, изданные в дореволюционный период, весьма устарели. Из этих работ некоторое значение сохранили следующие книги: Н. Мижуев «Великий раскол англо-американской расы». СПб. 1902. В этой работе автор безмерно идеализирует американскую демократию и деятелей борьбы за независимость. Работа эта, однако, является пока единственной на русском языке книгой о войне за независимость и содержит известный документальный материал (хотя и варварски переведенный). По истории гражданской войны в США можно использовать «Историю американской войны» Флетчера, шотландского полковника, бывшего в Северной Америке в 60-х годах. Книга эта издана в СПб в 1867 г. и имеет значение как свидетельство очевидца.

По истории морских операций в период гражданской войны см. «Историю американского флота во время восстания» Чарльса Бойнтонна (Т. I. СПб. 1868), дающую материал по истории стратегии и тактики морской войны в 1861—1865 гг.

Общая политическая история США освещена в работе А. В. Бабина «История САСШ». Автор—русский, проживший свыше 20 лет в Америке и ставший там магистром истории Корнеллевского

¹ См. рецензию в журнале «Историк-марксист» № 4 за 1935 г. и «За большевистскую книгу» № 4 за 1935 г.

университета,—написал в 1912 г. эту книгу на русском языке для того, чтобы, как он сам заявляет, «познакомить своих соотечественников с не тронутую русскими историками страницей «священной книги народов». Обемистая книга А. В. Бабина (около 1000 страниц в обеих частях) содержит большой фактический материал и снабжена детальным указателем. По своим методологическим установкам А. В. Бабин находится примерно на уровне американских историков середины прошлого столетия.

Из старых работ историков-идеалистов, изданных на русском языке, можно еще назвать: «Американская республика» Дж. Брайса (части 1—3. М. 1890) и «О демократии в Америке» Алексея де-Токвиля. Пер. В. Н. Линда. М. 1897, а также работы В. Вильсона «Государственный строй Соединенных штатов». СПб. 1909, и М. Ковалевского «Происхождение современной демократии», 1895—1897 гг., в 4 томах.

Чрезвычайно важная для истории США проблема местного самоуправления трактуется в работе профессора Мичиганского университета Джона А. Фэрли «Местное управление в Соединенных штатах». Пер. под ред. Н. П. Гронского. СПб. 1910.

Оригинальная американская литература огромна. До гражданской войны в Америке господствовала ранняя (the early) школа (важнейшие представители: Bancroft, Prescott, Motley). Характерными для этой школы являются идеализация американской демократии и затушевывание классовой борьбы в американской истории.

После гражданской войны появляется «социальное» направление, ставящее своей задачей мнимо-«объективное» изучение социальных явлений на основе критического исследования источников (влияние германского историка Ранке и его последователей). Основатели этой школы: умерший незадолго Ф. J. Turner и J. Winsor, автор «Критической и описательной истории С. А.» (Narrative and Crit. History of North America, v-s I—VII. Ld. 1889). Первая его работа была напечатана в 1893 г. Виднейший современный представитель этого направления — Mac-Master, автор восьмитомной «Истории народа Соединенных штатов Америки» (History of the People in the Un. States of America. N.-Y. 1886—1910) и других работ.

За последние десятилетия в американской историографии господствует экономическая школа — Ч. Бирд, Ф. Тарнер, В. Кларк, У. Б. Филипс, Дж. Коммонс, А. Шлессинджер, Г. Фолькнер,—целиком базирующаяся на буржуазных методологических и политических позициях, причем некоторые ее представители (Кларк, Коммонс и др.) пытаются использовать и марксистский метод, «дополняя» марксизм теориями Шмолера, Бюхера и др. За последнее время, примерно с 1932 г., в американской историографии наметились тенденции фашизации. Особен-

но характерно в этом отношении выступление создателя «экономической» школы Бирда в декабре 1933 г. на международном историческом митинге в Урбане, где он прочел адрес в качестве президента Американского исторического общества.

В этом выступлении Бирд заявил, что история—это не процесс и не наука о процессе, а «современное мышление о прошлом», т. е. стал в этом вопросе на точку зрения фашистских идеологов—Шейнглера, Кроче и др. При этом Бирд объявил ложной старую буржуазную теорию объективности исторической науки и величайшим мыслителем современности объявил итальянского фашиста Бенедетто Кроче. На левом крыле этого антимарксистского течения, по существу продолжающего традиции ранней школы, стоят социалисты-оппортунисты А. М. Саймонс, М. Хилквитт, Дж. Онил и др.

Из работ буржуазных американских историков наиболее интересны следующие. По общей истории: Beard Charles and Beard Mary «The Rise of American Civilisation». N.-Y. 1933 (Бирд Чарльз и Бирд Мэри «Развитие американской цивилизации». Нью-Йорк. 1933). Далее, Hockett, H. C. Political and Social Growth of the U. S.». 1492—1852. N.-Y. 1933 (Хоккетт Г. С. «Политический и социальный рост С. Ш.». 1492—1852. Нью-Йорк. 1933), Schlessinger, A. M. «A Political and Social History of the U. S.». N.-Y. 1934 (Шлессинджер, А. М. «Политическая и социальная история С. Ш.». Нью-Йорк. 1934).

По истории колониального периода Северной Америки: Chitwood, O. P. «A History of Colonial America». N.-Y. Ld. 1931 (Читвуд, О. П. «История колониальной Америки». Нью-Йорк. Лондон. 1931). О революционной войне конца XVIII в.: Jameson, J. Franklin «The American Revolution considered as a Social Movement». Princeton. 1926 (Джемсон, Франклин «Американская революция, рассматриваемая как социальное явление». Принстон. 1926). О промышленном развитии США см. Carman, H. G. «Social and Economic History of the U. S.». V-s 1—2. Boston. 1930—1934 (Карман, Г. Г. «Социальная и экономическая история США». Том I и II. Бостон. 1930—1934). Лучшая из сводных буржуазных работ об американском рабстве: Phillips, U. B. «American Negro Slavery». D. Appleton C-ny, N.-Y. 1929 (Филипс, У. Б. «Американское негритянское рабство». Эпплтон К^о. Нью-Йорк. 1929). О сельском хозяйстве, аграрном вопросе и о «свободных землях» см. работу Hibbard, V. H. «A History of the Public Land Policies». N.-Y. 1925 (Гиббард, В. Г. «История политики в вопросе об общественной земле». Нью-Йорк. 1925).

Одной из наиболее ценных буржуазных работ о рабочем движении в США, с точки зрения богатства материала (несмотря на то что эта книга вышла в 1905 году), является работа профессора

одного из западных университетов (Висконсинского) Ричарда Илай (R. J. Ely) «Рабочее движение в Америке» («The Labour Movement in America»). Из более новых работ см. капитальный труд J. K. Commons «History of Labour in the U. S.» V-s I-II. N.-Y. 1921) (Коммонс «История труда в С. Ш.». Т. I и II. Нью-Йорк. 1921).

В работе желтого американского социалиста Мориса Хилквита «История социализма в Северной Америке», изданной в 1921 г. Госиздатом, вовсе игнорируется массовое рабочее движение первой половины XIX в. Рабочее движение второй половины XIX в., по Хилквиту, непосредственно продолжает утопические и религиозные поселения предшествующего периода. Можно использовать имеющийся в этой работе фактический материал при самом критическом отношении к нему.

В историографии гражданской войны 1861—1865 гг., сейчас же после ее окончания, обозначились два течения: сторонников южан (А. Дэвис, А. Стифенс и др.) и сторонников севера (Гор. Грили и др.). Отголоски утверждений южан о том, что юг боролся не за сохранение и экспансию рабства, а против высоких тарифов, несправедливо установленных Северными штатами, и за принципы декларации за независимость (право на отделение), встречаются и у некоторых современных американских историков из Южных штатов, например у Додда, Флеминга и др. Историки, стоящие на «северной» точке зрения (эта точка зрения господствует и в настоящее время), противопоставляют версии южан либеральную легенду о свободолюбивой буржуазии Севера, боровшейся против рабства во имя принципов гуманности. Эта точка зрения особенно ярко высказана в многотомных работах Родса и Мак-Мастера. Основные работы по истории гражданской войны: Mac-Master «A History of the People of the U. S. during Lincoln Administration». N.-Y. Ld. 1927 (Мак-Мастер «История народа С. Ш. в период администрации Линкольна». Нью-Йорк. Лондон. 1927) и Rhodes J. F. «History of the Civil War. 1861—1865». The Macmillan C.-ny. 1923 (Родс «История гражданской войны. 1861—1865 гг.». Мак-Миллан К^о. 1923). Обе эти работы изобилуют фактическим материалом, но не вскрывают причин и сущности гражданской войны в США.

Кроме этого см. «The American Nation». V-s 20—22 (серия «Американская нация». Тома 20—22). В этом издании имеется библиография гражданской войны. Более подробные библиографические сведения можно найти у Channing and Hart «Guide of the Study of American History». Bost. Ld. 1912 (Чаннинг и Харт «Путеводитель для изучения американской истории». Бост. Лондон. 1912).

О рабочем движении в США в эпоху гражданской войны см. Schlüter, Lincoln «Labour and Slavery». N.-Y. 1913 (Шлю-

тер, Линкольн «Наемный труд и рабство». Нью-Йорк. 1913).

Основные недостатки этой марксистской работы: описательный характер изложения, отсутствие материалов об участии рабочего класса в гражданской войне и известная идеализация мелкой буржуазии и Авраама Линкольна. Однако книга эта ценна тем, что в ней дан материал о профессиональном и политическом движении рабочих Северной Америки 40—60-х гг. и опубликована переписка I интернационала и рабочих Манчестера и Лондона с Линкольном и Джонсом. Об истоках американского рабочего движения см. того же автора «Die Anfänge der deutschen Arbeiterbewegung in America». Stuttgart. 1907 («Истоки немецкого рабочего движения в Америке». Штутгарт. 1907).

Ценным справочным пособием является однотомный энциклопедический словарь по американской истории Jameson, J. F. «Dictionary of U. S. History». Philadelphia. 1931. Revised by McKinley (Джемсон, Дж. Фр. «Словарь истории С. Штатов». Филадельфия. 1931. 2-е изд., пересмотренное Мак-Кинли). В этом словаре совершенно недостаточно освещено рабочее движение в США, мало внимания уделено также этнографии, в частности индейцам и национальному вопросу. При пользовании словарем следует, разумеется, помнить, что здесь воспроизведены буржуазные оценки событий американской истории.

Прекрасно издан и отличается исключительной полнотой атлас по истории США Поллина (Paullin, Ch. O. «Atlas of the Historical Geography of the U. S.»), изданный в 1932 г. Американским географическим обществом и Институтом Карнеги в Вашингтоне. Вся экономическая часть атласа построена на данных американской буржуазной статистики, которая вследствие своих неверных методологических предпосылок дает извращенное представление о ряде экономических процессов (например в вопросах расслоения фермерства и др.). Недостаточно освещена здесь также и военная история США.

Источники на английском языке опубликованы в большом количестве. Назовем два издания, пользующиеся большой известностью: Macdonald, W. «Documentary Source Book of American History (1606—1908)». N.-Y. 1928, и Commons, J. R. «Documentary History of American Industrial Society». Cleveland. 1910—1911. V-s I—II (Макдональд, В. «Книга документальных источников по американской истории (1606—1908)» и Коммонс, Дж. Р. «Документальная история американского промышленного общества». Кливленд. 1910—1911. Т. I—II).

С источниками на русском языке можно ознакомиться по «Хрестоматии по новой истории» под ред. Н. М. Лукина и В. М. Далина. Партиздат. 1934. Ч. II.—«Гражданская война в Соединенных штатах».

А. Бергер

В. С. СЕРГЕЕВ. История древней Греции. М. и Л. Соцэкгиз. 1934. 353 стр.

«История древней Греции» В. С. Сергеева в основном является учебным пособием для вузов. Этим определяются те требования, которые должны быть предъявлены к этой книге. Однако надо учесть и ряд трудностей, которые пришлось преодолеть автору книги. Перед В. С. Сергеевым стояла задача: дать последовательное марксистское освещение такой области истории, которая до сих пор была сравнительно мало затронута историками-марксистами. Надо признать, что автор, особенно в сравнении с прежней учебной литературой, делает определенный шаг вперед. Так, в книге сгруппированы основные высказывания основоположников марксизма об античном способе производства. Исходя из них, автор большое внимание уделяет экономическому развитию рабовладельческой Греции, намечая основные фазы ее хозяйственного и социально-политического развития. При этом автор широко цитирует первоисточники, дает читателю такой материал, который был ему раньше совершенно недоступен; цитируются не только авторы античной эпохи в русских или иностранных переводах, но и непереуведенные фрагменты или даже надписи, как например пирейские надписи V в. (стр. 121). Чрезвычайно ценной особенностью книги является и обширный раздел, посвященный так называемой эллинистической эпохе; в существующей на русском языке литературе учебного характера этот весьма важный раздел либо вовсе отсутствует либо трактуется крайне бегло и поверхностно (например в учебнике М. Хвостова).

Тем более досадны те весьма крупные недостатки книги, которые объясняются не только трудностями написания такого учебного пособия, но небрежностью и спешкой. Таковы, например, ошибки в подписях к иллюстрациям: под изображением бронзового кинжала из Микен подписано: «Каменный топор из Микен» (!), или под изображением афинской монеты с головой Афины-Паллады стоит подпись «Критский воин» и т. д. В тексте допущен ряд небрежностей, искажающих смысл. Это особенно заметно в разделах о гомеровской Греции, в которых небрежность в исторической терминологии приводит к весьма большой нечеткости формулировок, например: «Часть фетов принадлежала к покоренному населению и находилась на положении крепостных (или рабов), другая же часть юридически считалась свободной, но экономически

целиком зависела от базилевса или эвпатрида...» Во-первых, понятиями «крепостной» и «раб» характеризуются совершенно разные исторические эпохи и общественные формации. Во-вторых, феты гомеровской Греции вопреки утверждениям автора ни в какой мере не сливались с рабами, являясь продуктом разложения родовых союзов и представляя собой кадры возникшего и развившегося в послегомеровскую эпоху городского населения. В-третьих, и это самое важное, совершенно недопустимо отождествлять фетов с рядовыми свободными земледельцами («лаой»), составлявшими основную массу гомеровского общества и находившимися в зависимости от базилевсов, но в значительной степени сохранявшими еще общинно-родовую организацию, старую связь с землей. Всего несколькими строками выше сам Сергеев правильно характеризует фетов как «наемных рабочих, или поденщиков». Автор подменяет здесь гомеровскую Грецию Атикой эпохи Солона, вводя специфические для этой последней эпохи термины «эвпатридов» и «гектеморов»¹, совершенно у Гомера не встречающиеся и характеризующие гораздо более позднюю фазу развития рабовладельческого общества. Ссылаясь на стр. 30 на таких буржуазных историков Запада, как Э. Мейер, Р. Нельман, У. Вилламовиц-Меллендорф, В. С. Сергеев не дает никакой оценки их теориям, в то время как эти историки утверждают, что гомеровская Греция—это феодальное общество. В. С. Сергеев еще усиливает путаницу, привлекая к характеристике гомеровского общества догадку о наличии в нем так называемых «мужских домов» (высказанную проф. Виппером), причем безоговорочно превращает эту догадку в научную теорию. Он пишет: «Гомеровский «медный дом» имеет свою длинную и интересную историю. Это один из многих пережитков глубокой старины, восходящей к так называемым «мужским домам».

Ни о каком «медном доме» у Гомера ничего не сказано; автор, очевидно, имеет в виду слово «халькейон», которое хотя и происходит от слова «хальон» («медь»), но имеет один определенный смысл—«кузница»; автор прибегает к произвольному толкованию этого слова, для того чтобы словесно сблизить обозначения «медный дом» и «мужской дом». Между тем наши сведения о греческом языке не дают нам никакого основания для подобного сближения, тем более что у Гомера для обозначения кузницы как клуба употребляется совершенно другое слово—«лесхе», то есть «место, где можно поболтать».

¹ Гектеморам — «шестидольниками» — назывались крестьяне в Аттике VI в., впавшие в долговую кабалу к землевладельческой знати и отдававшие ей $\frac{5}{6}$ своего урожая.

На стр. 66 говоря о реформах Солона, автор пишет: «Наконец, глухо упоминаемый в предании закон о земельном максимуме имел в виду вырвать из рук крупных землевладельцев - эвпатридов часть земель с целью передачи их в руки средних землевладельцев (демократов), более рационально использовавших земельные богатства». Читающий эту фразу невольно вспоминает скорее Великую французскую революцию, а не Аттику VI в. до нашей эры. У Плутарха упоминается знаменитая формула революционеров гораздо более позднего периода, периода разложения греческой рабовладельческой системы IV и III вв. «Гес анадосос кай Креон апокопе», т. е. формула передела земли и кассации долгов. Плутарх неправильно относит эту формулу к более раннему периоду, периоду Солона. В. С. Сергеев неточно передал Плутарха. Получилась полная путаница.

Сущность реформы Солона состояла в первом законодательном оформлении интересов развивавшегося рабовладельческого хозяйства и в параллельном подрыве экономической и политической власти старинной родовой землевладельческой знати. Это в книге дано. Но тем большим недоразумением является вышеприведенная фраза автора о «земельном максимуме». В эту раннюю эпоху истории рабовладельческого общества не могло быть и речи о нападении на частную собственность в виде требования передела земли или, еще того менее, «земельного максимума». Вообще изложение автором реформ Солона страдает внутренней несвязанностью и противоречивостью, подробно останавливаться на которых в рамках настоящей рецензии нет возможности. Эти противоречия в основном зависят, как нам представляется, от того, что автор стремится передать читателю максимум сведений о реформе из произведений авторов античной эпохи и наряду с этим не подвергает их критическому анализу. Эта особенность — обильное цитирование первоисточников без их критики — вообще часто встречается в книге и является ее крупным недостатком.

На стр. 70 В. С. Сергеев говорит о «колониальной политике Афин»... эпохи Пизистрата (!); на стр. 72: «Поликрат Самосский, друг Пизистрата, пал, и, таким образом, Афины оказались отрезанными от моря». Формулировки, подобные вышеприведенным, легко могут дезориентировать неподготовленного читателя. Между тем в книге их весьма много, иногда по несколько на одной странице.

В книге много утверждений и формулировок, приводящих к прямым искажениям исторической перспективы; например проводится аналогия между греко-персидскими войнами и крестовыми походами (стр. 87) — такое сопоставление может привести лишь к полной путанице исторических представлений. В первом случае перед нами оборонительные

войны развивавшихся рабовладельческих полисов против захватнических притязаний огромной, но гетерогенной¹, передне-восточной державы — войны, в которых ярко проявлялась социально-экономическая, политическая и культурная связь древневосточного и античного общества; во втором — военный захват феодальной Европой побережий восточного бассейна Средиземного моря в поисках товаров и сокровищ, производившихся в интересах развивавшихся городов (Венеция, Генуя), т. е. в первом случае — быстрый рост и оформление рабовладельческого полиса, во втором — процесс разложения феодального строя. Где здесь материал для аналогии?!

Еще хуже квалификация афинских стратегов V в. как «колониальных императоров» (стр. 102): сопоставление какого-нибудь Кимона или даже Фразибула (командира одной афинской триеры!) — с Юлием Цезарем.

На стр. 136 автор утверждает, что «демократия укрепляется с того момента, когда старая эвпатридская кавалерия в условиях нового боя и новой военной (железной) техники оказывалась недостаточной и технически непригодной». Столь твердо звучащая формулировка не только не опирается ни на какие источники, но является плодом вольной фантазии автора, прямо противоречащей общеизвестным данным Гомера и хронологии распространения железа, которое стало обрабатываться в Малой Азии и в Греции, по крайней мере, с XI в. до нашей эры, так что в эпоху оформления полиса, т. е. в VIII—VI вв. до нашей эры, говорить о железной технике как о новом факторе социально-политического развития, по меньшей мере, странно.

«Сила гоплитов и превосходство железной техники были причиной греческих побед в последующей войне с персами в начале V века, утвердившей гегемонию афинского торгового капитала в Эгейском море». Разве можно говорить о разной степени владения железной техникой у таких двух культурных народов, как греки и персы?!

Насколько мы знаем, никто из историков не объяснял победы греков превосходством гоплитского строя, а все, и прежде всего сами греки, указывали на роль морского флота греков. На стр. 94 В. С. Сергеев пишет: «За морской партией укрепилось название радикалов, а за сельской — консерваторов» (разрядка автора) — эта странная фраза может перенести мысль читателя скорее в современность и внести путаницу в его исторические представления. Ведь представители интересов торгово-ремесленных морских кругов назывались в V в. и позднее «демократами» и осуществляли свое-

¹ Гетерогенная держава — государство, состоявшее из многих народностей, стоявших на неодинаковой ступени культурного развития и угнетавшихся господствовавшей народностью.

го рода демократическую диктатуру Афин над своими «союзниками» в рамках общности интересов всего этого (и в среде «союзников» и в среде афинян) торгово-ремесленного слоя рабовладельцев, интересов, направленных на подавление рабской массы и своих противников — «олигархов», представлявших в V в. старинную землевладельческую знать и интересы сельских рабовладельцев.

На стр. 67 автор пишет: «В Афинах после реформы Солона первые два класса составляли тяжелую кавалерию (всадники), выезжавшую в поход на лошадях; третий класс (зевгиты) составлял тяжеловооруженную пехоту (гоплиты), четвертый разряд (феты) составляла легковооруженная пехота и несла служебные обязанности при войске». Трудно понять, откуда почерпнуты такие сведения об Аттике начала VI в., к тому же вполне противоречащие утверждениям автора об исчезновении эвпатридской «кавалерии» и замене ее гоплитами (стр. 136). Вообще в Афинах VI в. мы ничего не знаем о «кавалерии», тем непонятнее, что хочет сказать автор термином «тяжелая» кавалерия, ибо о таковой мы вообще в рабовладельческом мире ничего не слышали. Никаких намеков на подобное деление в имеющихся сведениях о периоде Солона нет. «Легко вооруженная пехота» появляется в Афинах лишь в IV в., как известно, и связывается с именем стратега Ификрата.

Подобные неточности, ошибки и необоснованные утверждения встречаются в книге в досадно большом количестве, что, конечно, чрезвычайно снижает ее достоинство как учебного пособия.

Но серьезные сомнения вызывают более принципиальные высказывания автора. Гомеровская Греция характеризуется противоречиво: с одной стороны, как развитое рабовладельческое общество с «мирадами» рабов, даже с рабскими мастерскими в виде гинекеев (!) и дифференцированным составом рабской массы; с другой стороны, как общество с развитыми еще доклассовыми отношениями и патриархальным рабством; утверждается, наконец, что «базилевсы владели не только золотом и серебром, но в их руках находились также и все производительные силы: земля, пастбища, перевозочные средства (суда) (?), ремесленные мастерские (?) и мельницы. Все это вместе взятое возвышало базилевсов не только над массой хуторных общинников (?), но и над рядовыми эвпатридами (?). «В руках базилевсов находилось оружие, и им же принадлежала политическая власть». В этой характеристике базилевсы выступают почти как феодалы короли или даже как восточные деспоты. Эти противоречивые характеристики не сведены автором к какому-либо единству, и вряд ли неподготовленному читателю будет ясно, какое же общество выступает перед ним в поэмах Гомера. Автору следовало бы сгруппировать материал так, как он дает-

ся самим источником, и дать характеристику переходного периода от разложения родового общества патриархального рабства до оформления классового рабовладельческого общества.

Вряд ли можно согласиться и с данной В. С. Сергеевым характеристикой классового состава греческого полиса VII—VI вв. По Сергееву, этот полис состоял из эвпатридов — землевладельческой знати, плутократии — «богатого слоя «худородных» — и демоса — остальной массы народа; плутократия — это верхушка демоса, в которую входили якобы зажиточные слои города и деревни, вступившие в эпоху тирании в борьбу с эвпатридами. При этом автор утверждает, однако, что экономические интересы плутократии и эвпатридов в значительной мере совпадали. При такой постановке вопроса делаются совершенно непонятными социальные корни тирании, которая, по утверждениям автора, опиралась на «плутократию» и была направлена против эвпатридов, представляя вместе с тем интересы («тиран группировал вокруг себя... бедную часть демократии», стр. 38) широкой сельской и городской массы. Термин «плутократия» — (кстати, вообще крайне неудачный термин, якобы утвердившийся, как совершенно ошибочно заявляет автор, за верхушкой демоса) автору приходится расширять, фактически захватывая им всю массу населения, кроме эвпатридов, причем он окончательно смазывает все классовые группировки. Автор делает основную ошибку, сдвигая в одну классовую группу столь противоположные по своим интересам слои, как земледельческое население деревни и торгово-ремесленное — города; этим автор совершенно стирает важнейший факт отделения города от деревни, которому Маркс, как известно, придавал такое огромное значение в истории классового общества и который как раз является характернейшим признаком развития греческого общества этой эпохи. Поэтому при характеристике классовой борьбы автор вынужден вопреки всякой логике социально-политического развития поселить «плутократов»: мелких землевладельцев, хозяев масличных насаждений, садов, виноградников — в «центральной приморском городе» (стр. 56); социально-политические группировки Аттики совершенно произвольно при этом распространяются на всю Грецию.

Это неправильное понимание классовой структуры рабовладельческого полиса приводит автора и к искривлениям в характеристике внутреннего развития и внешней политики афинской рабовладельческой демократии в V в. При Перикле, по Сергееву, городская «плутократия» была объединена с «торговыми элементами деревни» (неясно, что Сергеев под этим понимает), причем в руках этих последних якобы было политическое руководство; после падения Перикла руководство перешло к «промыш-

ленникам и финансистам». О деклассированных элементах рабовладельцев, так называемой «корабельной черни», и их роли в Афинах в период Пелопоннесской войны автор (стр. 156—165) почти ничего не говорит. В другом месте, ниже, автор подчеркивает противоположность интересов и борьбу этого «охлоса» с богатой верхушкой, причем эту верхушку считает еще в V в. представительницей интересов олигархов. Эти утверждения автора противоречат известным нам фактам истории Афин V в. До самого конца Пелопоннесской войны вожди афинской «радикальной» демократии, включавшей в себя и опиравшейся главным образом на эту «корабельную чернь», выходили именно из среды богатой верхушки: Клеон, Клеофонт, Агиррий и др. Наоборот, совершенно ясна борьба интересов деревенского населения, на которое ни в какой мере не опирался и Перикл (стоит прочесть только речи Перикла у Фукидида), с интересами города как целого, независимо от классовых группировок его населения; совершенно ясна связь афинских олигархов с деревней и с землевладельческо-аристократическими элементами других полисов. Фактам единства интересов городского населения, несмотря на большие имущественные различия в его среде, противоположности этих интересов интересам земледельческого населения, наконец, общей противоположности классового положения свободных рабовладельцев и рабов — этой специфике развитого рабовладельческого общества Греции совершенно не соответствуют и самый термин «плутократия» и то содержание, которое вложено в него автором.

Анализу рабовладельческого хозяйства автор посвящает, как было уже сказано, много внимания — и в этом бесспорная ценность книги. Но трактовка этой темы В. С. Сергеевым тоже вызывает сомнения. С одной стороны, автор с сочувствием приводит вычисления Ю. Белоха (весьма склонного, как известно, к аналогиям древности с капиталистической Европой, что автору следовало бы отметить) о рентабельности эксплуатации рабского труда, причем эти вычисления дают сравнительно высокие показатели этой рентабельности; но рядом, противореча самому себе, Сергеев говорит о нерентабельности рабского труда: «Для поддержания рентабельности рабского производства прибегают ко всякого рода внеэкономическим мерам: военным захватам, установлению политической гегемонии, торговой монополии, концентрации производства в немногих главных центрах и т. д.». Во-первых, трудно назвать перечисленные автором меры «внеэкономическими»; во-вторых, такая «мера», как «концентрация производства в немногих главных центрах», вряд ли может быть приписана античной экономике и скорее перенесет мысль читателя в экономику капиталистическую; автор, таким образом, ставя весьма важный во-

прос, фактически на него ответа не дает.

Пытаясь объяснить «необходимость рабского способа производства», автор приводит ряд совершенно не связанных между собой аргументов, из которых главный — это «низкий материальный и культурный уровень греческих масс...» Но если сравнить культурный уровень афинской, например, массы V или IV вв. с таковым же рабоче-ремесленной массы периода раннего капитализма, то вряд ли преимущества окажутся на стороне этого последнего. Здесь аргументация автора вопиюще антиисторична. Посвятив столько внимания и места данной теме, автор должен был более интенсивно разработать этот жгучий, актуальнейший для древнего историка вопрос; в этом вопросе следовало отмежеваться от буржуазной историографии.

В настоящей рецензии невозможно, конечно, дать не только исчерпывающий, но даже сколько-нибудь полный анализ достоинств и недостатков книги В. С. Сергеева. Наряду с очень крупными недостатками, исправить которые нам представляется возможным лишь в результате основательной переработки книги автором, «История древней Греции» В. С. Сергеева обладает значительными, уже указанными выше достоинствами. К их числу надо отнести и весьма развитый в книге отдел культурной истории, хотя он и трактуется автором с наименьшей степенью самостоятельности. Философские и особенно политические теории, с наибольшей яркостью отражающие противоречия рабовладельческой природы древнегреческой культуры, излагаются автором слишком суммарно, в частности, совершенно не подчеркивается особенно для нас интересное выступление ранних циников¹, столь ярко отражавших кризис рабовладельческой системы.

Самое построение книги интересно. Автор пытается дать периодизацию истории древней Греции по фазам развития рабовладельческой системы; в частности, интересна характеристика эллинистической эпохи с точки зрения разложения рабовладельческих отношений и возникновения отношений феодального типа.

В итоге надо сказать, что недостатки книги, особенно со стороны даваемого автором конкретного материала, весьма сильно ее обесценивают, и, несмотря на то что мы теперь располагаем в результате большой работы, проделанной проф. Сергеевым, пособием для студентов, оно может быть рекомендовано им только с оговорками.

Необходима срочная доработка очень ценной и нужной книги проф. Сергеева, так как нужда в марксистском учебнике по древней истории огромна.

¹ Циники — философская школа, возникшая в IV в., отрицающая рабство и выдвигающая теорию о «естественном» равенстве людей.

ПО ИСТОРИЧЕСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

Т. Дубына

ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ ИСТОРИИ

Решение ЦК партии и правительства от 16 мая 1934 г. о преподавании гражданской истории в школах потребовало коренной перестройки в преподавании исторических дисциплин во всей системе народного образования.

Отмеченные в этом решении недостатки характерны не только для средней и низшей школы, но они целиком относятся и к специальным историческим учебным и исследовательским институтам.

Естественно, что текущий учебный год Институт красной профессуры истории должен был начать с радикального пересмотра учебных планов, программ и методов преподавания. Проверка знаний слушателей и анализ программ показали, что система учебы в Институте не обеспечивает серьезного изучения исторических дисциплин оканчивающими слушателями. Оказалось, что в учебных планах почти целиком отсутствовало преподавание истории народов Запада, Востока, России в древние и средние века. Нельзя считать сколько-нибудь серьезным изучением то, что слушатель ИКП за все время учебы получал по всеобщей истории до XVII в. 6 лекций и столько же по истории XVII и XVIII вв. Примерно столько же лекций он получал по древней и средней истории России. Не удивительно, что при проверке отдельные слушатели не могли точно ответить на вопрос, кто был Цезарь, Гомер, Александр Македонский и т. д.

Вторым коренным недостатком учебного плана являлось совершенно неудовлетворительное изучение всего послевоенного периода. История СССР, история гражданской войны, историко-партийная тематика, история Коминтерна, братских партий, вопросы внешней политики послевоенного периода и т. п. были представлены в программах исключительно слабо.

Наконец, третьим коренным недостатком являлось то, что история XIX в. и первых десяти—пятнадцати лет XX в., которая занимала наибольшее место в учебных планах, преподавалась главным образом в разрезе методологических проблем. Наиболее полно была представлена история революций, рабочего движения, и совершенно неудовлетворительно давалась гражданская история. Весь курс строился слишком методологически, пренебрегая хронологией и знанием фактов.

Преподавание истории Запада этого

периода ограничивалось главным образом основными странами: Германией, Францией, Англией и отчасти Соединенными штатами. История западнославянских стран, Италии и др. совершенно отсутствовала.

Выполняя решение ЦК и указания товарища Сталина, Институт резко перестроил весь свой учебный план и программы. Прежде всего необходимо было обеспечить прохождение каждым слушателем Института систематических исторических курсов. Этому в значительной степени мешало то, что специализация начиналась прямо с первого курса. Поступающий в ИКП слушатель с первого же года специализировался по определенному разделу истории, в результате получалось, как правило, что западники совершенно не знали истории России, народов СССР, а русские историки почти не проходили истории Запада.

С текущего года специализация начинается только на третьем курсе. Первые два года учебы дают слушателю систематическое общесторическое образование. Первый год посвящен целиком изучению древней и средней истории, второй год посвящен новой и новейшей истории.

До сих пор слушатели Института работали главным образом в семинарах. Сейчас уже прочное место в преподавании заняли полные систематические лекционные курсы. Каждый слушатель обязан сдать полностью зачет по всем разделам истории как по семинарскому, так и по лекционному курсу.

В ближайшее время Институтом будут опубликованы разрабатываемые стабильные программы, в которых полностью учтены решения ЦК и указания товарища Сталина. Уже с самого начала учебного года профессора и преподаватели Института свои лекции и семинары построили на основе конкретных исторических фактов в их хронологическом развитии.

Само собой разумеется, что преподавание исторических дисциплин не может ограничиваться только точным хронологическим изложением фактов. Воинственная партийность, подлинно научный подход требуют не только изучения фактов, но и серьезного теоретического и политического обобщения их. Этому значительно способствует преподавание философских дисциплин. На первом курсе слушатели изучают основные проблемы диалектического материализма, а на третьем курсе—историю философии.

В системе Института специализация проходит по трем отделениям: отделение истории народов СССР, истории народов Запада и истории народов Востока. Последнее отделение в ближайший период будет развернуто в отделе-

ние истории колониальных и зависимых стран. На каждом отделении слушатели специализируются по соответствующим разделам истории (древней, средней, новой) на отделениях истории народов Запада и Востока, кроме того специализация идет по линии отдельных стран.

Исключительно большое значение, как показала практика, имеет введение семинара по историографии (на третьих курсах). Серьезный курс историографии дает возможность познакомиться с развитием исторической мысли и играет значительную роль в приобретении слушателями дополнительного фактического исторического материала и навыка критического подхода к различного рода историческим школам.

Начиная с третьего курса, семинары носят полуйсследовательский характер. Слушатель привлекает не только общую литературу, но в значительной степени и первоисточники.

Таким образом, еще во время учебы в ИКП слушатели работают над материалами в Институте Маркса—Энгельса—Ленина, в московских архивах и т. п.

Однако до сих пор Институт еще недостаточно вооружает слушателей знаниями техники исторического исследования. Введение преподавания источниковедения, археологии, архивного дела, практический показ преподавателями различного рода исторических источников (летопись, памятники, былины, мемуары, газеты и т. п.), знакомство с архивами, экскурсии должны обеспечить ликвидацию этого крупного недостатка в самое ближайшее время.

Одним из наиболее серьезных вопросов в подготовке слушателя является знание иностранных языков. Институт взял крепко линию на то, чтобы на третий курс не переводился ни один слушатель, не могущий свободно читать на одном из иностранных языков литературу средней трудности.

Имея в виду особую трудность изучения восточных языков, Институт вынужден требовать от поступающих на это отделение знания языка соответствующей страны. В настоящее время происходит набор на восточное отделение. Все 50 товарищей, подавшие заявления, знают в разной степени два иностранных языка: один восточный (китайский, японский, турецкий) и английский. Для всех слушателей западного отделения введен элементарный курс латинского языка, а для специалистов по всеобщей древней и средней истории — полный курс латинского и греческого языков. Все слушатели отделения истории народов СССР, кроме изучения иностранного языка (английского, французского, немецкого), обязаны сдать полный зачет по древнеславянскому и языку одного из народов СССР (украинский, белорусский, тюркский и т. п.). В учебном плане значительно увеличено количество часов работы с преподавателями языковых групп.

Для повышения общекультурного развития слушателей введен дополнительный курс по истории русской литературы народов СССР и народов Запада.

Проведенная перестройка учебных планов, разработка новых стабильных программ, совершенствование методов преподавания, введение строгого контроля подняли значительно трудовую дисциплину в Институте, повысили качество усвоения материала. Первое полугодие несмотря на очень большую нагрузку слушателей, на значительную общественную работу дало хорошие показатели работы слушателей. Планы всех семинаров выполнены полностью.

Оценка выступлений свидетельствует о серьезной работе слушателей. Возьмем для примера первый курс. Из 59 сделанных устных докладов во всех группах первого курса оценено 6 «отлично», 6—«очень хорошо» и 23—«хорошо». За все полугодие, учитывая все классные занятия всего Института, было лишь три пропуска по неважной причине. Все слушатели второго курса в феврале сдали свои письменные доклады. Значительные успехи имеются и в изучении иностранных языков.

Сильно выросшая потребность в кадрах историков, большая тяга к историческим знаниям требуют от Института значительного расширения. Институт принял в 1933 г. только 6 чел., в 1934 г.— 35 чел., сейчас принимает 30 чел., в осенний прием необходимо принять 50—60 чел. Набор уже начался, серьезная помощь и внимание нашему Институту со стороны партийных организаций, исторических учреждений и наших историков, упорная работа всего коллектива Института обеспечат высококвалифицированный отбор новых слушателей.

Вокруг Института вырос ряд «дочерних» и «внучатных» организаций: заочное отделение, вечерний институт, семинар по подготовке к поступлению в ИКП, семинар секретарей и партактива Фрунзенского района по изучению истории партии.

Сами слушатели ведут большую партийную работу и в то же время дополнительно в кружках партийного просвещения глубоко изучают историю партии.

Полное выполнение решения ЦК нашей партии и специальных указаний, данных историкам товарищем Сталиным, неустанная борьба за партийность и принципиальную непримиримость в исторической науке, разоблачение всякого рода контрреволюционных, буржуазных, меньшевистских, троцкистских, правооппортунистических теорий обеспечат коллективу Института быструю ликвидацию имеющихся еще серьезных недочетов в программах, в организации учебного процесса и дадут возможность выпускать из Института крепко подготовленных, высокой культуры большевистских историков.

СОДЕРЖАНИЕ

Ф. АНДЕРСОН — Борьба партии с правыми в первые месяцы пролетарской диктатуры	1
П. АНТОНОВ — Борьба партии с „левыми коммунистами“ и Троцким по вопросу о Брестском мире	6
М. МОСКАЛЕВ — Борьба партии с троцкистско-зиновьевским оппозиционным блоком	13

К 30-летию РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА

А. ШЕСТАКОВ — Крестьянство накануне революции 1905 г.	24
П. ГАЛКИНА — Возникновение первого совета в Иваново-Вознесенске в 1905 г.	33
А. ДРЕЗЕН — Цусима (14 — 15 мая 1905 г.)	45

ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

М. ЗАХАРОВА — К статье С. М. Кирова „Деникин на Кавказе“	56
С. НИРОВ — Деникин на Кавказе	59
В. ГОЛЮНКО — Волочаевский бой	62

ИЗ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

В. СЕРЕБРЯКОВ — К годовщине мартовского восстания в Корею в 1919 г.	71
--	----

ИЗ ИСТОРИИ СССР

А. ПОТКАНОВ — Забытое восстание	73
А. ФОХТ — Из истории образования СССР	89

НОВАЯ ИСТОРИЯ

Н. СИДОРОВА — Политические клубы Парижа накануне Коммуны 1871 г.	95
Т. МИЛИЦИНА — Борьба течений во французском профессиональном движении в конце XIX в.	105

БИБЛИОГРАФИЯ

Ю. КРАСОВСКИЙ — Анри Рошфор. Приключения моей жизни	114
А. ЕФИМОВ — Литература по истории Соединенных штатов Америки	119
А. БЕРГЕР — Сергеев. История древней Греции	123

ПО ИСТОРИЧЕСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

Т. ДУБИНА — Институт красной профессуры истории	127
--	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Б. М. ВОГИН (отв. редактор), А. М. ПАНКРАТОВА (зам. отв. редактора), О. С. ВЕЙЛАНД (отв. секретарь), С. С. БАМТНЕ, Т. Я. ДУБИНА, Л. Е. ФРУГ, Ф. Б. ФРУМКИНА.

ЗАВ. РЕДАКЦИЕЙ В. П. ОЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО

ЗАВ. ХУДОЖ. ОТД. ЯКОШ

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 8. Тел. 4-85-62. Прием в редакции от 10 до 3 дня

Уполномоченный Главлита № В-21256   Издательский № 398   Заказ № 743   Тираж 26750

Материал принят к набору 29/III—35 г. Подписан к печати 29/IV—35 г. 4 бум. листа. 153 904 зн. в бум. листе

Типография газеты „Пряда“ им. Сталина, Москва, ул. „Пряда“, 8.

ОПЕЧАТКИ

В № 1—2 нашего журнала, на стр. 130, левая колонка, 27-я строка сверху, следует читать: «III всероссийского съезда советов от 10—18 (23—31) января 1918 г.»

В № 3 эпиграф на стр. 95 следует читать: Сталин: «...Вспомните историю Англии XVII века. Разве не говорили многие, что сгнил старый общественный порядок? Но разве, тем не менее, не понадобился Кромвель, чтобы его добить силой?»

(Из беседы товарища Сталина с английским писателем Г. Д. Уэллсом).

В том же номере, на стр. 103, левая колонка, первую сноску следует читать: «¹ Ф. Энгельс «Анти-Дюринг». Предисловие к английскому изданию «Развитие социализма от утопии к науке», стр. 284. Изд. 1932 г.»

В № 4, на стр. 10, правая колонка, 30-я строка сверху, следует читать: «постановление, внесенное Лениным».

РЕДАКЦИЯ